

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
ВЕДЕНИЕ

журналу

40

лет

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

4
2005
ИЮЛЬ •
АВГУСТ •

Содержание

СТАТЬИ

К юбилею А.А. Зализняка.....	3
Николаев С.Л. (Москва). Карпатоукраинско-паннонская изоглосса (рефлексы праславянских сочетаний *tj и *dj).....	4
Гиппиус А.А. (Москва). К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: “Устав князя Ярослава о мостех”.....	9
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. (Москва). Агиография и выбор имени в Древней Руси... ..	25
Турилов А.А. (Москва). Когда умер Михаил Клопский и кто предсказал церковную карьеру новгородскому архиепископу Ионе?.....	43
Иткин И.Б. (Москва). Об одном ограничении на сочетаемость суффиксов с основой в современном русском языке.....	50

СООБЩЕНИЯ

Ковалев В.Н. (Москва). Этническое самосознание западнославянского правителя в политическом контексте: “славянские” мотивы в пропаганде короля Чехии Пршемысла Оттокара II.....	58
Лантева Л.П. (Москва). Серболужицкий национальный деятель Арношт Мука (1854–1932) и его связи с русскими учеными.....	71
Бирман М.А. (Ашход). П.М. Бицилли в югославский период эмиграции (1920–1923 годы).....	84
Фичи Ф. (Флоренция). Архив Н.Н. Дурново в Праге (Материалы по истории славистики 1924–1927 годов).....	96

ПУБЛИКАЦИИ

Стыкалин А.С. (Москва). К вопросу о приглашении Р. Якобсона посетить СССР в 1956 году.....	110
--	-----

Венедиктов Г.К. Славянский вестник. Вып. 1 116

ЮБИЛЕИ

К юбилею Ритты Петровны Гришиной..... 121

К юбилею Владилена Николаевича Виноградова 123

НЕКРОЛОГИ

Памяти Валентина Васильевича Седова (1924–2004)..... 125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.К. ВОЛКОВ (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
М.А. РОБИНСОН (зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.В. Болдов (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Якушкина В.И.* (отдел лингвистики),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru

К ЮБИЛЕЮ А. А. ЗАЛИЗНЯКА

Простое перечисление основных трудов Андрея Анатольевича Зализняка звучит завораживающе для филологического слуха. Не одно поколение лингвистов выросло, зачитывая до дыр “Русское именное словоизменение” (1967, 2002) и “Грамматический очерк санскрита” (1978, 1987); символом исчерпывающей полноты и стройности лингвистического описания стал выдержавший четыре издания “Грамматический словарь русского языка” (1977, 1980, 1987, 2003); эпоху в развитии акцентологических штудий составили статьи о “Мериле праведном” и книга “От праславянской акцентуации к русской” (1985); переворот в исторической русистике произвели работы о языке берестяных грамот, увенчавшиеся двумя изданиями “Древненовгородского диалекта” (1995, 2004) – книги, равно ценимой лингвистами и историками. “Демииургическая” способность А.А. Зализняка приводить в систему и строгий порядок огромные массы языкового материала, его умение находить неожиданные и красивейшие решения для кажущихся безнадежными задач не знают себе равных. Столь же мощное воздействие имеет личность Андрея Анатольевича, его научная бескомпромиссность, колоссальная работоспособность, скрупулезность и педантизм в сочетании с безошибочной и дерзкой интуицией, фундаментальность без тени тяжеловесности, наконец, выдающийся дар преподавателя и лектора, захватывающего аудиторию выстроенностью “детективного” сюжета и пленительной ясностью формулировок.

В канун своего семидесятилетия А.А. Зализняк выпустил несколько книг (в том числе монографию “Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста” (2004) – капитальный вклад в обсуждение проблемы подлинности памятника) и после большого перерыва вновь прочел на филологическом факультете МГУ легендарный курс санскрита. Поздравляя мэтра российской лингвистики этой скромной подборкой статей, авторы и редакция “Славяноведения” от лица коллег, друзей и учеников Андрея Анатольевича сердечно желают ему здоровья и сил для новых творческих достижений и открытий.

© 2005 г. С. Л. НИКОЛАЕВ

КАРПАТОУКРАИНСКО-ПАННОНСКАЯ ИЗОГЛОССА (рефлексы праславянских сочетаний *tj и *dj)

Давно известно, что украинские (в большинстве своем карпатоукраинские) изоглоссы находят свои “продолжения” на Балканах (ср. многочисленные, давно известные специфические карпато-балканские лексические параллели), причем можно с уверенностью предполагать, что подобные изоглоссы некогда проходили по территории, занятой славяноязычным населением на территории современных Венгрии и Румынии в поздней античности и в раннем Средневековье. Одни из них достигали Балкан, другие заканчивались в “паннонских” диалектах и в славянских диалектах на территории Румынии.

Одна из интересных изоглосс, связывающая украинские диалекты с паннонскими, обнаруживается в связи с установленным Е. А. Хелимским фонетическим распределением рефлексов *tj, *dj в венгерских заимствованиях из древнепаннонского (“панноно-славянского”) позднепраславянского диалекта:

“Рефлексы *dj и *tj. Исследователями давно отмечена неоднозначность рефлексов этих групп в славянских заимствованиях венгерского языка. Имеющийся материал выглядит следующим образом:

bátya ‘старший брат; (ст.-венг.) дядя’ < (?) *batja

диал. *garágya* ‘ограда (особенно из навоза)’ < *gordja

диал. *kútya* ‘хижина’ < *kõtja (после утраты ринезма)

lenguɛl (ст.-венг. *lenguɛn*) ‘поляк’ < *lɛdjan или *lɛdjɛnʲ

lencsɛ ‘чечевица’ < *lɛtja

диал. *malágy* ‘болотный кустарник, ивняк’ < *moldjь

диал. *malogyá* ‘вид ивы’ < др.-венг. *málágya < *moldja

měgye ‘медье; (ст.-венг.) граница’ и *mězsgye* (диал. *mezsdɛ*) ‘межа, граница’ <

*medja

mostoha ‘мачеха’ < *matjexa

nyüst (ст.-венг., диал. *nyist*) ‘ремиза ткацкого станка’ < *nitji

диал. *pɛst* ‘печь’, также *Pest* МН < *ректь

Николаев Сергей Львович — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Авторская работа выполнена в рамках программы ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте” (проект “Историческая лингвогеография восточнославянских языков”).

parittya 'праща' < др.-венг. **pârātyá* < **portja*
ragya (диал. *rogya*) 'оспина, ржавчина' и *gozsda* 'ржавчина' < **gъdja*
szégye 'закол для ловли рыбы' < **sédja*
szērēncse 'судьба, удача, счастье' < **sъrętja*.

... Отметим, что что подобная неоднозначность может получить и чисто фонетическое объяснение. Рефлексы типа *zsd*, *st* обнаруживаются только после краткого гласного (*mostoha*, *mészgye*, *nyüst*, *rozsda*), рефлексы *gy*, *ty* — всегда после долгого гласного (*bátya*, *garágya*, *kútya*, *malágy*, **malágya*, **parátya*, *szégye*) и в двух случаях в качестве варианта после краткого гласного (*mégye*, *ragya*). В положении после славянского носового гласного *dj* отражено как *gy* (*lengyel*), *tj* как *cs* (*lencse*, *szērēncse*)" [1. С. 427–428]¹.

Судя по приведенной цитате, под долгими и краткими гласными Е. А. Хелимский имел в виду венгерские рефлексы славянских гласных. Однако в двух из приведенных примеров венгерский краткий гласный находится на месте праславянского долгого, — это *mostoha* и *nyüst*, в которых *-o-* и *-ü-* < *-i-* являются рефлексами долгого гласного в первом слоге под интонацией "старого акута", а в этой позиции гласные стали краткими в подавляющем большинстве позднепраславянских диалектов (в частности, в южнославянских языках, а также в диалектах-предшественниках всех современных лехитских и словацких говоров).

Е. А. Хелимский предположил, что «данное распределение можно интерпретировать как указание на то, что в ПаннС **dj*, **tj* имели "промежуточное" произношение типа *ʒdʲ*, *ʂtʲ* (через подобную промежуточную стадию должны были, вероятно, пройти и диалекты болгарского типа), и при передаче в венгерском языке слабый преконсонантный звук стирался в позиции после долгого гласного и, как правило, усиливался до полного согласного в позиции после краткого гласного» [1. С. 428].

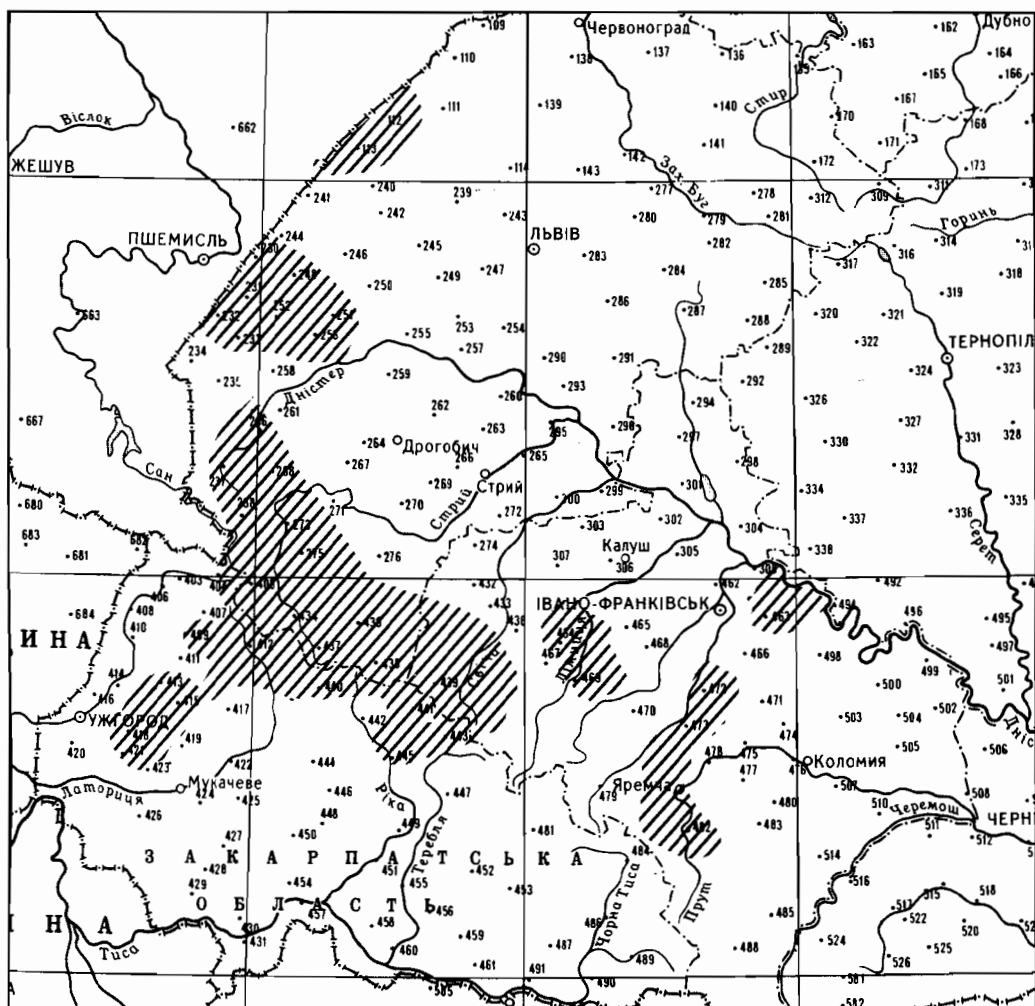
Однако материал украинских говоров свидетельствует о том, что этот процесс мог происходить и в самом "языке-источнике" (т. е. в позднепраславянском диалекте).

Праслав. сочетание **tj* в карпатоукраинских говорах отражается как *čʹ* (> *č*) во всех позициях, однако с рефлексами **dj* дело обстоит иначе. На западе Прикарпатья и в Закарпатье существует большая область и отдельные островки севернее и восточнее с рефлексами, которые условно можно обозначить как систему "*meža – saža – pr'aža*" (**medja* > *meža* в противоположность **sadja* > *saža*, **prędja* > *pr'aža* — см. карту, сделанную на основе карты № 109 диалектологического Атласа украинского языка — АУМ; см. [3. Т. 2]), т. е. рефлексы распределены по тому же принципу, что и в древнепаннонских заимствованиях в венгерский (после кратких гласных — /*ʒ*/, после долгих гласных и носовых, ставших после утраты ринезма простыми долгими гласными, — /*ʒ*/). Помимо этого, на западе Украины (в том числе в карпатских говорах) также отмечены системы с единичными рефлексами **dj* > *ʒʹ* (> *ʒ*) и **dj* > *žʹ* > *ž*.

В материалах Карпатских экспедиций² имеются также рефлексы **gъdja*, **gъdjavъ(jъ)* и **tjudъ(jъ)*. Регулярны рефлексы в следующих говорах, входящих в показанные на карте зоны с системой "*meža – saža – pr'aža*": с. Торунь Межгорского р-на Закарпатской обл. *mežá*, праер. *meži*; *iržá*; *róženč'a* (< **rodjenica*),

¹ Более раннюю редакцию статьи см. [2].

² О Карпатских экспедициях Группы славянского глоттогенеза Института славяноведения РАН, осуществлявшихся ежегодно под руководством С. Л. Николаева с 1987 по 2002 г., см. [4; 5; 6; 7].

Распространение системы "meža – saža – pr'áža" в западноукраинских говорах

saženíc'a 'саженец' < **sadjenica*) (слово **sáža* отсутствует); *čužooj*, *čužíti s'a* (с "литературными" вариантами *čužooj*, *čužíti s'a*) ~ *pr'áža*; с. Битля Турковського р-на Львовської обл. *mežá*, *meži* 'між'; *iržá*, *zaržáviló* ~ *sáža*, *čužá* ~ *pr'áža*; с. Чапли Старосамборського р-на Львовської обл. *mážá* ~ *sáža* ~ *pr'ěžá*; с. Чернява Мосціського р-на Львовської обл. *mižá*; *iržá* ~ *sáža* ~ *pr'áža* (*čužýj* в ответе на вопросы Фонетической программы, однако в ответах на вопросы программы по акцентуации прилагательных слово отсутствует) и с. Луквица Богородчанського р-на Івано-Франківської обл. *mež'á*; (*ə*)*rž'á* ~ *sáž'i* ~ *pr'áž'i*. В говоре с. Яроч Ужгородського р-на Закарпатської обл., находящемся в окружении говоров с **dj* (в любой позиции) > *ž* или *ž*, при регулярных *mežá*, *iržávilj* ~ *sáž'a* ~ *pr'áž'a* отмечены *iržávilje*, *čužá*.

Карпатоукраинские и предполагаемые древнепаннонские рефлексы кажутся далекими друг от друга фонетически. Возможно предположить различные пути развития одной исходной системы. Большинство славянских рефлексов могут быть возведены к стадиям **dj* > **ǵǵ* с дальнейшими единими (не зависящими от

количества гласных) рефлексами — например, восточноболгарским /ž'ž'/ > /ž'd'/, “македонским” /ǵ/, карпатоукраинским ž (в большинстве ужанских, надсянских и лемковских говоров — система “*meža – saža – pr'aža*”³ или “*meža – saža – pr'aža*” в восточных Закарпатье и Прикарпатье)⁴. Однако в части “паннонских” говоров из геминаты *ǵǵ, по-видимому, возникал “сложный” звук žd после кратких гласных и “простой” ǵ > ž' после долгих и носовых (иными словами, геминаты преобразовывались в кластеры после кратких и утрачивали геминацию после долгих и носовых гласных). В части карпатоукраинских говоров по тому же принципу палатальная гемината *ǵǵ > *ž'ž' > ž'ž' > ž' (> ž) после кратких и *ǵǵ > *ǵ > ž' после долгих/носовых гласных. Различное развитие палатальных геминат в зависимости от количества гласных объединяет “паннонские” и часть древних карпатоукраинских диалектов единой изоглоссой независимо от того, возникли ли в них разные способы произношения аффрикат параллельно или на “прадиалектном” уровне.

Помимо карпатоукраинских говоров, двоякий рефлекс *dj обнаруживается на северной периферии украинской языковой области, в пограничных русско-белорусско-украинских (“полесских”) говорах.

В говорах Западной Брянщины, согласно материалу, приведенному А.Б. Пеньковским, распределение рефлексов *dj, а именно ž (/ž') и ž, выглядит следующим образом.

Фонема /ž/ обобщена в глагольном словообразовании и словоизменении (как и в карпатоукраинских говорах): 1 sg. *хаджѹ* и т. д.; в итеративных основах: *прас'ѣдживат'*, *пос'л'адж'айу*, *сц'адж'ала*, *пр'ч'адж'аит'*, *разбудж'ат'*, *садж'ат'*, *х'удж'ат'* ‘становиться хуже’, *гладж'ѣя* ‘становится полной’ и т. д.; в однократных глаголах: *гладжан'ут'*; в пассивных причастиях на *-jen-: *нас'оджан*, *п'ир'игар'б'дж'ина* и т. д.; в северной части говоров также в деепричастиях на -отѣу: *пр'цаж'омшы*, *хадж'омшы*.

В “неморфологических” позициях распределение /ž/ и /ž'/ зависит от предшествующего рефлексу *dj вокализма.

После *о отмечена только фонема /ž/: *уродж'ай* (*urodjaјь), *паг'одж'ий* (*rogodjaјь), *приг'одж'ий* (*prigodjaјь), *пах'одж'ий* (*pohodjaјь), *слободж'анин* (*slobodjaninь). Также этот рефлекс представлен после “вставного о” в полногласиях: *за-*, *огор'оджа* (*gordja), *молодж'ѣй*, *молодж'ѣйший* (сmpar. *mol'odj- с новыми суффиксами).

После долгих гласных *dj > /ž/: *с'аджа* (*sadjа), *с'аджелка* (*sadjadlъka), *й'ѣжа* (*jѣdja), *чуж'ый* (*tjudjaјь) [8. Ч. II. С. 44–48]⁵.

Всего вероятнее предположение, что /ž/ является рефлексом *dj после всех кратких гласных. Этому противоречит пример *ад'ѣжа* (*odedja), однако в данном случае не исключена аналогия с другими формами глагола *odѣti, в которых представлен праславянский долгий гласный *ѣ.

³ В закарпатских говорах, где отсутствует лексема *saža* (а в этом значении используется слово *čad*), система *meža – saža – pr'aža* реконструируется по “редуцированному остатку” *meža – pr'aža*, так как система **meža – saža – pr'aža* в карпатоукраинском ареале вовсе не отмечена.

⁴ На территории Западной Украины гораздо шире распространен рефлекс *saža* при *meža*, *pr'aža*, однако это слово с -ž- уникально (в прочих именах *dj > ž) и его распространение на западноукраинской территории требует специального объяснения.

⁵ Цитируется по машинописному экземпляру, хранящемуся в Отделе диалектологии Института русского языка РАН.

Западнобрнянская система имеет рефлексy, “обратные” по отношению к описанной выше карпатоукраинской, однако их распределение также зависит от количества предшествующих праславянских гласных. При этом с точки зрения исторической фонетики западнобрнянская система рефлексации *dj близка к древнепаннонской — она так же может быть интерпретирована как сохранение геминаты (*dj > *ǵǵ > /ǵ/) после кратких и ее “упрощение” (*dj > *ǵǵ > *ǵ > /ǵ/).

К сожалению, данные диалектологических атласов украинского и белорусского языков не дают информации по рефлексам *dj после кратких гласных на территориях, сопредельных Западной Брянщине. В АУМ, т. I, карта 115 картографированы только рефлексy *sadja, которая имеет вид *sajsa* во всех северо-восточных украинских говорах (ср. западнобрнянские рефлексy *dj после долгих гласных). Из карты № 109 в АУМ, т. II следует, что на северо-западе Украины распространена форма *sadjsa*, в некоторых говорах отмеченная одновременно с формой *меджа*, однако “обратные” системы, аналогичные западнобрнянским, там не зафиксированы. В белорусском диалектологическом атласе (ДАБМ) рефлексy *dj не картографированы.

Нам остается выбирать между тремя рабочими гипотезами: в позднепраславянскую эпоху 1) двоякая рефлексация *dj была свойственна всей юго-западной территории восточнославянской языковой области (иными словами — украинской *sensu lato*), и контрастные между собой карпатоукраинские и западнобрнянские рефлексy восходят к единым архетипам; 2) двоякая рефлексация *dj была свойственна всем восточнославянским диалектам, а до нашего времени ее реликты сохранились в зонах, считающихся наиболее архаичными “островками” (Полесье, Карпаты); 3) карпатоукраинские и западнобрнянские рефлексации *dj возникли независимо друг от друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хелимский Е. А. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
2. Хелимский Е. А. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988.
3. Атлас української мови. Київ, 1984–2001. Т. 1: Полісся, Середня Наддніпрянина і суміжні землі. 1984. Т. 2: Волинь, Наддністріянина, Закарпаття і суміжні землі. 1988. Т. 3: Слобожанщина, Донеччина, Нижня Наддніпрянина, Причорномор’я і суміжні землі. 2001.
4. Бушкевич С. П., Николаев С. Л., Толстая С. М. Этнолингвистические экспедиции в Украинские Карпаты // Славяноведение. 1994. № 3.
5. Николаев С. Л. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинско-гуцульский ареал // Славяноведение. 1995. № 3.
6. Николаев С. Л. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинско-гуцульский ареал (продолжение) // Славяноведение. 1995. № 5.
7. Николаев С. Л. Вокализм карпатоукраинских говоров. 2. Закарпатский ареал // Славяноведение. 1996. № 1.
8. Пеньковский А. Б. Фонетика говоров Западной Брянщины. Ч. I–II. Кандидатская диссертация. Владимир, 1966.

© 2005 г. А. А. ГИППИУС

К ИЗУЧЕНИЮ КНЯЖЕСКИХ УСТАВОВ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА: “УСТАВ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА О МОСТЕХ”

“Устав князя Ярослава о мостех” (далее УМ) — самый короткий из древнерусских княжеских уставов и вместе с тем один из наиболее сложных для анализа. Содержание памятника, регламентирующего порядок благоустройства центральной территории Новгорода, давно закрепило за ним значение ценнейшего источника по исторической топографии города и социальной истории Новгородской земли. Однако извлечение из этого источника достоверной исторической информации затруднено до крайности. Отсутствие имеющейся в других княжеских уставах преамбулы с изъяснением обстоятельств и целей издания акта, предельная насыщенность текста топографической и социальной терминологией и, особенно, крайний лаконизм, с которым УМ разверстывает мостовую повинность, делают его текст предметом самых разноречивых толкований. Трудности понимания усугубляются сложной историей памятника, дошедшего в пятнадцати списках, довольно существенно различающихся между собой, и уже в архетипе этих списков содержавшего позднейшие интерполяции.

Указанные особенности УМ ставят его интерпретацию как исторического источника в прямую зависимость от результатов критики текста памятника. В задачи последней входят: 1) реконструкция архетипа сохранившихся списков; 2) реконструкция первоначального вида документа до внесения в него интерполяций; 3) осмысление общей структуры текста и его перевод. Хотя усилиями ряда исследователей сделано уже очень много для решения этих задач, к непротиворечивому прочтению документа в целом пока прийти не удастся. Представляется, что такое положение во многом объясняется тем, что УМ, за всю историю его изучения, ни разу не стал объектом специального филологического анализа. Настоящая работа призвана в какой-то степени компенсировать этот недостаток. Опираясь в основном на филологические данные, мы попробуем предложить новую, уточненную реконструкцию исходного текста памятника, расчистив таким образом путь к его адекватной историко-топографической интерпретации.

Гиппиус Алексей Алексеевич — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена в рамках программы ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте” (проект “Языки Славии: диахроническая типология”).

Магистральное направление в современном изучении УМ задано работой В. Л. Янина [1]. обстоятельному историко-топографическому комментарию к тексту УМ исследователь предпослал его текстологическое исследование. Опираясь на классификацию списков в академическом издании “Русской Правды”, В. Л. Янин показал, что наиболее близким к архетипу памятника является его Археографический вид, а в его пределах — текст, дошедший в составе Комиссионного списка Новгородской первой летописи (далее — НПЛ). Исследователь также выявил в тексте УМ вторую интерполяцию (первая, упоминающая новгородские сотни, была выявлена М. Н. Тихомировым [2. С. 146]) и обосновал датировку памятника временем княжения в Новгороде Ярослава Ярославича (не позднее 1265–1267 гг.).

Первоначальный текст УМ без интерполяций реконструируется В. Л. Яниным в следующем виде:

“А се устав Ярослава князя о мостех. Осмеником поплата. В Людин конец через греблю к Добрыни улицы, в городная ворота до Пискупли улице, с прусы до Бориса и Глеба мостити, а Чюдинчеве улице с загородци до городнихъ воротъ. А владыце сквозе городнаа ворота с изгой и с другими изгой до Острои городне, до софьян, софьяном до тысячьского, тысячьскому до вошник, от вошник посаднику до великого ряду, от великого ряду князю до Немецкого вымола, немцем до Ивана вымола, гтом до Алфердова вымола до заднего, а от Алфердова вымола огнищаном до Будятина вымола, ильинцам до Матфеева вымола, михайловцам до Бардовы улице, а витковцам до Климятиных сенеи” [1. С. 95–96].

В этом реконструированном тексте В. Л. Янин выделил 15 фрагментов и топографически идентифицировал их, нанеся соответствующие участки мощения на план средневекового Новгорода. Характеризуя содержание памятника в целом, В. Л. Янин пишет: «“Устав” в высшей степени избирателен. Он разверстывает мостовую повинность, касающуюся лишь общественных центров: Детинца и непосредственных подходов к нему, главных магистралей Торга, дорог, соединяющих Торг, иноземные фактории и город как таковой с пристанями. Вероятно, забота о возобновлении рядовых уличных настилов лежала на самих уличанах. Однако в УМ в то же время нет ни слова о столь важных и также общественных территориях, как, например, вечевые площади, не говорит он и о мощении въезда в Детинец со стороны Неревского конца. Главная цель “Устава” — организовать те магистрали, которые обслуживают Торг. Это относится непосредственно и к улицам Детинца, выводящим к Великому мосту: именно по этим улицам шло торговое движение с Софийской стороны города» [1. С. 108].

С торговой направленностью документа В. Л. Янин связывает и то, что сбор платы за мощение перечисленных в нем участков УМ поручает осменникам (осьмникам)¹ — сборщикам торговых пошлин. Используя данный аргумент, исследователь исходит из традиционного понимания слов *осменикомъ поплата* как отдельной фразы, примыкающей к заголовку УМ. Основной текст документа начинался, по Янину, словами *Людин конец через греблю к Добрыни улицѣ...* Восстанавливая его таким образом, то есть считая Людин конец первым из названных в УМ субъектов мощения, В. Л. Янин отступает от признанного им наиболее достоверным Комиссионного списка (где, как и в других списках, читается *въ Людинъ ко-*

¹ В написании данного термина в исторической литературе отсутствует единообразие, встречаются варианты *осменник*, *осменик*, *осмник*. Мы отдаем предпочтение написанию *осьмник* как наиболее отвечающему внутренней форме древнерусского слова (о чем см. специально ниже) и не входящему в противоречие с правописанием основы (*восьм-* в современном русском языке).

нець), и опирается на уникальное чтение летописи Аврамки, в которой предлог *въ* отсутствует.

Данное звено построения В.Л. Янина вызвало конструктивную критику А.В. Кузы [3. С. 303–304]. Отметив текстологическую необоснованность устранения предлога *въ* из первой фразы УМ, А.В. Куза предлагает читать текст так, как его передают все списки, кроме летописи Аврамки; при этом упоминание осьмеников относится исследователем не к заголовку, а к основному тексту: *Осменикомъ поплата: в Людинъ конецъ чересь греблю к Добрыни улицы, в городная ворота до Пискупли улицѣ, с прусы до Бориса и Глѣба мостити*. Эта принципиальная поправка превращает осьмеников из получателей “поплаты” в одного из субъектов мощения, а Людин конец, напротив, из субъекта мощения — в топографический ориентир.

С дополнительной аргументацией поправка А.В. Кузы была поддержана В.А. Буровым [4. С. 84–85], предложившим также ряд других коррективов к схеме В.Л. Янина. К ним мы еще вернемся, пока же заметим, что оба автора исходят в своем понимании УМ из восстановленного В.Л. Яниным первоначального текста, причем следуют ему даже более последовательно, чем сам В.Л. Янин.

Принципиально иной подход демонстрирует в новейшем исследовании УМ Д.А. Петров [5]. По его мнению, текст, принимаемый В.Л. Яниным за первоначальный, таковым быть признан не может, ибо содержит массу искажений, возникших как вследствие внедрения в исходный текст инородных вставок, так и просто из-за непонимания его переписчиками. Собственный анализ приводит Д.А. Петрова к неутешительному выводу: поскольку все списки памятника содержат “массу дефектов и лакун”, “установить его достоверный текст не представляется возможным” [5. С. 39]. Несмотря на это, исследователь все же дает свою реконструкцию первоначального текста, изобилующую вопросами и предполагаемыми лакунами².

К счастью, пессимистичное заключение Д.А. Петрова является последним словом о нашем памятнике только хронологически: автору остались неизвестны работы его прямых предшественников, принципиальная поправка А.В. Кузы, исправляющая построение В.Л. Янина в его наиболее уязвимом звене, им даже не обсуждается. Полемизируя с В.Л. Яниным, Д.А. Петров не счел нужным оспорить его текстологическую аргументацию в целом. В предлагаемом им альтернативном анализе разрозненные текстологические соображения переплетены с историко-топографическими, из-за чего итоговая реконструкция оказывается весьма эклектичной.

Скепсис Д.А. Петрова вызывает, очевидно, точность, с какой реконструкция В.Л. Янина следует Комиссионному списку Археографического извода (поправка А.В. Кузы, как мы видели, делает ненужным единственное отступление от этого списка). Однако предпочтение, оказываемое Комиссионному списку, объясняется его объективным положением в стемме, восстанавливаемой путем группировки

² “А се устав Ярослава князь о мостех, осмеником поплата. В (?) Людин конец через греблю от (?) Добрыни улицы, в городние ворота до Пискупли улицы, а Пискупли улице с прусы (возможна лакуна) до Бориса и Глеба, а Чюдинцеве улице с загородцы до городних ворот, а владыке сквозь городние ворота с изгой до Острои городни и съ другими изгой до софьянь (возможна лакуна), софьяном до тысяцко-го, тысяцкому до вошник, от вошник посаднику до Великого ряду, от великого ряда князю до Немецкого вымола, немцем до Ивана вымола, от Ивана вымола готом до Гералдова (?) (Алфердова?) вымола до заднего, а от Гералдова (?) (Алфердова?) вымола, огнищанам до Бутягина вымола (возможна лакуна), ильинцам до Матфеева вымола, Михайловой улице до Бардовы улице, а витковлянам до Климияных сеней” [5. С. 39].

списков на основе бесспорных общих искажений. Таким образом устанавливается не только существование общего архетипа Троицкого, Оболенского и Бальзеровского видов УМ, составляющих Карамзинскую группу, но также общего архетипа Карамзинской группы и Пушкинского списка. В пределах Археографического извода общие вторичные чтения позволяют возводить к одному архетипу списки УМ в Соловецкой кормчей 1493 г. и Летописи Аврамки³. Между тем заведомо вторичные чтения, которые бы объединяли Пушкинский извод с Археографическим, отсутствуют, как нет и очевидных искажений, общих для всех списков Археографического извода. Таким образом, текстологическая необходимость реконструировать отдельный архетип Археографического извода, отличный от архетипа УМ, вообще говоря, отсутствует, и к последнему могут независимо восходить 1) архетип Пушкинского списка и Карамзинской группы, 2) архетип Соловецкого списка и Летописи Аврамки и 3) Комиссионный список.

Принятие такой схемы соотношения изводов УМ, несколько модифицирующей стемму В. Л. Янина [1. С. 95], означало бы, что текст архетипа УМ может быть почти в полном объеме достоверно восстановлен сравнительно-текстологическим методом. Нетрудно убедиться в том, что результат этого восстановления оказывается практически идентичен тексту Комиссионного списка. Отступления от него были бы необходимы там, где индивидуальное чтение Комиссионного списка противостоит общему чтению остальных изводов, однако такие случаи отсутствуют.

Нужно, впрочем, заметить, что полное восстановление истории текста УМ возможно лишь в связи с историей “Русской Правды”, спутником которой наш памятник является в рукописной традиции. Не исследовав этой стороны дела, нельзя исключить, что списки, традиционно объединяемые в Археографический извод, все же восходят к общему архетипу, и лишь через него — к архетипу УМ. Однако и в таком случае первоначальные чтения восстанавливаются для большей части текста вполне надежно. Очевидно, что индивидуальные чтения Пушкинского списка, которым противостоят общие чтения Карамзинской группы и Археографического извода, к исходному тексту восходить не могут. Между тем такие чтения в избытке присутствуют в реконструкции Д. А. Петрова, видимо, полагающегося на Пушкинский список просто в силу его большей древности.

Итак, общий вывод В. Л. Янина, согласно которому архетипический текст УМ точнее всего передан Комиссионным списком, представляется весьма обоснованным. Считая так, мы тем не менее не можем полностью согласиться с предложенной исследователем (и принятой, с уже указанной поправкой, А. В. Кузой и В. А. Бутовым) реконструкцией первоначального текста памятника и хотели бы еще в двух пунктах скорректировать ее.

Чтобы обосновать эти дополнительные коррективы, прибегнем к такому идеологически нейтральному инструменту, как наблюдение над общей структурой текста УМ, в том виде, в каком его восстановил В. Л. Янин. Для начала запишем этот текст (расставив *ѣ* и *ѡ* на конце слов) в форме таблицы, колонки которой соответствуют основным структурным компонентам УМ (см. таблицу на с. 13).

Колонки 2 и 3 таблицы соответствуют субъекту мощения. Этот субъект может быть простым (в таком случае он выражается формой дательного падежа — колонка 2) или составным (в таком случае при основном обозначении субъекта имеется зависимая словоформа творительного падежа — колонка 3). Колонки 1 и 5 соответ-

³ *Быкова* вместо *Бъвыкова* Комиссионного списка (при правильном *Бовыкова*), *Лоучкая* вместо *Лоужская* (из *Лоужьская*), пропуск слов *до заднего а от Алфердова вымола*.

1	2	3	4	5	6
	осменикомъ		поплата	в Людин конецъ через греблю к Добрыни улицы в городная ворота до Пискупле улице	
	а Чудинцевъ улице	с прусы		до Бориса и Глеба	мостити
	А владыцъ	съ изгой		до городских ворот	
		и съ другими изгой		сквозе городная ворота до Острои городнѣ до софьянъ	
	софьяномъ			до тысячьского	
	тысячьскому			до вощникъ	
от вощник	посаднику			до великого ряду	
от великого ряду	князю			до немецкого вымола	
	нѣмцемъ			до Ивана вымола	
	гтомъ			до Алфердова вымола до заднего	
от Алфердова вымола	огнищаномъ			до Будятина вымола	
	ильищамъ			до Магфеева вымола	
	михайловцамъ			до Бардовы улицѣ	
	витковцам			до Климятинныхъ сеней	

ствуют объекту мощения, обозначение которого может включать или не включать указание начала участка (в форме родительного падежа — колонка 1). В колонках 4 и 6 заполнено по одной строке, однако в отличие от позиций 1 и 3, заполнение которых носит в принципе факультативный характер, данные позиции составляют принципиально важные звенья структуры текста. Употребленные по одному разу в начале текста, слова *поплата* и *мостити*, оказываются тем самым как бы вынесенными за скобки, имплицитно присутствуя в составе всех остальных фрагментов. Так, например, фрагмент *7 тысячьскому — до вощник* есть сокращенная запись фразы, которая в развернутом виде имела бы вид: **тысячьскому оплата — до вощник мостити*, что означает ‘тысяцкий платит за мощение (участка) до вощников’.

Нераспознавание такой структуры текста лежит в основе уже упоминавшейся точки зрения, выделяющей слова *осмеником оплата* в отдельную фразу, будто бы означающую, что плата за мощение перечисленных в УМ участков собирается осмниками — сборщиками торговой пошлины. При таком прочтении оказывается, что субъект мощения первого участка в тексте вообще не назван. Не решает проблемы и предложение В. Л. Янина считать первоначальным чтение списка Аврамки, где предлог отсутствует: форма именительного падежа *Людинь конець* не сочетается с инфинитивом *мостити*, требующим субъекта в форме дательного падежа. Таким образом, структурные соображения заставляют решительно присоединиться к трактовке данного места, предложенной А. В. Кузой.

Обратимся теперь к колонкам 2 и 3 нашей таблицы. Перечисляемые в УМ субъекты объединяются в несколько категорий. Это 1) высшие представители церковной и светской власти: владыка, князь, посадник, тысяцкий; 2) отдельные социальные группы: осмники, изгои, софьяне, огнищане; 3) иноземные купеческие корпорации: “немцы” и “готы”; 4) население отдельных городских территорий: Загородья (загородцы) и улиц: Прусской, Чудинцевой, Ильиной, Михаиловой, Витковой. В структурном отношении из этих категорий особенно примечательна последняя. Обращает на себя внимание, что в четырех случаях, где субъектами мощения являются уличане, УМ пользуется соответствующими названиями жителей: *прусы*, *ильинцы*, *михашловцы*, *витковцы*, тогда как при указании границ участков употребляются названия улиц: *к Добрыни улицы*, *до Пискупли улицѣ*, *до Бардовы улицѣ*. В том, что такое распределение не случайно, но отражает общую закономерность, убеждает материал НПЛ, где, при высокой частотности названий улиц и уличан, то же распределение соблюдается со стопроцентной последовательностью: нет ни одного случая, где бы название улицы метонимически обозначало ее жителей (то есть, например, вместо *прусы* или *михашловцы* стояло бы *Прусская улица* или *Михашлова улица*).

В УМ данное распределение нарушается единственный раз: *а Чюдинчевѣ улицѣ с загородци до городнихъ воротѣ*. Объяснить это отклонение специфичностью самого названия не представляется возможным: регулярное обозначение жителей Чудинцевой улицы — “чудинцевцы” — засвидетельствовано в НПЛ⁴. Между тем, аномальное в структурном отношении, данное место является таковым и содержательно: Чудинцева улица — единственная из улиц Софийской стороны, жителей которой

⁴ Ср. под 6901(1393) г.: *Поставиша чюдиньцевци церковь камену Усѣбноение главы святого Иоанна Предтеца; а церницинци церковь камену святую Варвару поставиша* [6. С. 397].

УМ называет в качестве самостоятельного субъекта мощения (ср. “прусов”, которые упоминаются лишь в связи с определением участка осьмников)⁵.

Еще одну структурную аномалию можно обнаружить, рассматривая колонку 5. Границы участков мощения определяются в УМ либо топографически (*до Бориса и Глеба, до городских ворот, до великого ряду* и т.д.), либо указанием на предыдущего или следующего субъекта мощения (*до тысяцкого, до воцник, от воцник*). Имеется только один случай, где оба способа совмещены и одна и та же граница определена дважды: *до Острой городни, до софьян*.

Чрезвычайно важным представляется тот факт, что обе отмеченные аномалии (в таблице выделенные курсивом) занимают в тексте аналогичные позиции, а именно приходится на границы основного текста УМ и выделяемых в нем интерполяций. Слова *а Чудинчевѣ улицѣ* непосредственно следуют за словами *до Чудинчевѣ улицѣ*, которыми, согласно В. Л. Янину, заканчивается текст первой интерполяции, а слова *до Острой городни* и *до софьян* обрамляют второй интерполированный фрагмент. Крайне маловероятно, чтобы это двойное совпадение было случайным. Очевидно, что отмеченные нерегулярности в структуре текста представляют собой результат нарушения этой структуры, вызванного внесением в текст двух вставок.

Технический аспект этой операции до сих пор не привлекал к себе должного внимания. В. Л. Янин автоматически относит к первоначальному тексту УМ все, что остается после удаления фрагментов, квалифицируемых как вставки. Такой подход был бы оправдан, если бы вставные фрагменты были написаны специально с целью помещения на их нынешних местах. Интерполированный таким образом текст мог бы с полным основанием рассматриваться как новая редакция УМ (сходным образом эволюционировал, например, текст “Устава Владимира”). Наш случай, однако, совершенно иной. По убедительному заключению самого В. Л. Янина, “вставки, втянутые в текст УМ, несомненно находились на полях авторской рукописи, иными словами, официального оригинала этого документа” [1. С.109] (для второй интерполяции такая трактовка была предложена уже А. Н. Насоновым [7. С. 124]). То, что эти маргиналии не были предназначены для введения внутрь основного текста, ясно из содержания первой интерполяции с перечислением тигожан, коломлян, нередижан, вережан и питьблян, “не имеющих никакого отношения к тому сюжету, изложение которого грубо нарушено их упоминанием” [1. С. 95]. Превращение маргиналий во вставки могло произойти лишь на том этапе истории текста, когда УМ уже утратил статус действующего документа и представлял исключительно “архивный” интерес. Произошло это, судя по всему, при составлении юридического сборника, в котором УМ был впервые объединен с “Русской правдой” и другими статьями, образующими его конвой в сборниках Пушкинского и Археографического видов. Составлявший этот сборник книжник работал не позднее второй половины XIV в., которой датируется Пушкинский список, и, по-видимому, в Новгороде. Он отлично

⁵ По списку УМ можно набрать еще несколько аналогичных примеров, сама разрозненность которых свидетельствует о вторичности соответствующих чтений. В списке Аврамки Археографического извода вместо *с прусы* читается *с Прускои*; в Пушкинском списке вместо *михаиловцамъ – Михаиловѣ улицѣ*; наконец, в Троицком и Оболенском видах, а также в Соловецком списке Археографического вида читаем: *а Пискоуплѣ оулицѣ с проусы до Бориса и Глѣба*. Последнее чтение, из которого выводимо чтение Бальзеровского вида *а от Пискоуплѣ оулицѣ...*, имелось, по-видимому, уже в архетипе Карамзинской группы. Поскольку список Аврамки (восходящий к общему архетипу с Соловецким списком) и Пушкинский список (имеющий общий архетип с Карамзинской группой) совпадают в данном пункте с Комиссионным списком, возводить слова *а Пискоуплѣ оулицѣ* к архетипу УМ (что предполагает Д. А. Петров) текстологических оснований нет; скорее, в них следует видеть дополнение, сделанное независимо в архетипе Карамзинской группы и Соловецком списке.

ориентировался в новгородской топографии, зная ее не понаслышке, но конкретный административный смысл предписаний УМ был ему уже неясен или, во всяком случае, безразличен. Включая УМ в сборник, писец был озабочен тем, чтобы как-то соединить основной текст с маргиналиями, придав целому видимость связности. Этого можно было достичь, “привязав” маргиналии к тем фрагментам основного текста, с которыми они топографически перекликались. Для этого, однако, текст УМ необходимо было определенным образом приспособить к введению в него иностранных фрагментов. Считаем, что указанные выше структурные аномалии представляют собой не что иное, как следы такого приспособления.

Отдадим должное проницательности Д. А. Петрова, который — единственный из писавших об УМ, — реконструируя первоначальный текст, учитывает возможность таких возникающих на границах интерполяций искажений. По поводу повтора *а пидьбляномъ до Чудинцевъ улицѣ, а Чудинцевъ улицѣ с загородци...* он замечает: “Нам кажется, что здесь весьма высока вероятность механического повторения названия улицы и, вообще, повреждения текста, произошедшего, вероятно, при соединении вставки-интерполяции с основным текстом” [5. С. 31]. В том же ключе исследователь объясняет и двойное определение границы *до Остроу городнѣ, до софьянѣ*. К сожалению, эти верные наблюдения теряются в обилии лагун, перестановок и прочих повреждений первоначального текста, которые Д. А. Петров предполагает уже вне всякой связи с интерполяциями. С другой стороны, реконструкции, предлагаемые Д. А. Петровым для двух интересующих нас фрагментов, трудно счесть удовлетворительными. Рассматривая эти фрагменты подробнее, мы, по необходимости, должны коснуться и топографического аспекта.

По мнению Д. А. Петрова, из двух упоминаний Чудинцевой улицы вторичным, возникшим в результате внесения в текст интерполяции, является первое, которое, как считает исследователь, «несколько нарушает петлеобразный маршрут, “проложенный” рассматриваемым документом вокруг Новгорода» [5. С. 31]. Смысл этого аргумента для нас неясен. Как бы ни трактовать содержание первой интерполяции, нельзя не согласиться с В. Л. Яниным в том, что описанный маршрут ведет, хотя и окольным путем, в Новгород, и то, что в конечном счете он выводит на Чудинцеву улицу, вполне естественно. Между тем второе упоминание Чудинцевой улицы, как мы уже видели, аномально сразу в двух отношениях.

На основе всего сказанного заключаем: в исходном тексте УМ Чудинцева улица в качестве субъекта мощения не называлась, а упоминались только загородцы. С этим упоминанием писец интерполированной копии УМ и состыковал первую маргиналию, заканчивавшуюся упоминанием проходившей в Загородье Чудинцевой улицы; для этого ему потребовалось сделать “связку”: *до Чудинцевъ оулицѣ, а Чудинцевѣ улицѣ с загородци...*

Для реконструкции первоначального вида УМ такая трактовка данного места оборачивается весьма важным и довольно неожиданным следствием: словами *с загородци до городьнихъ воротъ* заканчивается первая, очень длинная (в масштабах нашего текста) и риторически хорошо выстроенная фраза, описывающая участок мощения осьминок: *Осменикомъ поплата: въ Люднѣ конецъ чересь греблю к Добрыни улицы, в городная ворота до Пискоупли улицѣ, с проусы до Бориса и Глѣба мстити, с загородци до городьнихъ воротъ*.

Реконструкция первоначального вида УМ в месте включения в него второй маргиналии сопряжена с большими трудностями. Приступая к ней, необходимо прежде всего разобраться в структуре самой интерполяции. Традиционно считается, что в

ней перечисляются новгородские сотни: городские и “волостные”. Однако, если первые в тексте действительно называются, то “волостные сотни” представляют собой историографический миф, основанный на неверном понимании синтаксической структуры перечня. Этот перечень включает 19 единиц, пронумерованных подряд буквенной цифирью. При некоторых цифрах имеются “фонетические распространители”, обозначающие окончания соответствующих порядковых прилагательных: 1-я ‘первая’, 3-я ‘третья’ и т. д. По мнению большинства историков, писавших об этом тексте, пронумерованными таким образом являются сами сотни: Давыдова, Слепцова и др. — в первой части перечня, Ржевская, Бежицкая и др. — во второй его части. При этом сочетание *Давыжа ста* и следующие за ним тракуются исследователями (начиная, кажется, с Б. А. Рыбакова [8]) как стоящие в именительном падеже и имеющие своим главным компонентом существительное *ста женского рода. Отсутствие этого компонента во второй части перечня, начиная с пункта 11-я княжа, рассматривается как результат сокращения, то есть предполагается, например, что за записью 13 *Бежичкая ста* стоит “Бежицкая ста”, за записью 14 *Вочьская* — “Водская ста” и т. д.

Лингвистическая несостоятельность и даже абсурдность такой трактовки вполне очевидны. Слово *ста женского рода ни в каком славянском языке никогда не существовало, и в тексте его нет. Пронумерованными единицами перечня являются, следовательно, не сотни — ими могут быть только звенья (секции) Великого моста, обозначенные существительными женского рода, к которым и относятся определения *первая*, *вторая* и т. д. Сочетания же *Давыжа ста*, *Слѣпцева ста* и др. стоят не в именительном, а в родительном падеже; формы номинатива здесь будут соответственно *Давыже сто* и *Слѣпцево сто*. Таким образом, запись 1-я *Давыжа ста* означает: ‘Первая (секция) — Давыдовой сотни’.

Вторая часть перечня организована иначе. Здесь прилагательные *княжа*, *Ржевская*, *Бежичкаа* и др. имеют форму именительного падежа женского рода, согласуясь с тем же подразумеваемым названием мостового звена. То есть 12 *Ржевская* следует понимать: ‘двенадцатая (секция) — ржевская’, т.е. строится на средства Ржевы.

Несовпадение грамматических структур двух частей перечня объясняется строго соблюдавшимися в раннедревнерусскую эпоху правилами выражения отношений принадлежности. Согласно этим правилам, данное отношение регулярно выражается не родительным падежом имени обладателя, а притяжательным прилагательным; если же наименование обладателя представляет собой словосочетание, оно принимает форму родительного падежа. Ярким примером действия данного правила могут служить варианты заголовка нашего памятника: *А се оуставъ Ярославль...* (Пушкинский вид) и *А се оуставъ Ярослава князя* (Археографический вид).

В пределах интерполяции переход от одной модели к другой происходит во фрагменте: 10 *кн(я)жа ста*, 11 *княжа*. Центральное положение в структуре Великого моста — между звеньями, возводимыми на средства городских сотен (1–9) и новгородских волостей (12–19) — занимают звенья, строящиеся на средства княжеской сотни (10) и самого князя (11). В этом нельзя не увидеть своеобразного топографического символизма: структура Великого моста символически воплощает в себе структуру Новгородской земли, и при этом средоточием ее является князь⁶.

⁶ Специально заметим, что в таком прочтении (филологически — единственно возможном), фрагмент 11 *княжа* не содержит прямого указания на наличие территориальной доли князя в Новгородской земле, то есть княжеского домена. УМ сообщает лишь, что одна из городов Великого моста (11-я) была

Какое же слово скрывается за цифрами второй интерполяции УМ? В принципе, на роль общего термина для мостового звена подходят два существительных женского рода, в узком смысле обозначающих отдельные составные элементы моста, — *городня* и *рѣль*; первое обозначает мостовые опоры, второе — отрезки мостового настила. Упоминание релей в конце интерполированного фрагмента (*18 Поволховскаа трои рѣль, 19 Южол'вичьскаа двои рѣль*) вроде бы говорит о том, что именно это слово называет в УМ мостовое звено в целом, включая и городню [1. С. 110]. Однако подстановка в текст данного термина делает конструкцию тавтологичной: *'18-я (рель) Поволховская, три рели'. Не исключено поэтому, что в интерполяции УМ пронумерованы все же городни, как наиболее трудоемкие и конструктивно сложные детали моста, тогда как *рѣль* используется как вспомогательный термин, при указании того, сколько звеньев моста от соответствующей городни приходится на долю той или иной волости. Существенно также, что в многочисленных летописных (в НПЛ) упоминаниях Великого моста фигурируют исключительно городни, поэтому независимо от того, что подразумевал под буквенной цифирью автор интерполированной маргиналии, с точки зрения интерполятора естественно было предположить, что речь идет именно о городнях моста.

В связи с этим нельзя не признать глубоко не случайным, что интерполированный фрагмент начинается непосредственно за словами *до Остроу городнѣ*. Слово *городня* связывает основной текст УМ и интерполяцию, являясь по отношению к последней таким же “вынесенным за скобки” элементом, какими слова *поплата* и *мостити* являются по отношению к “Уставу” в целом.

В свете такого прочтения текста однозначно решается давно дискутируемый в литературе вопрос: какой топографический объект назван в УМ Острой городней? Существуют три точки зрения на эту проблему. Традиционный взгляд признает Острой городней первую со стороны Детинца береговую городню Великого моста, объясняя название тем, что городня эта располагалась на территории, называвшейся “Владычным островком” (см., напр., [9. С. 17]). В. Л. Янин [1. С. 100–101] считает, что так могла называться крайняя северная городня моста через овраг в Детинце, находившаяся на траверзе Софийского собора. Наконец, по мнению В. А. Бурова, Острая городня — одна из срединных городен Великого моста, соответствующая изображаемому на планах XVIII в. месту его изгиба (“перелома”) [4. С. 88].

Очевидно, что из этих трех вариантов идентификации Острой городни описанной выше структуре текста отвечает только первый: в этом случае переход от Острой городни к перечислению городен Великого моста оказывается вполне естественным. Отказ В. Л. Янина от этого традиционного взгляда был вызван невозможностью совместить его с предложенной исследователем реконструкцией первоначального текста УМ. Но, как мы теперь понимаем, необходимость в таком совмещении отсутствует, поскольку именно в данной точке эта реконструкция нуждается в корректировке, о чем сигнализирует отмеченная выше структурная аномалия.

Следует думать, что упоминание Острой городни, в реконструкции В. Л. Янина дублирующее другое определение границы участка (*до софьянѣ*), в первоначальном тексте отсутствовало и было, подобно словам *а Чюдинчевѣ улицѣ*, добавлено в качестве “связки”, вводящей интерполяцию с перечислением городен Великого моста. В таком случае первоначальное состояние данного места реконструируется сле-

“княжеской”, т. е. возводилась князем на собственные средства; каков был источник этих средств — это уже другой вопрос.

дующим образом: **А владыцѣ съ изгой сквозѣ городная ворота и съ другими изгой до софьянѣ; софьяном до тысячьского, тысячьскому до воцъникѣ...*

Как уже было сказано, составитель юридического сборника, в составе которого впервые появился интерполированный текст УМ, хорошо знал топографию Новгорода, так что добавление им “от себя” Острой городни к перечислению городен Великого моста, не должно показаться странным. Однако, оформив таким образом включаемую в текст маргиналию, он все же ошибся с местом вставки, в результате чего в интерполированном тексте участок софьян оказался перенесен на противоположащий Детинцу берег Волхова. Правильно было бы произвести вставку иначе: **софьяномъ до Острои городни. ѿ-я Давыѣжа ста ...*

Все сказанное позволяет предложить следующую реконструкцию первоначального текста памятника (места исключенных вставок обозначены [...]):

[0]А се оуставъ Ярослава княза о мостѣхъ. [1] Осмьникомъ поплата: (а) въ Людинъ коньць через греблю къ Добрыни улицы, (b) въ городьнаѣ ворота до Пискупль улицѣ, (с) съ проусы до Бориса и Глѣба мостити, [...] (d) съ загородьци до городьнихъ воротъ; [2] а владыцѣ (а) съ изгой сквозѣ городьнаѣ ворота и (b) съ другими изгой до [...] софьянѣ; [3] софьяномъ до тысячьского; [4] тысячьскому до воцъникѣ; [5] ѿ воцъникѣ посадьникуоу до великого радуо; [6] ѿ великого радуо князю до нѣмечьского вымола; [7] нѣмьцемъ до Ивана вымола; [8] гѣтомъ до Альфѣрдова вымола до задьнего; [9] ѿ Альфѣрдова вымола огнищаномъ до Будатина вымола; [10] ильиньцемъ до Матьфѣева вымола; [11] михайловьцемъ до Бардовы оулицѣ; [12] витѣковьцемъ до Климатиньхъ сѣнии.

Предлагаемая реконструкция обладает, на наш взгляд, следующими преимуществами, позволяющими ей претендовать на объективность. С одной стороны, она абсолютно последовательно базируется на тексте Комиссионного списка, точнее всего отражающего архетип памятника. С другой стороны, она не предполагает наличия в этом архетипе никаких лакун и прочих механических искажений, кроме двух “связок”, сознательно введенных при внесении в исходный текст добавлений-маргиналий; наличие этих связок подтверждается структурными аномалиями, фиксируемыми на границах основного текста и интерполяций.

Опираясь преимущественно на филологические данные, предлагаемая реконструкция в то же время значительно облегчает задачу историко-топографической интерпретации УМ, снимая ряд противоречий и вопросов, до сих пор не находивших убедительного разрешения. Это относится как к составу участников мощения, так и к границам участков.

Начнем со второго аспекта, как более частного. В данном отношении ситуацию сильно проясняет признание соединительной вставкой упоминания Острой городни. Реконструированный выше механизм внесения в текст второй интерполяции позволяет, как уже было сказано, остаться при традиционном понимании этого названия: так называлась первая (западная) городня Великого моста. Что же касается границы участков мощения владыки и софьян (*до софьянѣ*), то она очевидна: это сам Софийский собор, до траверза которого поперечную улицу Детинца мостит владыка, а далее — софьяне, доводящие мощение “до тысячьского” (т.е. до Великого моста, строительство которого находилось, очевидно, в ведении тысяцкого). Именно так, по существу, определяет эти участки и В. Л. Янин; наша реконструкция лишь сни-

мает все препятствия к принятию данной трактовки, освобождая ее от сомнительной локализации Острой городни посредине нынешнего Кремля.

Иначе обстоит дело с составом участников мощения, который, в свете разделяемой нами поправки А. В. Кузы к чтению начала текста и признания вторичной связкой слов *а Чюдинчевъ улицѣ*, существенно преобразуется по сравнению с реконструкцией В. Л. Янина. Оказывается, что ни одна из улиц Софийской стороны самостоятельным субъектом мощения в УМ не является, как не является им и Людин конец, упоминаемый лишь как топографический ориентир. Плату за мощение дорог в Детинце и подъездов к нему с южной и западной сторон УМ разверстывает между тремя главными участниками: это 1) осьмники, 2) владыка, 3) софьяне. При этом осьмники мостят часть находящихся в их ведении территорий совместно с “прусами” (1с) и “загородцами” (1d), заодно с владыкой выступают две группы изгоев, а софьяне действуют самостоятельно.

Этот расклад представляет чрезвычайный интерес. В том, что касается второго и третьего участников, он вполне очевиден: владыка и софьяне мостят улицу, ограничивающую с юга территорию Владычного двора и софийского “Буевища”, действуя “на своей территории”. Но как объяснить, что организующая роль в мощении всей южной части территории нынешнего Кремля и подходов к нему со стороны Людина конца, Прусской улицы и Загородья принадлежит осьмникам, которые таким образом занимают в общей структуре нашего текста исключительное положение? Ответ на этот вопрос зависит от понимания того, кто были осьмники “Устава о мостех”.

Специальная работа, посвященная выяснению данного вопроса [10], дает на него простой и легко предсказуемый ответ: осменниками (осьмниками) назывались сборщики особой пошлыны — *осьмничего*. Последний термин засвидетельствован источниками с середины XIV в., он неоднократно представлен в грамотах московских князей: *а из городскіихъ волостию даю княгини своѣи осмничекъ* [11. № 1. ~1339]; *не надобѣ имѣ никоторая дань, ни ямь, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни сторожевое* [12. № 116. ~1362–1364] и т. д. (см. [13. Т. 6. С. 173]). Торговый характер этой пошлыны, взимавшейся с действительного оборота (*а тамгы и осмничее(з) ш(т) рубли алты(н)...* *а тамга и осмничее вз(т), а оже имет торговати*) [11. № 15. ~1396 г.], объясняет в глазах исследователей и появление осьмников в УМ, в котором центральное место отведена магистральям, обслуживающим Торг (см. цитированную выше общую характеристику В. Л. Яниным содержания документа).

Принять данное построение невозможно по ряду соображений. Во-первых, оно исходит из неверной, как мы теперь знаем, трактовки слов *осменикомъ поплата* как отдельной фразы, поручающей осьмникам сбор “поплаты” за мощение. В своей действительной роли одного из субъектов мощения осьмники оказываются определенно связаны вовсе не с Торгом, а с южной частью Детинца, что, если считать их сборщиками торговой пошлыны, не может не удивлять.

Во-вторых, в рамках обсуждаемого построения значение слова *осьмникъ* определяется через слово *осьмничье*, хотя направленность словообразовательной зависимости здесь явно была иной. Данная пара терминов устроена принципиально иначе, чем, скажем, пара *таможникъ ~ тамга*, в которой названия сборщика пошлыны действительно является производным от названия пошлыны. Она отличается и от структурно более близких пар типа *вѣсьць ~ вѣсьчье*, *письць ~ письчье*: хотя формально названия платежей в таких парах могут быть трактованы как образованные от названий лиц, в них правильнее вычленять сложный формант *-ч-ее*, присоеди-

няемый к глагольной основе (*вѣсьче* скорее соотносится с процедурой взвешивания, чем с осуществляющим ее лицом, то есть связывается непосредственно с *вѣсить*). Поскольку формант *-нич-ее* в подобной функции не засвидетельствован, возводить *осмъничье* напрямую к *осмь* или *осмыи* не приходится, и единственной производящей основой для этой лексемы остается *осмъникъ*. Содержащее в своем составе суффикс притяжательного прилагательного, *осмъничье* так же соотносится с *осмъникъ*, как, например, *посадъничии* — с *посадъникъ* (с точностью до лексикализованной в первом случае формы среднего рода).

Но если *осмъничье* называлось так, потому что собиралось осмъниками, а не наоборот, то откуда получили свое название сами осмъники? Может быть, от размера собиравшейся ими пошлины? — ср. соотношение: *десятина* (десятая часть) — *десятинъникъ* (сборщик десятины) — *десятинъничии пошлины* [14. Т. 1. С. 658–659]. Однако, с одной стороны, как уже отмечалось [10], *осмъничье* никогда не составляло восьмой части стоимости товара, но взималось в значительно меньшем количестве; с другой стороны, в таком случае ожидалось бы образование от суффиксальной основы — **осмиъникъ*⁷.

Словообразовательной параллелью к *осмъникъ* является не *десятинъникъ*, а *десятьникъ*, что и подсказывает ответ на интересующий нас вопрос. Все существительные, построенные по этой модели, то есть образованные от числительных при помощи суффикса *-никъ* (*десятьникъ*, *сътьникъ*, *тысящъникъ*, *тьмъникъ*) имеют однотипные значения, называя начальников соответствующих подразделений: десятка, сотни и т. д. Входя в этот ряд, *осмъникъ* может означать лишь одно — ‘предводитель восьми’.

Данное предположение могло бы показаться слишком рискованным и даже авантюрным, если бы оно не находило прямого подтверждения в таком значительном историческом документе, как берестяная грамота № 724, датируемая, по упоминанию в ней посадника Захарии и князя Андрея Боголюбского, 1161–1167 гг. Автор грамоты Савва, описывая в письме “к братии и дружине” свои злоключения во время сбора дани в Заволочье, упоминает о столкновении его отряда с людьми Андрея Боголюбского и заканчивает письмо следующим пассажем: *...и осьмь высагла что о Тѣдоре. Порозѣмѣте, братье, емѣ даче что въ т[о] емѣ състане тагота тамъ и съ дрѣжиною егъ.* (Перевод: ‘А восемь (человек), что под началом Тудора, вырвались (или: вышли из повиновения). Отнеситесь же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его’) [16. С. 295–296]. Контекст не оставляет сомнений в том, что *осьмь* в данном случае — не просто горстка случайно уцелевших (или нарушивших присягу) людей, но небольшой отряд, имеющий своего предводителя и составляющий звено более крупного подразделе-

⁷ Данное слово известно из письменных источников, однако в совершенно ином, неличном значении, как название меры сыпучих тел [15. С. 115]. Заметим, что наряду с (*в*)*осмиъничье* в текстах встречаются и варианты (*в*)*осмиъничье*, *осмиъчье*, *осмиъное* и даже *осмиъничные деньги* [15. С. 115]. Все они, однако, выступают в памятниках XV–XVI вв. (древнейший пример в грамоте 1396 г.), тогда как в более ранних документах представлен исключительно вариант *осм(ь)ничье*. Хронологическое распределение примеров позволяет говорить об имевшем место на рубеже XIV–XV вв. переосмыслении термина вследствие забвения его внутренней формы. Что же касается выступающего в нашем памятнике варианта *осмиъникъ*, орфографически адаптированного в исторической литературе в форме *осмиъникъ*, то он имеет фонетическую природу и соотносится с исходной формой как *числен(н)икъ* с *числьникъ*. В источниках представлен и вариант с утратой слабого редуцированного — *осмиъникъ*, на который ориентирована используемая нами форма данного термина (*осмиъникъ воеводитъ* в Уставной грамоте великого князя Александра киевляна 1499 г.) [14. Т. 2. С. 729].

ния, своего рода “микро-дружина” Тудора в составе дружины Саввы. Предводитель такой “восьмерки” Тудор имел все основания называться осьмником⁸.

Специально отметим два обстоятельства, делающих проводимую нами связь между осьмниками УМ и “осьмью” грамоты № 724 особенно тесной. В продолжении своего письма автор грамоты, отвергая обвинение его в самозванчестве, говорит, что участки “от Волока и от Мсты” (имеются в виду, очевидно, участки для сбора дани, а не земельные наделы) дал своим “сельчанам” сам князь; это дает основание видеть в Савве княжеского человека, тем самым связывая с князем и осьмников вроде Тудора. Тот факт, что княжеский устав начинает разверстку мостовой повинности именно с осьмников получает тем самым вполне логичное объяснение.

Показательно, с другой стороны, место находки грамоты № 724: она была найдена на Михаилоархангельском раскопе близ Прусской улицы. “Прусов” УМ особенно тесно связывает с осьмниками, поручая их совместной ответственности участок “до Бориса и Глеба”. Само посвящение этой церкви, уже в начале XIII в. выступающей как «вечевой храм “прушан” и организуемых ими территорий» [1. С. 128], свидетельствует о нахождении “прусов” в особо тесных отношениях с князем: борисоглебский культ в эту эпоху носил еще отчетливо княжеский характер.

Другим “со-участником” осьмников выступают в УМ загородцы, вместе с которыми осьмники отвечают за мощение западных подступов к Детинцу. Примечательно, что аналогичный участок с южной стороны Детинца мостится осьмниками самостоятельно, и даже направление мощения указано здесь иначе — не в Детинец, а из него, *въ Людинь конецъ*. Тому обстоятельству, что сам Людин конец среди субъектов мощения не упомянут, правдоподобное объяснение дает А. В. Куза: УМ разверстывает мостовую повинность “только между высшими представителями государственной власти и населением, находящимся под непосредственной юрисдикцией князя (курсив мой. — А.Г.); жившая в концах основная масса новгородского боярства с зависимыми людьми мостила свои улицы под надзором кончанской администрации” [3. С. 304].

Развивая этот тезис, В. А. Буров [4. С. 92–94] связывает нахождение “прусов” и “загородцев” в княжеской юрисдикции с пришлым характером здешнего населения: исследователь с доверием относится к историческому преданию, выводящему крупнейший боярский род Прусской улицы — Михалковичей — из Пруссии. Время появления на страницах летописи первого представителя этой семьи — Михалка Степанича (впервые под 1175 г. [6. С. 35, 224]), и в самом деле хорошо согласуется с археологическими свидетельствами исчезновения к середине XII в. прусской дружины (см.: [20]). Вместе с тем трудно не согласиться с В. Л. Яниным [1. С. 211],

⁸ Согласно гипотезе, развиваемой нами в отдельной работе [17] засвидетельствованная таким образом модель организации древнерусской дружины, имела своим основанием 7: именно столько рядовых воинов насчитывала “дружина” Тудора, составлявшая вместе со своим предводителем “осьмь”. В контексте настоящей работы для нас существенна сама связь древнерусских осьмников с дружинной средой, проливающая свет на характер употребления данного термина в источниках. Наиболее ранним из них является упоминание Ипатьевской летописи о том, что смерть Юрия Долгорукого случилась после того, как князь пировал у осьмника Петрила: *пиев бо Юрги въ осменика оу Петрила, въ ть днь на ночь разболъса* [18. С. 489]. Естественно думать, что князь пировал у своего дружинника, а не просто у сборщика торговых пошлин. Усвоение фискальных и полицейских обязанностей лицам из княжеской дружины — явление достаточно обычное для древней Руси. Ту же двойственность обнаруживают и такие социальные группы как *детские*, *мечники*, *отроки*, выступающие, с одной стороны, как княжеские дружинники, слуги, телохранители, а с другой — как сборщики податей и судебные исполнители, причем эти последние функции носят безусловно вторичный характер (см.: [19. С. 71]).

считающим, что своего высокого положения в Новгороде второй половины XII в. эта семья могла достичь, только располагая здесь более глубокими корнями.

Такие корни, по-видимому, действительно имелись. Как мы предположили в [21], общее происхождение связывало Михалковичей с другой крупнейшей посадничьей семьей — Гюрятиничами-Роговичами: это были две ветви одного рода, восходившего, согласно разделяемой нами гипотезе А. А. Молчанова [22], к выходцу из Скандинавии Рёгнвальду (Рогволоду) Ульвссону, родственнику жены Ярослава Мудрого Ингигерд, прибывшему вместе с нею на Русь и получившему в “ярлство” Ладогу. Осевшие в Новгороде на княжеской службе потомки Рёгнвальда, вероятно, селились поначалу на Торговой стороне в окрестностях княжеского двора, но на рубеже XI–XII в., при Мстиславе Великом, переселились на Софийскую сторону, где быстро стали играть ведущую роль в общественной жизни Людина конца и прилегающих к нему территорий. Можно думать, что расселению выходцев из прусской дружины на будущей Прусской улице предшествовала и в какой-то мере обусловила ее “инфильтрация” в Людин конец представителей дружинной аристократии, происходившая, надо думать, при покровительстве князя.

Частью общего “наступления” князя на Софийскую сторону можно считать и расширение новгородского Детинца, произведенное в 1116 г., когда, по свидетельству НПЛ [б. С. 20], *Мстиславъ заложи Новъгородъ болии перваго*. Тогда, согласно реконструкции М. Х. Алешковского [9], была впервые обнесена укреплениями южная часть современного Кремля. В свете всего сказанного закономерным выглядит тот факт, что именно здесь локализуются участки, мощение которых УМ поручает осьмникам. Трудно сказать, составляли ли последние постоянный гарнизон, помещенный в новоприсоединенной части Детинца для охраны крепости, или же, образуя костяк дружины, ее “младший командный состав”, они просто отвечали за благоустройство этой территории — в любом случае присутствие на ней князя и его дружинного окружения оказывается в свете показаний УМ очень значительным.

Предлагаемая трактовка УМ влечет за собой, как видим, довольно обширные следствия для истории формирования территории новгородского Кремля. Она заставляет вспомнить старую точку зрения, признававшую значительную древность за существовавшим в позднее, московское время противопоставлением южной и северной половин Детинца как “княжеской” и “епископской” (см., напр.: [23]). Хотя такое деление безусловно не является исконным (что предполагали исследователи XIX в.), оно может в какой-то мере, пусть и достаточно опосредованно, восходить к ситуации XII в., сложившейся в результате расширения территории Детинца при Мстиславе и отраженной «Уставом о мостех»⁹.

⁹ Заметим, что изложенное представление, хорошо согласуясь со схемой развития Детинца, предложенной М. Х. Алешковским [9], вступает в противоречие с выводами новейшего археологического исследования данной проблематики, предпринятого С. В. Трояновским [24]. Согласно этим выводам, южная половина современного Кремля была впервые обнесена укреплениями не в 1116 г., а почти двумя столетиями позже, на рубеже XIII–XIV вв. Учитывая, что археологическое изучение Детинца пока находится в своей начальной стадии, мы сочли возможным, интерпретируя показания “Устава”, не сковывать себя рамками этой новой концепции, тем более что она, на наш взгляд, пока удовлетворительным образом не согласуется с показаниями письменных источников. Главным из препятствий, на которые наталкивается гипотеза о позднем возникновении “большого” Детинца, является упоминание в статьях НПЛ за XII в. церкви Бориса и Глеба (и только ее!) как находящейся “в граде”. Поскольку подозревать позднейшее происхождение этого определения оснований нет (достаточно сказать что сам Синодальный список НПЛ в этой его части датируется временем более ранним, чем конец XIII в.), оно остается для нас важнейшим свидетельством того, что южная половина нынешнего Кремля уже в середине XII в. входила в состав крепости.

Приложение. Текст “Устава о мостех” по Комиссионному (Археографическому) списку [25. С. 150–151].

А се оуставъ | Ъдрослава кн(я)за ш мостѣхъ, | шменикомъ поплата.

Въ Людинъ | конецъ чересь греблю к' Добрыни | оулицы, в городнаа ворота до Пи|скоупли оулицъ, с проусы до Бори|са и Глѣба мостити. || **А тигожанамъ до коломланы, а коломланоу до Нередичьского мѡ|сту, нередичаномъ до верезанъ, а верезаномъ до пидьблан, | а пидьбланомъ до Чюдинчевѣ оулицѣ, а Чюдинчевѣ оулицѣ с за|городци до городныхъ воротъ; а вл(а)д(ы)цѣ сквозѣ городнаа ворота съ | изгои и съ друугыми изгои | до Устрои городнѣ.**

ѧ-на Давы|жа ста, ѡ-на Слѣпчава ста, Г-на Бъ|выкова ста, Д-на Шлексина ста, | Е-на Ратиборова ста, Ъ Кондратова ста, Ъ Романова ста, Й Сидорова ста, Ф Гаврилова ста, | Кн(я)жа ста, А кн(я)жа, В Р'жевская, Г Бежичкаа, Д Вочьскаа, Е | Шбонискаа, Ъ Лоускаа, З Лш|пьскаа, И Поволховьскаа трои р|лѣ, Ф Ъжол'вичьскаа двои | рилѣ.

до софьянъ, софьянш|мъ до тысячьского, тысячьско|моу до вошьникъ, шт вошьникъ | посаднику до великого раду, шт великоз(о) раду | кн(а)зю до Немѣцкого вымола, |нѣм'цемъ до Ивана вымола, | г'томъ до Алфердова вымола дош заднего, а шт Алфердова вымола | унишаномъ до Боудатина вы|мола, ильин'цамъ до Матѣ|ева | вымола, михайловцамъ до Бардовы оулицѣ, а виктовцамъ | до Климатиныхъ сѣней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.
2. Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941.
3. Куза А. В. Рец. на кн.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977 // Советская археология. 1979. № 4.
4. Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.
5. Петров Д. А. Проблемы исторической топографии Новгорода. М., 1999.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.
7. Насонов А. Н. “Русская земля” и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
8. Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. // Исторические записки. М., 1938. Т. 2.
9. Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. М., 1963. Вып. 14.
10. Семенов А. И. Осменники “Устава о мостех” // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. Вып. 10.
11. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печ. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.
12. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. III.
13. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. 1.
14. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Т. 1.
16. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
17. Гиппиус А. А. “Вожжей оленьих 28”: (Об одной числовой модели в древнерусских текстах) // Живая старина. 1997. № 3.
18. Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2.
19. Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.
20. Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.
21. Гиппиус А. А. “Суть людие новгородци от рода варяжска”: опыт генеалогической реконструкции // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001. Материалы конференции. М., 2000.
22. Молчанов А. А. Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюратиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белещкого. СПб.; Псков, 1997.
23. Передольский В. С. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898.
24. Трояновский С. В. Новгородский Детинец в X–XV вв. по археологическим данным. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2001.
25. Древнерусские княжеские уставы / Изд. подг. Я. Н. Шапов. М., 1976.

© 2005 г. А. Ф. ЛИТВИНА, Ф. Б. УСПЕНСКИЙ

АГИОГРАФИЯ И ВЫБОР ИМЕНИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Не вызывает сомнений, что со времен христианизации Руси каждый человек, принимая крещение, получал христианское имя. Хотя имена эти отнюдь не всегда были употребительны в быту, мы знаем все же достаточно внушительный корпус таких антропонимов, позволяющих делать те или иные наблюдения над выбором христианского имени в домонгольской Руси.

Немаловажно при этом, что мы имеем дело не только с теми именами, которые люди получали в крещении, но и с именами иноческими, принятыми при постриге. Правда, для начальных этапов христианизации мы не всегда располагаем сведениями о том, каким образом крестильные и иноческие имена соотносились друг с другом, была ли уже в XI в., например, обязательной смена имени при постриге.

Когда мы говорим о выборе имени в знатных родах, в особенности в правящей династии Рюриковичей, мы в первую очередь обращаем внимание на тот факт, что христианские имена потомков воспроизводят имена предков, что набор таких аристократических или династических имен в каждой семье довольно ограничен и повторяется из поколения в поколение. Значение этого обстоятельства трудно переоценить. Наречение в честь предков позволяет понять, как христианские имена, поначалу чуждые родовой традиции, постепенно встраиваются в нее и медленно, но неуклонно вытесняют имена исконные, некалендарные, сами принимают на себя функцию имен родовых (об этом см. подробнее: [1; 2; 3]).

Иными словами, отвечая на вопрос, какое христианское имя считалось пригодным для князя, можно ограничиться самым общим утверждением – такое, которое прежде уже носил кто-либо из его предков. Разумеется, из этого правила есть некоторое количество исключений, но дело не только в них. Выявление принципа наречения христианским именем в честь предка при всей полезности никак не помогает нам в разрешении проблемы, почему те или иные имена были отобраны знатными родами из всего обширного христианского именованного в эпоху крещения Руси. Откуда взялись имена тех предков, которыми впоследствии в течение столетий будут нарекать потомков, как были

Литвина Анна Феликсовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Успенский Федор Борисович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

отобраны такие имена, как *Андрей, Василий, Георгий, Давид, Дмитрий, Иоанн, Михаил, Роман, Федор*? Почему некоторые из календарных имен закрепились в качестве иноческих, тогда как другие могли равно использоваться родичами и как светские, и как монашеские?

Разумеется, в научной литературе накоплен некоторый фонд данных и версий, относящихся к мотивам и специфике рецепции тех или иных христианских имен в X–XIII вв., хотя в целом тема эта остается не слишком разработанной. Одним из главных направлений исследования является поиск внешних образцов, на которые могли ориентироваться русские (прежде всего русские князья) при выборе патрональных святых для себя и своих детей. В отсутствии собственной традиции прототипы для имянаречения могли отыскиваться в Византии или в какой-либо из династий, обратившейся в христианство прежде Рюриковичей и связанной с ними узами союзничества или родства (реального или виртуального). Так, на выбор имени для Владимира Святого очевидно повлияла фигура византийского императора Василия II, ставшего свойственником русского князя. Христианские имена сыновей крестителя Руси, Бориса-Романа и Глеба-Давида, вероятно, хотя бы отчасти связаны с христианским именованьем болгарской династии.

Однако далеко не все случаи имянаречения правителей мы можем объяснить ориентацией на династические образцы других христианских стран. Более того, у русских князей мы не обнаруживаем сколько-нибудь последовательной, тщательной ориентации на византийский императорский антропонимикон. Здесь, скорее, есть смысл говорить об относительно многочисленных, но все же частных заимствованиях, каждое из которых нуждается в особом объяснении.

В качестве еще одного мотива, который мог повлиять на антропонимические пристрастия у первых поколений обращенных Рюриковичей, иногда указывается изобразительный канон, сложившийся в христианской традиции. Иконы, монеты, печати, несущие на себе образы святых и их имена, – все это могло так или иначе повлиять на выбор святого покровителя, а соответственно, и на выбор крестильного имени для княжича. Так, облик воина с оружием и доспехами мог делать особенно привлекательной, подобающей для князя фигуру того или иного святого. Не исключено, что именно поэтому вскоре после крещения Руси в княжеский именованье проникает немалое количество имен святых воинов: Георгия Победоносца, Дмитрия Солунского, архистратига Михаила, а несколько позднее и Федора Тирона и Федора Стратилата.

Существенно, однако, что изобразительный ряд, особенно значимый в среде людей, не умеющих или почти не умеющих читать, с распространением грамотности очень быстро начинает связываться с рядом повествовательным. Воздействие иконографии чрезвычайно трудно отделить от воздействия агиографии – на выбор имен могут влиять не только зрительные образы, но и тесно связанные с ними сюжеты, почерпнутые из письменного текста.

Мы далеко не всегда знаем, какие житийные памятники были в распоряжении образованных людей на Руси вскоре после крещения. Тем не менее, не стоит и преувеличивать меру нашего неведения: на протяжении XIX и XX столетий значительная часть усилий историков русской культуры была сосредоточена именно на том, чтобы определить круг чтения древнерусского книжника. Таким образом, в нашем распоряжении есть довольно обширный материал, позволяющий судить о воздействии агиографии на выбор имени. При этом, ес-

ли мы сумеем выработать адекватный метод для работы с таким материалом, специфика имянаречения, в свою очередь, может расширить наши представления о том, какие житийные источники были в ходу в Древней Руси.

Нам представляется вполне правдоподобным, что уже к середине XI, а тем более в XII в., степень вовлеченности образованного человека на Руси в христианскую культурную традицию была весьма высока. Условно говоря, князь не только знал ряд житийных текстов, но у него могли возникать достаточно сложные ассоциации, провоцируемые этими текстами, он и его окружение могли породить определенную культурную игру, на этих текстах основанную. Разумеется, в еще большей мере сказанное может относиться к русским духовным иерархам, во всяком случае к некоторым из них.

В отношении, так сказать, культурной эволюции, проделанной династией Рюриковичей за весьма короткий отрезок времени, чрезвычайно показательна дистанция в образованности между прадедом и правнуком – Владимиром-Василием Святославичем и Владимиром-Василием Всеволодичем Мономахом. Если прадед предстает в летописи человеком, не умеющим читать и лишь слушающим евангельские тексты, то правнук оставляет потомкам сочинение, свидетельствующее о детальном знакомстве с письменной культурой самых разных жанров и о свободе обращения с самыми разными источниками.

Как мы пытались продемонстрировать в наших работах, выбор имени был актом весьма многоплановым, призванным собрать воедино или учесть одновременно целый ряд тенденций родовой истории (см. подробнее: [3]). Неудивительно поэтому, что когда к выбору имен так или иначе подключались христианские тексты, христианская история, то и они могли применяться довольно сложным, изощренным образом.

Исследование системы родовых некалендарных имен русских князей показывает, что одной из основ имянаречения служит уподобление потомка предку. Потомок может осмысляться как живое воплощение умершего предка, а происходящие с ним события – как повторение и отголосок тех событий, что происходили во времена его прежде живших родичей. Разумеется, такой подход не был исключительной принадлежностью родового мира Руси, он не только является универсальным, но легко находит точки соприкосновения с христианской традицией осмысления истории. Имя – это всегда хотя бы отчасти средство отождествления человека с неким прототипом, будь то предок или патрональный святой. В перспективе христианина связь со своим патрональным святым могла выражаться в том, что он охотно помещал изображение своего покровителя-тезки на принадлежащих ему предметах, в первую очередь на тех, которые (как, например, княжеские печати) особым образом репрезентировали его личность, читал житие своего патрона и, в зависимости от своих возможностей, заказывал иконы, рукописи или строил церкви, ему посвященные.

Все эти признаки знакомства с иконографией и агиографией очевидны, однако, говоря о влиянии агиографии на именослов, о них нельзя забывать, но ими нельзя и ограничиваться. Мы можем с достаточной степенью уверенности утверждать, что Андрей Боголюбский, учредивший на Руси праздник Покрова Богородицы, был знаком с Житием Андрея Юродивого, где описывается сюжет, мотивирующий это празднование, но мы не можем утверждать, что те, кто в свое время выбирал для Андрея Юрьевича имя, ориентировались именно

на образ Андрея Юродивого, а не, скажем, Андрея Критского, Андрея Первозванного или Андрея Стратилата (ср. [4. Т. I: 2-я половина тома. С. 400–406; 5. С. 210; 6. С. 107; 7. С. 131; 8. С. 95–99]).

Еще более несомненно знакомство деда Андрея Юрьевича, Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича, с сочинениями своего небесного тезки – Василия Великого, так как в “Поучении” мы обнаруживаем не только упоминание этого отца церкви, но и прямые отсылки к его трудам. Тем не менее, и здесь следует проявить осторожность – даже если Владимир Мономах был крещен во имя Василия Великого (что весьма вероятно), тем, кто выбирал для него имя, не было нужды специально обращаться к житию и творениям этого святого. Вполне достаточно было и того обстоятельства, что *Василием* в крещении был прославленный прадед ребенка, Владимир Святославич.

Чтобы говорить о реальном влиянии агиографии на выбор имени, необходимо, на наш взгляд, не только совпадение двух элементов – имени святого и имени некоего христианина (совпадение, вообще говоря, неизбежное), не только факт знакомства с житийными или богослужебными текстами, но и совпадение, так сказать, на уровне сюжета, когда, по крайней мере, два действующих лица из русской истории уподобляются – прямо или косвенно – своим тезкам из древней христианской истории. Иными словами, нам особенно интересно воспроизведение или имитация на Руси отношений, связей между действующими лицами агиографических сочинений. В особенности мы хотели бы обратить внимание на ситуации, когда риторическое уподобление, риторическая практика, основанная на житиях и библейских текстах, разыгрывается в пространстве личных имен Рюриковичей, по-своему мотивирует выбор имени для того или иного представителя династии.

Очевидно, что наши сведения о христианских именах (а отчасти и о круге чтения книжников) более полны для рубежа XII–XIII вв., чем для начального этапа христианизации Руси. Поэтому на подступах к проблеме мотивации наречения христианским именем кажется полезным двигаться от более позднего времени к более раннему, учитывая при этом, что за полтора-два столетия обычаи и традиции вполне могли изменяться и утрачиваться.

* * *

Мы начнем с примера, имеющего отношение не к крестильным, а к иноческим именам. К рубежу XII–XIII вв. на Руси, по-видимому, уже существовал обычай перемены имени при постриге. Весьма возможно, что он был в ходу и ранее, но, как уже говорилось выше, мы не располагаем достаточным количеством данных, позволяющих говорить об этом с уверенностью. В выбор нового, монашеского имени мог, очевидно, вовлекаться и сам нарекаемый, хотя представляется вероятным, что здесь дело в значительной степени зависело от общепринятого обычая и воли того духовного лица, который осуществлял постриг.

С определенного времени на Руси устанавливается обычай давать при постриге имя, начинающееся с той же буквы, что и христианское имя, которое постригаемый носил в миру. Однако обычай этот – относительно поздний, и об этом, по-видимому, были осведомлены и книжники, работавшие в XVI–XVII вв. В летописных и агиографических текстах этой поры мы обнаруживаем рассуждения составителей памятников, подчеркивающих, что прежде (в XIII в.)

иноческие имена выбирались не так, или не обязательно так, как теперь (в XVI–XVII вв.). Запись о кончине матери Александра Невского, Феодосии, в Никоновской летописи, например, выглядит следующим образом: “Того же лѣта преставися великая княгини Ярослава Всеволодичя Феодосіа въ Новѣградѣ, и положена бысть въ Юрьевѣ манастырѣ, а во мнишескомъ чину наречена бысть Еѳросиніа, понеже тогда даваху имена не съ перваго слова, но въ который день постризашеся кто во иноци, того дни и имя даваху, или потомъ въ той же день” [9. Т. X. С. 129 под 1244 г.] (в случае переиздания летописи мы ссылаемся на последнее издание).

Отчасти (хотя и не совсем) сходное объяснение выбора иноческого имени мы обнаруживаем в Житии Евфросинии Суздальской: “...и прият ю по обычаю, и Феодулию проименова Еуфросиною, бѣ бо в тои день мѣсяца септевриа 25, творится память Змарагду преподобныя Еуфросинии Александрѣвския” [10. С. 383]¹.

Отметим, что из свидетельства Никоновской летописи ясно, что календарная дата пострижения как таковая вовсе не обязательно определяла будущее иноческое имя того или иного лица. Оговорка “...или потомъ въ той же день” оставляет достаточно широкие рамки для выбора. Кроме того, если речь идет не о пострижении на смертном одре, то самый день пострига мог выбираться в зависимости от того, какого святого покровителя хотели дать принимающему постриг.

Упомянутые нами два случая пострижения женщин из рода Рюриковичей в этом отношении весьма характерны. Для обеих (?) было выбрано имя св. Евфросинии Александрийской. Это имя к XIII в. успело сделаться более чем традиционным для русских княгинь: оно давалось как в качестве монашеского (Евфросиния Полоцкая, Ольга-Евфросиния, дочь Юрия Долгорукого), так и в качестве крестильного (Евфросиния Измарагд², дочь Ростислава Рюриковича). Вероятнее всего, и в двух интересующих нас случаях монашеское имя *Евфросиния* давалось под воздействием общеродового культа св. Евфросинии Александрийской. Не исключено при этом, что свою роль здесь сыграла и фигура родственницы постригаемых – Евфросинии Полоцкой, которая в XIII в., скорее всего, уже почиталась Рюриковичами как святая. Так или иначе, в выборе монашеского имени для княгини и княжны явно играли определенную роль родовые соображения. В целом же можно утверждать, что в XIII в. не существовало жесткого графико-фонетического правила подбора иноческого имени к

¹ Напомним, что святая жила в первой половине XIII в., тогда как дошедшие до нас версии ее жития относятся к XVI в.

² Вероятно, Евфросиния Александрийская традиционно воспринималась как носительница двух имен – женского *Евфросиния* и мужского *Смарагд*. Дело в том, что согласно житию святой, она поступила в мужской монастырь и долго жила в нем под видом внуха Смарагда (см. [11. Сар. VIII, XI, XIII, XIV, XV. Col. 643–652]). “Двуименность” святой запечатлена не только в житии, но в службе, ей посвященной. Существенно при этом, что русские князья, выбирая для одной из представительниц своего рода Евфросинию Александрийскую в качестве патрональной святой, сочли нужным сохранить такую присущую Евфросинии Александрийской двуименность. Летописное свидетельство о наречении дочери Ростислава Рюриковича Смоленского гласит следующее: “Того же лѣт на зимѣ родиса дщи ѿ Ростислава ѿ Рюриковича и нарекоша имя ея Еѳросѣвныя и прозваниемъ Измарагдъ еже наречеться дорогой камень” [9. Т. II. Стб. 708 под 1199 г.]. “Псевдоним” Евфросинии Александрийской назван, как мы помним, и в свидетельстве о пострижении Феодулии-Евфросинии (см. выше). Об этом весьма важном с точки зрения заявленной нами темы сюжете см. подробнее: [12].

крестильному³. Именно отсутствие таких определенных правил и вызвало к жизни необходимость тех комментариев к процедуре пострижения, которые мы привели выше.

Упомянем также еще одно пояснение, касающееся монашеских имен, с происхождением которого дело обстоит несколько сложнее. Рассказ о пострижении Марии, жены Всеволода Большое Гнездо, включает, в частности, следующую ремарку: “[Т]ого* мѣца въ вѣднѣ пострижесѣ великаѣ кнѣги Всеволо* во мнишескии чинѣ в монастыри стѣе Бѣци юже бѣ самъ созда¹ и нарекоша еи имѣ Мѣриа в то* имѣ крещена бы^с пре*” [9. Т. I. Стб. 424 под 1206 г.]⁴. Если буквально следовать показаниям этой летописной статьи, то Мария Всеволожая приняла постриг 2 марта. С помощью этой даты, как кажется, затруднительно найти причину наречения ее в иночестве *Марией*, дата эта никак не помогает и в объяснении того, почему ей при постриге было сохранено крестильное имя и переименовала ли она свою патрональную святую. Симптоматично, что согласно Степенной книге, составленной в XVI в., она, вопреки древнейшим источникам, но в полном соответствии с поздней традицией, при постриге все же была переименована и наречена *Марфой*: “...и пострижесѣ во иноческѣи чинѣ, и претворено бысть имя ей марфа” [9. Т. XXI. С. 228]. Скорее всего, в этом памятнике мы сталкиваемся не с использованием каких-либо не известных составителю Лаврентьевской летописи данных, а со своеобразной реконструкцией, точнее, с перенесением общераспространенной практики XVI в. на не вполне прозрачную ситуацию, имевшую место в отдаленном прошлом.

Итак, мы видим, что выбирающие имя для инока или инокини в XIII в. были относительно свободны от сугубо формальных схем и могли руководствоваться какими-то иными соображениями и мотивами⁵. Одним из таких мотивов, как мы уже попытались показать, могло быть следование родовой традиции. Однако и в XIII в., когда на Руси выработались собственные устойчивые образцы подбора христианских имен, подражание предкам отнюдь не было единственным способом выбора иноческих имен. Особенно это становится очевидным, если мы отвлечемся от собственно княжеского антропонимикона и обратимся к имяннаречению русских духовных лиц и иерархов.

³ О выборе монашеских имен в Древней Руси ср. также: [4. Т. I: 2-я половина тома. С. 574; 13. Т. II. С. 195–196. Примеч. 8; 14; 15].

⁴ Сложность в интерпретации этого фрагмента заключается в том, что мы не знаем наверняка, как рано появилась в Лаврентьевской летописи ремарка, особо подчеркивающая тождество крестильного и иноческого имени княгини. Если считать это свидетельство ранним, относящимся непосредственно ко временам ее пострига, оно давало бы нам ценное доказательство того, что уже в ту пору сохранение крестильного имени в монастыре воспринималось как исключение, требующее пояснения. Возможно, однако, что все это пояснение дело рук позднейшего редактора.

⁵ Вообще говоря, даже для относительно позднего времени следует говорить об обычаях выбирать иноку имя, начинающееся с определенной буквы, или по дню его пострижения именно как об обычаях, более или менее устоявшихся, но не являющихся абсолютным правилом церковной жизни. Показателен в этой связи один из ответов митрополита Киприана игумену Афанасию 1390–1405 гг.: “Егда же ли чернца пригодитя стричи и имя ему нарицати, несть в сем узаконоположено, еже или дни того святого имя нареци, или паки и с мирьского имянни [чтобы на ту же букву начиналось], но якоже игумен въсхоцеть и повелить” [16. № 32. Стб. 262; 17. Т. I. № 253. С. 479]; ср. [13. Т. II. С. 195. Примеч. 8].

Предполагается, что житие Авраамия Смоленского было составлено не позднее первой половины XIII в. неким Ефремом, который характеризует себя как недостойного ученика Авраамия: “Аз же грешный и недостойный Ефрем в лености мнозе пребывая и в последний день празден и пуст быв всех благих дел, разве в праздно имяя облекохся, во ангельский сан, именем черноризец нарицаюся, а дела злыми далече его отстоя, то како нарекуся, аще бы и последний нарещися, но не могу, дела бо злая, яже содеях, обличают мя и стужают, тем последнии в житии блаженому, реку Авраамию, ученик...” [18. С. 81].

С другой стороны, первые дошедшие до нас списки этого жития не старше XVI в. Разумеется, поневоле возникает вопрос, что было рассказано в первоначальном тексте самим Ефремом, а что привнесено в него редакторами и переписчиками. Сама по себе эта текстологическая проблематика небезынтересна и в перспективе выбора имени в Древней Руси. Так, в Житии мы находим указание на то, как и когда полагалось нарекать ребенка именем и крестить его: “И совершившим же ся днем рождению ея, и роди блаженое се детище, таче во осмыи день принесоста и ко святителю, якоже обычаи есть християном, имя детище нарещи. И наречено бысть имя детищу Афонасеи. Презвитерь же виде дѣтище сердечныма очима и благодатию Божию прозря о немъ, что измлада хоцеть Богу датися. Таче же минувшу четырьдесят днеи детищу, крещением освятиша и. Отроча же растяше, кормимо родителема своима, и благодать Божия бѣ съ нимъ и Духъ Божии вселися в онъ” [18. С. 66].

Казалось бы, благодаря этому тексту мы получаем в свое распоряжение довольно много данных относительно того, как было выбрано светское имя для Авраамия Смоленского и как оно соотносилось с его монашеским именем. Однако в связи с этим фрагментом у нас возникает целый ряд сложностей. Во-первых, невозможно определить, насколько описанная процедура соответствует собственно биографии смоленского святого. Приведенный нами текст практически буквально совпадает с Житием Феодосия Печерского⁶. В результате (из-за того, что составитель Жития Авраамия Смоленского столь тщательно следует агиографическому канону, представленному в Житии Феодосия Печерского) мы, в сущности, не можем рассматривать процедуру наречения Феодосия и процедуру наречения Авраамия как два отдельных, самостоятельных примера, сообщающих нам нечто об обычае имянаречения в домонгольской Руси.

Очевидно, однако, что для создания достоверной картины имянаречения той эпохи нам был бы необходим набор сколько-нибудь независимых примеров. Дело в том, что самое содержание обычая нарекать именем на восьмой день для того времени представляется весьма непрозрачным. Не вполне понятно, например, давалось ли ребенку имя того святого, чья память приходилась на этот восьмой день. Что касается XII–XIII вв., то здесь мы не сталкиваемся с упоминаниями о подобной практике, за исключением, пожалуй, одного случая,

⁶ Ср. “родиста же блженанаго дѣтища сего таче въ осмыи днь принесоста и къ стлю бжию тако же обычаи ксть крстианомъ да има дѣтищю нарекоуть прозвутерь же видѣвъ дѣща и срдьчьныма очима прозряа еже о немъ тако хоцеть из млада богоу дати сѧ вешдосикъ того нарицають таче же тако и минуѡша м̄ днии дѣтищю крщеникъ того обстиша отроча же ростяше кърмимъ родителема своимаи блгдтъ бжии съ нимъ и дхъ стьи из млада вѣсели сѧ въ нь” [19. С. 73]; ср. [20. С. 16].

впрочем, довольно сомнительного⁷. Для XVI же столетия практика нарекать ребенка именем того святого, чья память приходилась на восьмой день по рождении, зафиксирована достаточно надежно даже для правящей династии. Так, один из сыновей Ивана Грозного нарекается *Федором* по празднованию св. Федору Стратилату, приходящемуся (при определенном способе подсчета) ровно на восьмой день по отношению ко дню его появления на свет. Кроме того, для этой эпохи в памятниках наблюдается некое “сгущение” упоминаний о восьмом дне или восьмидневном обрезании, когда речь идет о наречении именем (ср. [21. Л. 494 об.; 22. С. 15; 23. С. 178; 24. Т. I: 2. С. 3, 29; 4. Т. I: 2-я половина тома. С. 429; 25. С. 61–62; 15. С. 198. Примеч. 32; 26. Р. 286–289]; ср. также: [16. С. 416]).

Все вышеизложенное порождает вторую сложность в интерпретации интересующего нас фрагмента об имянаречении Авраамия Смоленского: что в описанном обычае нарекать ребенка на восьмой день и крестить на сороковой является принадлежностью XIII в., а что века XVI? Насколько календарный расчет “восьмого дня” и “сорокового дня” определял в домонгольской Руси выбор христианского имени?

Не менее неоднозначно и соотношение иноческого и крестильного имени смоленского святого. Его имя *Авраамий* начинается на ту же букву, что и его светское имя *Афанасий*, и это полностью соответствует обычаям и традициям XV–XVI вв. Был ли, однако, св. Авраамий и в самом деле крещен *Афанасием*? У нас есть основания в этом сомневаться, так как имя *Афанасий* появляется лишь в одной из редакций Жития, традиционно считающейся поздней переделкой⁸.

Тем не менее в Житии Авраамия Смоленского отражены, на наш взгляд, и такие особенности почитания святых в домонгольской Руси, наличие которых не зависит от возможностей текстологического анализа. Речь идет об именах, присутствующих в самых различных редакциях Жития. Как кажется, не возникает сомнений, что в монашестве Авраамий звался *Авраамием*, а его ученик – *Ефремом*. Вообще имена нередко бывают тем минимальным квантом достоверной информации, на которую мы можем опереться, они могут послужить отправной точкой для дальнейшего исследования и рассуждения.

Совершенно очевидно, что интересующая нас именная пара *Авраамий/Ефрем* восходит к христианской древности. Не менее очевидно и другое: на Руси была хорошо известна та агиографическая коллизия, в которую эти имена бы-

⁷ В Тверской летописи, относительно позднем памятнике, дошедшем до нас в единственном списке начала XVII в., приводятся точные даты появления на свет Андрея Доброго, одного из младших сыновей Владимира Мономаха, и Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, одного из младших Мономаховых внуков: “...родися Володимеру Манамаху сынъ Андрей, августа 11; даша ему имя въ 18 августа, Андрей стратилать”; “Сущу князю Георгию Суждальскому Володимеричу въ своей области на рѣцѣ на Яхромѣ и съ княгинюю, и мѣсяца октября 19 день родися ему сынъ Дмитрій, и нарече ему имя Всеволодъ, и постави на томъ мѣстѣ въ имя его градъ, и нарече его Дмитровъ” [9. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 188, 221 под 1155 г.]. Предположение о том, что эти даты рождения были искусственно вычислены летописцем, работавшим в XVI в., см. [1. С. 92–93].

⁸ Ср. [18. С. XIII]. Не исключено, что конкретное личное имя святого появляется в этой “переделке” не без, так сказать, вторичного воздействия Жития Феодосия Печерского. Те редакции, которые традиционно считаются более древними, в этом отрезке повествования, предельно близком, как уже говорилось, к Житию Феодосия, отличаются от него как раз отсутствием личного имени младенца.

ли вовлечены. Дело в том, что составителем жития древнего подвижника Авраамия Затворника был никто иной, как св. Ефрем Сирин. Текст этот был весьма популярен уже в домонгольский период. Так, в частности, Слово об Авраамии Затворнике было включено (с указанием авторства Ефрема Сирина) в состав Успенского сборника [19. С. 474–490]. Как кажется, такое совпадение имен славящего и прославляемого не может быть случайным. Иными словами, живший на русской земле Ефрем, пишущий житие Авраамия Смоленского, не мог не уподобляться Ефрему Сирину, пишущему житие Авраамия Затворника. Такое уподобление становится особенно наглядным, если мы вновь вернемся к тексту жития и обратим внимание на то, что сочинения Ефрема Сирина упоминаются во всех известных нам редакциях Жития Авраамия Смоленского [18. С. 4, 36, 39, 54, 57, 67, 70, 87, 104]. Более того, исследователями неоднократно отмечалось, что Ефрем-младший знал труды своего тезки не только по названию: его текст содержит некоторые реминисценции из древнего Жития Авраамия Затворника.

Разумеется, возникает вопрос о природе и характере столь очевидного уподобления имен и ролей. На каком уровне закладывалось интересующее нас сходство? Нельзя не вспомнить о том, что Авраамий Смоленский был игуменом монастыря Положения Риз Пресвятой Богородицы. В тексте Жития упоминается о его личном и особенно пристальном внимании к принятию в монастырь и пострижению новых иноков. Ефрем, судя по тексту Жития, был одним из черноризцев этой обители [18. С. 2]⁹. Весьма вероятно при этом, что он, будучи учеником Авраамия и, по-видимому, долгое время находясь при смоленском святом, был некогда пострижен им самим или при непосредственном его участии. В таком случае естественно предположить, что сам Авраамий дал постригаемому имя в честь Ефрема Сирина не без оглядки на собственное монашеское имя.

Конечно, предположение такого рода остается не более чем гипотезой. О патрональном святом самого Авраамия Смоленского мы находим некоторые сведения в составе самого Жития. Автор интересующего нас текста обнаруживает знакомство с целым кругом агиографических сочинений, как это регулярно происходит в житийной литературе, эпизоды из текстов о древних святых вводятся благодаря уподоблению главного героя собственного сочинения подвижникам древности. Так, в частности, появляется в рассказе об Авраамии Смоленском эпизод из Жития Саввы Освященного. Есть здесь и эпизоды, демонстрирующие знание жития Авраамия Затворника, составленного Ефремом Сирином. Любопытен, однако, тот прием, с помощью которого один из этих эпизодов вводится в текст: “Сего же ради блаженны имя нареклъ себѣ, своего святъца¹⁰ подражая, якоже бо и онъ¹¹ подражая много пострадалъ отъ оная веси и за ня моляся Богу и спасая, блаженны же терпя ихъ запрещение” [18. С. 12].

В перспективе проблемы имянаречения этот короткий отрывок из Жития дает нам очень многое. Во-первых, характерна позиция агиографа в целом, когда он, отнюдь не следуя буквально в своем сочинении сюжетному канону древ-

⁹ В иконописных подлинниках и перечнях русских святых, относящихся к XVII–XVIII вв., и Авраамий, и “ученик его” Ефрем могут именоваться “архимандритами” [18. С. 163–164]. Таким образом, агиограф в позднейшей церковной традиции оказывается прямым преемником своего наставника и учителя.

¹⁰ В одной из редакций вместо “святъца” читается “святаго”.

¹¹ В одной из редакций вместо “якоже бо и онъ” читается “якоже бо Иоанъ”.

него Жития Авраамия Затворника, считает нужным сопоставить Авраамия Смоленского с несколькими подвижниками и, среди прочих, с его тезкой – Авраамием Затворником, который поселился среди язычников и поначалу терпел от них всяческие муки и поношения, а потом сумел стать их любимым наставником в вере. Во-вторых, существенно, что сопоставление строится и разворачивается именно на основании тождества имен¹². Наконец, в-третьих, мы узнаем не только о том, что именно Авраамий Затворник был святым покровителем Авраамия Смоленского, но и что последний сам избрал себе иноческое имя и, соответственно, небесного патрона.

Разумеется, нельзя исключить полностью, что пассаж об избрании себе имени в какой-то мере является данью риторике, построением искусного книжника. Однако даже и в этом случае очевидно, что составитель Жития считает именно Авраамия Затворника покровителем смоленского подвижника. Не стоит, впрочем, упускать из виду и то обстоятельство, что это рассуждение все же могло появиться в тексте не в XIII в., а несколько позже.

При этом у нас нет никаких прямых данных о патроне самого русского агиографа Ефрема – древних святых с такими именем было несколько. Однако если учесть, что покровителем его наставника был, скорее всего, Авраамий Затворник, а из всех свв. Ефремов наиболее популярным на Руси был все же интересующий нас Ефрем Сирий, то такой патронат представляется наиболее вероятным.

¹² Уподобления каждого “нового” подвижника “древнему” подвижнику-тезке в высшей степени характерны для всей христианской традиции в целом и могут осуществляться с помощью обширного ряда риторических приемов. Так, сам Авраамий Затворник уподобляется в русском тексте своего Жития другому Авраамию, “Авраамию древнейшему”, с помощью формулы ‘второй X’: “... тако же бы подобало съказати вамъ довьльно ш вѣторѣмъ аврамѣ семь иже бысть въ лѣта наша” [19. С. 474]. В Житии же Авраамия Смоленского мы находим, например, в перечне тех святых, которых брал себе за образец подвижник, другой прием уподобления двух тезок, двух свв. Феодосиев: “...великаго мноу Антоніа, бывшаго крѣпка, храбра и побѣдившаго силою крестною духы неприязненные Иларионы, бывшаго оученика его, по немъ свѣтлаго в постыницѣхъ чудотворца Еоуфимья, иже по нихъ Савоу и Феодосья архимандрита и старейша всѣхъ наставника черноризцемъ, соущимъ окрестъ Иерусалима. Изъ всѣхъ любя часто почитати оучение преподачнаго Ефрема и великаго вселенныя оучителя Иоанна Златоустаго и Феодосия Печерскаго, бывшаго архимандрита всеа Руси...” [18. С. 4]. Этот текст весьма близок к одному из фрагментов Жития Феодосия Печерского [20. С. 15, 142], однако здесь Феодосий Печерский не является главным персонажем и потому риторическая конструкция уподобления строится несколько иначе.

Весьма существенно, что такое посмертное объединение святых тезок могло, по-видимому, не ограничиваться рамками повествовательного текста как такового. Так, по преданию, Даниил Столпник был погребен в могиле пророка Даниила. Приводя примеры из совсем другой области, можно упомянуть о практике приурочивания памяти святых к дням поминовения их более древних тезок. На Руси память Андрея Боголюбского, например, отмечается 4 июля, на память Андрея Критского, память Меркурия Смоленского празднуется на память Меркурия Кесарийского (24 ноября), память Киево-Печерского игумена Варлаама совпадает с днем памяти преподобных Варлаама и Иоасафа (19 ноября), память благоверного князя Федора Ярославича празднуется 5 июня, в день памяти Федора Чудотворца, с празднованием Афанасию Великому (31 января) совпадают дни памяти сразу двух русских святых Афанасия Вологодского и Афанасия Наволоцкого, память Сильвестра Киево-Печерского, жившего в XII в., отмечается 15 января, т.е. тогда же, когда поминается и Сильвестр Римский. В один день с Авраамием Затворником (29 октября) празднуется память Авраамия Ростовского. Число таких примеров легко умножить. Весьма возможно, что подобная приуроченность характерна для тех случаев, когда точная дата кончины “нового” святого ко времени канонизации была утрачена. Разумеется, к проблеме выбора имени и святого покровителя имеет отношение весьма круг тем, связанный с уподоблением древним прототипам, однако он слишком обширен, чтобы мы могли затронуть его хоть сколько-нибудь подробно в данной работе.

Сведения о биографии русского Ефрема мы можем почерпнуть исключительно из Жития, и здесь они достаточно скудны. Поэтому мы не можем знать со всей определенностью, как и где он получил свое иноческое имя. Возможна, таким образом, и другая версия, объясняющая связанность имен *Авраамий* и *Ефрем* в собственно русской церковной истории. Не исключено, что Ефрем получил имя при каких-то не известных нам обстоятельствах, независимо от прославляемого им Авраамия Смоленского. Однако эта соотнесенность имен должна была быть замечена еще при жизни его учителя и возлагала на Ефрема определенную миссию. Будучи тезкой Ефрема Сирина в среде, где столь внимательно читались сочинения последнего, он, имея хотя бы малейшую склонность к писательству, неизбежно должен был представляться как будущий агиограф, и при этом неважно, был ли Ефрем Сирин изначально его небесным покровителем. Со смертью Авраамия Смоленского это уподобление древним прототипам естественным образом актуализировалось – предназначение, миссия Ефреманового заключалась, в первую очередь, в том, чтобы подобно древнему Ефрему создать житие своего современника, носившего имя *Авраамий*.

Таким образом, было ли имя *Ефрем* дано русскому агиографу при участии Авраамия Смоленского, или он получил его еще до встречи со своим учителем, “парность” их имен и соотнесенность с древними прототипами были несомненно очевидны их образованному окружению, особенно выделявшему труды и самую фигуру Ефрема Сирина [18. С. 4, 12]. Мы не можем сказать наверняка, повлияла ли эта “парность” на выбор имени для Ефрема-младшего (хотя это представляется весьма вероятным), однако совершенно ясно, что она обусловила восприятие его имени и его культурной роли в Древней Руси.

Строго говоря, существует и еще одна версия появления имени *Ефрем* в похвале Авраамию Смоленскому. Это мог быть и псевдоним книжника, подражающего Ефрему Сирину, некогда составившему жизнеописание своего современника, св. Авраамия Затворника. В таком случае прямое уподобление древнему прототипу является единственной функцией этого имени. “Самовольно” принятое имя еще более обостряет ту ситуацию культурной игры, подражания древнехристианской истории, буквального воспроизведения актуальных для нее ролей и связей, о которой речь шла выше. Необходимо, впрочем, оговориться, что мы не знаем для домонгольской Руси сколько-нибудь надежных примеров подобного рода псевдонимов, тема эта требует отдельного исследования.

Как кажется, подобный случай ролевого объединения двух монашеских имен не единичен. Нам уже приходилось писать о том, что восприятие имен подвижников, действовавших на Руси, в качестве своеобразной пары, обусловленное парностью этих имен в агиографической традиции, могло иметь место не только в XIII в., но и в XI в. [27. С. 110–114]. Речь идет об именах *Иларион* и *Антоний*. Широко распространенный сюжет об “отце монашества” Антонии Великом и его ученике и последователе – древнем святом Иларионе из Газы на русской почве подталкивал к тому, чтобы митрополит Иларион воспринимался как ученик и последователь “отца русского монашества” – Антония Печерского.

* * *

Сюжеты, связанные с духовными лицами, конечно же, имеют самое непосредственное отношение к мотивам выбора христианских имен на Руси в целом. Однако выбор имени для инока, разумеется, далеко не тождественен про-

цессу наречения христианским именем ребенка. Кроме того, обращаясь к сюжетам XIII в., мы были вынуждены несколько отойти от проблемы выбора календарных имен для первых поколений крещеных людей на Руси. Тем не менее нам, как кажется, удалось наметить некоторые возможности воздействия традиционных для агиографии антропонимических сочетаний на выбор или бытование тех или иных имен в стране поздней христианизации.

Возвратимся же теперь к имянаречению в династии Рюриковичей. Нельзя не отметить, что со второй половины XI в. в княжеских семьях фиксируется немало случаев, когда крестильные имена подбирались по принципу парности имен соответствующих святых. В первую очередь, бросаются в глаза те случаи, когда родные братья в одной семье получают имена братьев-мучеников Бориса-Романа и Глеба-Давида. Из ранних примеров такого имянаречения следует прежде всего указать семью Святослава Ярославича Черниговского (внука Владимира Святого), у которого были сыновья – Глеб, Давыд и Роман, а также семью полоцкого князя Всеслава Брючиславича (правнука Владимира Святого), где, среди прочих, встречаются все четыре имени святых братьев (Давыд Всеславич, Роман Всеславич, Глеб Всеславич и Борис Всеславич). Разные комбинации этих имен очень часто давались двум или трем мальчикам в одной княжеской семье и позже, хотя ранние случаи такого имянаречения особенно актуальны с точки зрения интересующей нас проблемы.

Парные имена черпались не только из агиографических сюжетов, связанных с историей самого рода Рюриковичей. Братьев в одной семье могли нарекать в крещении *Петром* и *Павлом*, как это происходит с Владимиром-Петром и Олегом-Павлом – сыновьями Игоря-Георгия Святославича Новгород-Северского. Сестра и брат получали, например, имена *Елена* и *Константин* в честь византийского императора св. Константина и его матери царицы Елены, как это было в семье Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо.

В иных случаях такая парность имен вовсе не обязательно требовала знакомства с агиографической традицией – достаточно было сведений из месяцеслова, где память соответствующих пар святых – Бориса и Глеба, Константина и Елены, апостолов Петра и Павла – приходилась на один день. Однако, как мы знаем, взаимосвязь княжеской традиции имянаречения с месяцесловом в домонгольскую эпоху далеко не сводилась к какой бы то ни было буквальной зависимости. На этом фоне весьма существенно, что некоторые из детей, получившие имена “парных” святых, родились в день, который не представляется возможным связать с календарной датой праздника именно этого святого.

В этом отношении любопытен выбор имени в семье упоминавшегося уже Игоря Святославича Новгород-Северского. Не вызывает сомнений, что для Олега, младшего из интересующих нас сыновей князя, особенно удачно подходило апостольское имя *Павел*, потому что у него уже был старший брат (Владимир) с парным апостольским именем *Петр*. Существенно, однако, что рождение Владимира по времени никак не было связано с датой празднования апостолам Петру и Павлу (29 июня). Он появился на свет 8 октября [9. Т. II. Стб. 562 под 1173 г.]. По предположению О.В. Лосевой, его покровителем мог стать св. Петр Капетолійский (4 октября) или святой воин Петр Галат из обители св. Фоки (9 октября) [28]. Правда, память воина Петра в сохранившихся месяцесловах того времени отсутствует, а наречение в честь Петра Капетолійского требовало бы отсчета по месяцеслову назад, что при выборе крестильного имени для мальчиков делалось достаточно редко.

Можно допустить, что Владимира нарекли в крещении *Петром* не по календарным, а по семейно-родовым соображениям, и в таком случае ничто не мешало дать ему в качестве небесного покровителя апостола Петра. С другой стороны, если княжич был назван в честь одного из упомянутых “раритетных” святых, он, в духе того синкретического почитания святых тезок, которое имело место в домонгольской Руси [1. С. 66–70; 2. С. 219–220; 7; 8; 3], скорее всего чтит всех свв. Петров и апостола Петра не в последнюю очередь¹³. Собственно говоря, весьма возможно, что наречение его младшего брата и было проявлением подобного рода синкретизма: младший, чья дата рождения отсутствует в источниках, мог стать *Павлом* в пару к старшему Петру, хотя тот и не был крещен именно в честь апостола Петра.

Не исключено, что в XI – начале XII в. не всегда были столь действенны собственно календарные мотивы и при наречении братьев парными именами святых князей Бориса и Глеба. Во всяком случае, не все календарные даты, связанные с памятью одного из братьев, жестко и непременно ассоциировались и с другим братом¹⁴. Иными словами, в более ранний период почитания святых братьев связанность имен *Борис, Роман, Глеб, Давид* могла осознаваться благодаря знанию соответствующих (недавно возникших) преданий, житийных и богослужебных текстов. Позднее же имена эти настолько сливаются и так прочно увязываются с чрезвычайно популярными на Руси празднованиями Борису и Глебу, что нет нужды в специальной агиографической рефлексии для того, чтобы назвать двух родичей *Борисом* и *Глебом* или *Романом* и *Давидом*.

Для выявления роли агиографических текстов в княжеском имянаречении парадоксальным образом могут оказаться более перспективными относительно редкие, так сказать, “экзотические” для династии христианские имена. Может быть, из-за того, что они с большим трудом вписываются в родовую историю, отчетливее формулируется вопрос, каким образом эти имена вообще могли попасть в княжеский антропонимикон. К числу таких имен несомненно принадлежит христианское имя *Евстафий*. Его носил Рюрикovich, принадлежавший к тем самым первым поколениям крещеных князей, имянаречение которых для нас особенно важно и показательно. Так звали внука Владимира Святого (возможно, одного из старших), сына Мстислава Тмутараканского. Любые наши построения относительно выбора имени для княжича обречены

¹³ Не исключено, что подобного рода ситуация имела место с христианским именем отца Владимира-Петра-Игоря-Георгия Святославича. Он появился на свет во вторник Страстной недели 1151 г. [9. Т. II. Стб. 422], который приходился на 3 апреля [29. С. 152]. При этом 4 (а по некоторым месяцесловам 5) апреля праздновалась память преподобного Георгия, иже на горе Малее, а 7 апреля отмечалась память преподобного Георгия Исповедника, епископа Митиленского. Вполне возможно, таким образом, что основанием для наречения новорожденного княжича именем *Георгий* послужило то обстоятельство, что он родился в канун памяти св. Георгия Малее (ср. [28. С. 64]), а вскоре праздновалась и память св. Георгия Митиленского.

С другой стороны, есть основания полагать, что сам Игорь-Георгий особым образом чтит и отмечал память св. Георгия Победоносца. В летописи сказано, что он отправляется в свой знаменитый поход против половцев 23 апреля, т.е. на праздник св. Георгия (см. [9. Т. II. Стб. 637 под 1185 г.]). Последнее обстоятельство позволило утверждать А.А. Горскому, что Игорь-Георгий Святославич был крещен именно в честь св. Георгия Победоносца [30. С. 12, 16, 33–34. Примеч. 2], что далеко небесспорно.

¹⁴ Так, например, Владимир Мономах в “Поучении” в качестве датирующего обозначения употребляет словосочетание “с҃тго Бориса днь” [9. Т. I. Стб. 249]. Вероятно, он имеет в виду именно дату убийства св. Бориса (24 июля).

на гипотетичность, наши сведения о Евстафии Мстиславиче исчерпываются летописным упоминанием о его кончине в 1033 г.: “Мьстиславичь оустафии оумре” [9. Т. I. Стб. 150]. Тем не менее ситуация не выглядит столь уж безнадежно, потому что некая минимально необходимая информация все же содержится в самом именовании.

Легче всего объяснить, почему это имя, однажды появившись у Рюриковичей, не закрепляется в династическом именовании: княжич умер при жизни своего отца, причем летопись решительно ничего не сообщает ни о других детях Мстислава Владимировича, ни о потомстве самого Евстафия. Таким образом, эта ветвь рода исчезает – у Евстафия нет ни внуков, ни родных племянников, ни других близких родичей, для которых было бы естественно и почетно унаследовать его христианское имя. Не обладал он, как кажется, и каким-либо престижным княжеским столом, благодаря которому имя *Евстафий* могло бы сделаться значимым и для родичей отдаленных.

Кое-какие предположения можно сделать и о том, почему для сына Мстислава Тмутараканского было выбрано именно такое крестильное имя¹⁵. Для такого имянаречения как будто бы не обнаруживается никаких явных прототипов в сколько-нибудь близких Рюриковичам династиях. А.А. Молчанов недавно высказал гипотезу, что имя *Евстафий* было дано сыну Мстислава Тмутараканского в честь константинопольского патриарха Евстафия, занимавшего кафедру с 1019 по 1025 гг. [31. С. 85]¹⁶. Нам неизвестны другие случаи наречения княжича в честь живущего духовного иерарха, однако при крайней скудости сведений об обычаях первой трети XI столетия только на этом основании мы не можем полностью отвергнуть подобную реконструкцию. Существует, однако, и другое объяснение, почему для сына Мстислава был избран в качестве покровителя св. Евстафий.

Нет, как кажется, нужды лишний раз подчеркивать, что при том минимуме сведений, которым мы располагаем о самом Евстафии Мстиславиче, у нас нет решительно никаких надежных свидетельств относительно того, кто именно из нескольких Евстафиев месящеслова был его небесным патроном. Тем не менее наиболее вероятными кандидатами на эту роль представляются св. Евстафий-воин и св. Евстафий Плакида. Оба они обладают той военной символикой, которая была, по-видимому, весьма привлекательна для новообращенных русских князей (вспомним, например, что Ярослав Мудрый, тот из кузенов Евстафия Мстиславича, чье христианское имя мы знаем наверняка, был крещен во имя Георгия Победоносца).

¹⁵ Строго говоря, имя *Евстафий* могло быть и иноческим именем княжича, хотя, подчеркнем еще раз, никаких сведений о его пострижении нет. Не знаем мы ничего достоверного и о регулярной смене имени при постриге в эту эпоху. Несколько странным, кроме того, кажется употребление монашеского имени с мирским отчеством. Впрочем, эта “странность” может быть целиком обусловлена тем, что мы лучше знаем функционирование системы имен и отчества позднейшего времени, нежели то, как христианские имена могли употребляться в первой половине XI в. Таким образом, мы будем говорить об этом имени как о крестильном, учитывая всю условность подобной презумпции.

¹⁶ А.В. Гадло высказал гипотезу, согласно которой в таком имянаречении княжича проявились особые связи его отца, Мстислава Тмутараканского, с кавказскими христианами, однако она была сочтена рядом исследователей необоснованной (см. [32. С. 90–91; 33. С. 86]; ср. [34. С. 502. Примеч. 47; 31. С. 85. Примеч. 8]).

Память этих свв. Евстафиев отмечена в большинстве древнейших русских месяцесловов¹⁷. Существенно при этом, что Евстафий Плакида был не простым воином, а полководцем (воеводой), и, кроме того, одним из наиболее известных эпизодов его жития является чудо на охоте. Благодаря этому эпизоду, между прочим, в западной традиции св. Евстафий Плакида почитался как покровитель охотников. Однако все приведенные выше общие соображения трудно счесть решающими аргументами в пользу того, что покровитель княжича был, например, именно Евстафий Плакида. По ним нельзя определить и того пути, по которому имя *Евстафий* пришло на Русь. Нужны какие-то более конкретные данные, позволяющие говорить о знакомстве русских с жизнеописанием (или, например, иконографией) этого святого и о том, чем это имя могло быть привлекательным для рода Рюриковичей.

На наш взгляд, подобные данные в распоряжении исследователя есть. В Несторовом “Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе” мы обнаруживаем следующий пассаж, имеющий самое непосредственное отношение к именованию деда Евстафия Мстиславича – Владимира-Василия Святого: «Бысть бо, рече, князь въ тыи годы, володѣй всею землею Рускою, именованъ Владимиръ. Бѣ же мужъ правдивъ и милостивъ к нищимъ и к сиротамъ и ко вдовичамъ, Елинъ же вѣроу. Сему Богъ спону нѣкакѹ створи быти ему христьяну, яко же древле Плакидѣ. Бѣ бо Плакида мужъ праведенъ и милостивъ, Елинъ же вѣроу, яко же в житии его пишется. Нѣ егда видѣ, явльшомуся ему, Господа нашего Исуса Христа, тѣгда поклонися ему глаголя: “Господи, кто еси и что велиши рабу твоему?” Господь же к нему: “Исусъ Христоръ, Его же ты, не вѣдый, чтеши. Нѣ идыи крѣстися”. Он же ту абие поимъ жену свою и дѣтища своя и крѣстися во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и наречено имя ему бысть Еустафѣй. Тако же и сему Владимиру явление Божие быти ему крѣстьяну створи же. Наречено бысть имя ему Василий. Таче потомъ всѣмъ заповѣда вельможамъ своимъ и всѣмъ людемъ, да ся крѣстятъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа» [36. С. 4]¹⁸.

Перед нами относительно пространное уподобление Владимира Святого Евстафию Плакиде с прямой отсылкой к житию этого святого “яко же в житии его пишется”: Сопоставление это достаточно последовательно: Владимир (“володѣй всею землею Рускою”), как и Плакида, “елинъ вѣроу”. Оба они одинаковым образом сподобились узреть Господа, оба крестятся со всеми приближенными и – что особенно подчеркнуто в чтении и потому особенно интересно для нас – оба при крещении получают новое имя, *Евстафий* и *Василий*, соответственно. Перед нами, таким образом, несомненное свидетельство того, что автор чтения знал житие Евстафия Плакиды и искусно использовал его в риторическом уподоблении.

Если мы допустим, что подобное знание жития и этот риторический ход несколько старше второй половины XI в. и Владимир Святой мог уподобляться Евстафию Плакиде при жизни или, по крайней мере, вскоре после смерти, то перед нами сложится довольно последовательная картина. Коль скоро дед в рамках книжной традиции подобен св. Евстафию, то внук, который, согласно

¹⁷ По популярности в дошедших до нас русских месяцесловах с этими двумя Евстафиями может сравниться разве что св. Евстафий, архиепископ Антиохийский (21 февраля). Евстафий, мученик никейский (20 ноября), отсутствует в русских источниках вовсе, тогда как св. Евстафий, епископ кийский (29 марта), фигурирует лишь в весьма немногих месяцесловах (см. [35. Т. II. С. 50–51, 90, 359; 6. С. 274, 275, 355, 375, 413]).

¹⁸ На возможную связь этого текста с именованьем Евстафия Мстиславича обратил внимание А. Карпов (см. [34. С. 502. Примеч. 47]).

традиции родовой, есть “малое подобие деда”, получает христианское имя *Евстафий* в качестве своего рода наследства от деда. Риторическая фигура, достаточно изощренный литературный прием, где житие используется как материал, оживает и воплощается в нарекаемом княжиче.

Не является ли, однако, наше построение чересчур сложным и умозрительным? Ведь мы поневоле аргументируем факт знакомства с житием обстоятельствами имянаречения, а выбор имени – знанием жития. Как кажется, однако, есть целый ряд крестильных имен Рюриковичей XI в., дающих основание для подобных выводов. Действительно, уподобление Владимира Святого именно Евстафию Плакиде – это, судя по всему, довольно изощренный и нетривиальный ход. Как известно, устойчивыми прототипами этого князя в христианской истории были с определенного времени Константин Великий, Соломон и Давид¹⁹. Мы достоверно знаем, что некоторые из этих сопоставлений существуют, по крайней мере, с середины XI в., со времен Илариона и Иакова Мниха, весьма вероятно, что эти имена, наряду с другими, ассоциировались с крестителем Руси и ранее.

Имена некоторых сыновей Владимира позволяют допустить, что именно эти фигуры выделялись как особенно значимые для князя уже при его жизни. Не исключено, что такое уподобление, в частности, и послужило одной из причин для наречения Глеба крестильным именем *Давид*. Иными словами, отец уподоблялся царепророку Давиду и потому сын становился *Давидом* в крещении.

Если полагаться на данные Любечского синодика, один из старших сыновей крестителя Руси, отец нашего Евстафия, Мстислав Тмутараканский, получил христианское имя *Константин* [38. С. 24, 32–33, 177]. В таком случае, едва ли можно усомниться, что он был наречен в честь Константина Великого, т.е. и здесь отец уподоблялся Константину, а сын Константином нарекался²⁰.

Таким образом, можно выстроить довольно условную и нуждающуюся во множестве оговорок схему: Владимир Святой, принимая крещение вместе с семьей, получает имя *Василий*, связывающее его одновременно со св. Василием Кесарийским (?) и с правящим византийским императором Василием II. Весьма вероятно, что, так сказать, в качестве первого прототипа, образца для подражания новообращенному князю предлагается именно Константин Великий, строитель Константинополя, при котором христианство сделалось государственной религией. Не исключено, что именно поэтому уподобление Константину оказывается едва ли не самым разработанным в позднейших текстах, свя-

¹⁹ А.В. Назаренко на основании сопоставления древнерусских источников с западными хрониками предположил, что еще более древним могло быть сопоставление князя Владимира с апостолом Павлом. В целом же исследователь считает, что “уже в самые первые годы после кончины Владимира Святославича (15 июля 1015 г.) в Киеве существовала так или иначе литературно оформленная традиция о его крещении, которая сложилась, возможно, еще при жизни князя” [37. С. 440].

²⁰ Немаловажно с нашей точки зрения, что прабабка княжича, княгиня Ольга, носила в крещении имя Елены, матери Константина. Существенно, кроме того, что уже очень рано на русской почве происходит объединение, доходящее порой до буквальной путаницы, имени *Василий* (крестильное имя Владимира Святого) и омонимичного ему греческого слова, обозначающего правителя, часто относимого к византийскому императору Константину. Характерна в этом отношении ошибка в месяцеслове Остромирова Евангелия, где под 21 мая вместо памяти благоверному василевсу Константину и матери его Елене обозначена память “сѣтымъ Василию Константину и Елены и матери его” (см. подробнее: [30. С. 30]). Таким образом, имя *Константин*, само по себе весьма уместное для члена правящей династии, оказывается разными опосредованными путями вписанным в собственную родовую историю Рюриковичей.

занных с Владимиром Святым, а это имя получает, возможно, один из его старших сыновей²¹.

Иными словами, мы видим, что Владимира-Василия Святого уподобляют Евстафию, Константину, Давиду и Соломону, а двое из его детей и один из старших внуков получают, соответственно, имена *Константин* (по данным Любечского синодика), *Давид* и *Евстафий*²². Не исключено, таким образом, что собственная литературная традиция, риторическая практика, восходящие к общехристианским образцам, уже очень рано начинают проецироваться на Руси на реальную жизнь, воплощаясь в именах князей или духовных лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI – начала XIII в. // Религии мира: История и современность 2002 / Отв. ред. А.В. Назаренко. М., 2002.
2. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Краткий очерк антропонимической ситуации в династии Рюриковичей (Предварительные итоги исследования) // “Индрик” 10 лет. М., 2003.
3. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., в печати.
4. *Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. Изд. 2-е. М., 1901–1904. Т. I: 1–I; 2. Т. II: 1–II; 2. М., 1911 (репринт: М., 1997).
5. *Воронин Н.Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // Византийский временник. 1965. Т. 2.
6. *Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
7. *Лосева О.В.* Патрональные святые русских князей (летописи, месяцесловы, сфрагистика) // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001. Материалы конференции. М., 2001.
8. *Успенский Ф.Б.* Княжеские патрональные святые и учреждение общерусских церковных праздников // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Славяне и их соседи: XXII конференция памяти В.Д. Королюка. Тезисы докладов. М., 2004.
9. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб./Пг./Л.; М., 1841–2004. Т. I–XLIII.
10. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М., 2001.
11. *Vita sanctae Euphrosynae // Patrologiae cursus completus. Accurante J.-P. Migne. Series Latina. T. I–CCXXI. Paris, 1844–1865. T. LXXXIII.*

²¹ Любопытно, что имя *Константин* на некоторое время как будто бы уходит из рода Рюриковичей после Мстислава-(Константина?) Владимировича. Мстислав умирает бездетным (его сын Евстафий, как мы помним, скончался еще при его жизни), времена меняются, и это имя возвращается в династию значительно позже, в эпоху Всеволода Большое Гнездо, по-видимому, не без влияния уже собственно русской агиографической традиции, связанной с прославлением Бориса и Глеба и отца их Владимира.

²² На первый взгляд кажется, что неустеребованным в семье Рюриковичей остается имя *Соломон*. Между тем, занимая в истории княжеского рода безусловно периферийное положение, оно отнюдь не уходит из нее вовсе. Как известно, царю Соломону уподоблялся не только Владимир Святой, но и Ярослав Мудрый, строитель Софии Киевской. Существенно при этом, что имя *Соломон* появляется у одного из внуков Ярослава, правда, по женской линии. Так назвали сына Ярославны и Андрея Венгерского. Андрей провел некоторое время на Руси, и, если судить по венгерским источникам, его русская жена играла немалую роль и в делах государства, и в судьбе его сына. Говоря об этой ситуации именная речения, следует, конечно, соблюдать особую осторожность, так как здесь мы имеем дело с другой династией, со своей собственной спецификой выбора имени. Характерно, впрочем, что определенное влияние Рюриковичей на антропонимическую стратегию в венгерской династии явно прослеживается. Здесь достаточно упомянуть хотя бы о небыстром Коломане-Борисе Коломановиче, жившем, правда, в несколько иную эпоху (XII в.).

12. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Евфросиния Изморагд: Из истории именование у Рюриковичей домонгольской поры // Восточная Европа в древности и Средневековье. Источниковедение и исторический нарратив. XVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, IV Чтения, посвященные памяти А. А. Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 г. М., 2005.
13. *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1996–1997. Т. I–III.
14. *Сазонов С.В.* Монашеское имя Александра Невского и традиция монашеского именование в средневековой Руси // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1994. Вып. VI.
15. *Сазонов С.В.* О монашеском имени Александра Невского // Князь Александр Невский. Материалы научно-практической конференции 1989 и 1994 гг. / Отв. ред. Ю.К. Бегунов и А.Н. Кирпичников. СПб., 1995.
16. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. Изд. 2-е. СПб., 1908 (Русская историческая библиотека. Т. 6).
17. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841–1842. Т. I–V.
18. Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему / Приготовил С.П. Розанов. СПб., 1912. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 1.)
19. Успенский сборник XII–XIII вв. / Подгот. к печ. О.А. Князевская и др. М., 1971.
20. Патерик Киевского Печерского монастыря / Под ред. Д.И. Абрамовича. СПб., 1911 (Памятники славяно-русской письменности изд. Императорскою Археографическою комиссиею. Т. II).
21. Служебник. М., 1646.
22. *Григорий Котошихин.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
23. *Карпов А.* Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877.
24. *Забелин И.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. I: 1–2. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. II. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2000–2001.
25. *Бетин Л.В.* Исторические основы древнерусского высокого иконостаса // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970.
26. *Kaiser D.H.* Naming Cultures in Early Modern Russia // Harvard Ukrainian Studies. Камень Краежгльнь: Rhetoric of the Medieval Slavic World. Essays Presented to Edward L. Keenan on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. Cambridge Mass., 1995. Vol. 19.
27. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Иларион и Антоний: Имена и времена в биографиях первых русских подвижников // Восточная Европа в древности и Средневековье: Время источника и время в источнике. XVI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 14–16 апреля 2004 г.: Материалы конференции. М., 2004.
28. *Лосева О.В.* Месяцеслов и именослов в Древней Руси // Румянцевские чтения. Материалы научно-практической конференции по итогам научно-исследовательской работы Российской государственной библиотеки (25–27 апреля 1995 г.). М., 1996. Ч. II.
29. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
30. *Горский А.А.* “Всего еси исполнена земля русская...”: Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001.
31. *Молчанов А.А.* Владимир Мономах и его имена (К изучению княжеского имени Рюриковичей X–XII веков) // Славяноведение. 2004. № 2.
32. *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.
33. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994.
34. *Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001. (Жизнь замечательных людей).
35. *Архиепископ Сергей (Спасский).* Полный месяцеслов Востока. Издание второе, исправленное и дополненное. Владимир, 1901. Т. I–III. (Репринт: М., 1997).
36. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916 (Памятники древнерусской литературы. Вып. 2).
37. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков. М., 2001.
38. *Зотов Р.В.* О черниговских князьях в Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
39. *Лосева О.В.* Одна из загадок месяцеслова Остромирова Евангелия // Румянцевские чтения. Материалы научно-практической конференции по итогам научно-исследовательской работы Российской государственной библиотеки (25–27 апреля 1995 г. М., 1996. Ч. II.

© 2005 г. А. А. ТУРИЛОВ

КОГДА УМЕР МИХАИЛ КЛОПСКИЙ И КТО ПРЕДСКАЗАЛ ЦЕРКОВНУЮ КАРЬЕРУ НОВГОРОДСКОМУ АРХИЕПИСКОПУ ИОНЕ?

В биографии преподобного Михаила Клопского – свидетеля и участника драматических событий в последние десятилетия независимости Новгорода – остается до сих пор, несмотря на опубликованную более четверти века назад этапную статью В.Л. Янина [1], немало загадок и противоречий¹. Однако прежде чем вновь ставить вопрос о происхождении Михаила, следует надежно определить время его жизни, исходя прежде всего из даты кончины. В исследовательской литературе, по крайней мере, со времен В.О. Ключевского [2. С. 212; 3. С. 42, № 128; 4. С. 32; 5. С. 187–188; 1. С. 52] в качестве такой предельно поздней даты фигурирует 1458 г. Ее выбор основан на сведениях Повести об архиепископе Ионе (называемой также житием), сообщающей, в частности, о встрече будущего владыки в детстве с клопским блаженным, предсказавшим ему незаурядную карьеру на церковном поприще (ранние редакции жития Михаила такой подробности не содержат). Михаил несколько раз назван в повести по имени, далее сообщается, что он умер не только до избрания Ионы на кафедру, но и ранее кончины архиепископа Евфимия II².

Хотя повесть содержит достаточно ясные, казалось бы, указания на то, что она создана вскоре после смерти Ионы, ряд обстоятельств мешает признать ее ранним источником, дошедшим в том виде, в каком она была создана в последней трети XV в., во всяком случае, применительно к интересующему нас эпизоду. В первую очередь это относится к рукописной традиции памятника, которая не прослеживается ранее Великих Миней Четых (ВМЧ) (1539 г.): другие списки, привлекавшиеся к изданию, еще моложе [6. С. 624]. Между тем, среди текстов, входящих в этот огромный двенадцатитомный свод, отчетливо можно проследить две тенденции. Это либо весьма исправные списки более ранних (порою весьма древних) памятников, либо редакции, специально созданные (на основе предшествующих) для включения в ВМЧ. И среди пространных (не проложных) житий русских святых XIV–XV вв. явно преобладает эта вторая тенденция

Турилов Анатолий Аркадьевич канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Настоящая статья представляет часть бóльшей работы, в полном объеме публикуемой в сборнике “Средневековая Русь” (Вып. 6).

² См. текст, публикуемый ниже, а также [6. С. 356].

(здесь достаточно вспомнить хотя бы житие самого Михаила Клопского, написанное в 1537 г. В.М. Тучковым) [4. С. 141–167; 5. С. 197–198; 7. С. 446–447; 8. С. 77–80].

О том, что текст повести ВМЧ явно не первоначален, свидетельствует отдельный рассказ о предсказании Ионе архиепископства, встречающийся как самостоятельная статья в сборниках³ и включенный в Новгородскую IV летопись по списку П.П. Дубровского [9. Т. 4. С. 492–493], представленный несколькими редакциями, отражающими этапы развития и трансформации этого памятника на протяжении 1470–1520-х годов. Текст загадочным образом остался неизвестен всем исследователям жития Михаила Клопского, хотя он по меньшей мере дважды публиковался начиная с 1917 г. [9. Т. 4. С. 492–493; 10. С. 223]. Н.В. Синецину, единственно знакомую с рассказом (за исключением синодального списка) и даже занимавшуюся его рукописной традицией и текстологией [11. С. 313–314. Примеч. 67], он интересовал исключительно как источник сведений о Михаиле Медоварцеве и его семье. Нимало не сомневаясь в идентичности безымянного “блаженного мужа” рассказа с Михаилом Клопским, она даже сделала попытку определить на основании текста приблизительную дату рождения книгописца [11. С. 313–314. Примеч. 67]. Ввиду небольшого объема рассказа привожу его здесь полностью в упрощенной орфографии по изданию материалов А. В. Горского и К. И. Невоструева параллельно с соответствующей частью Повести об Ионе.

Рассказ: «Поведа нам сам господин архиепископ Иона. “Егда бех, – рече, – еще младенец, оставшу ми сиротою от отца седми лет, а от матери треи леты. И положил Бог на сердце жене вдовици, именем Натальи, матери Якова Дмитриевича, Медоварове, а Михайлове бабе. И взяша мя в дом свой к себе, и нача кормити и одевати, яко истинная мати родная, та же мя дасть на учение грамоте диаку. Бысть же во училищи том множество детей учащихя, мне же убожества и нищеты [ради] сушу тиху и смирену. Бех бо и болезнив, не приступах к прочим детям. О нем убо играющим, якоже обычай детям, аз же на них толико смотрях, како играют. Во един убо от дний детям играющим по вечерни, и абие идяше по улици блажен муж, дети ж устремившеся на него все, начаша метати камень и сметие на очи его, а мне стоящу на едином месте недвижимо. Он же, оставсе детей и притече ко мне, и взял мя за власы да поднял выше себя. И нача звати именем, никакож зная мя, ни отца моего, ни матери моя, глаголя: “Иванець, учися, господине, грамоте⁴ с прилежание[м]. Быти тебе в Великом Новгороде архиепископом”. И по изволению Божию, по преставлении архиепископа Еуфимия, по проречению оному уродиваго Христа ради, возведен бысть Иона на архиепископство Великому Новгороду и Пскову. И бысть на архиепископстве 12 лет и 6 месяц. Бысть же при его святительстве мир со всеми землями, и тишина, и гобзование плодом. И ныне его молитвами помилуй нас. Аминь» [10. С. 223].

Повесть: «Сей блаженный Иона, еще детску сушу ему, произбран от Бога во благое, пронаречен быв в святительство Великому Новуграду. Отрочищу еще ему сушу, осиротевшу ему от родителю своею, вдовица некая, матерьски

³ БАН, Арханг. Д. 193 (перв. треть XVI в.). Л. 460 об. 461; РГБ. Ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря). № 659. Л. 357 об. 358 об.; ГИМ. Син. 630 (втор. четв. XVI в.). Л. 240–240 об. (последний список издан [10. С. 223]).

⁴ Вероятно, следует читать: “Учись господне грамоте”.

поболевши о нем, възпита и, прием того аки истовая родителница. Ею же вдану ему бывшу некоему диакону наказатися священным книгам. Еще же и нищете к сиротству присовокупившися ему, нездрава телом творяшетъ его, и чясное болезнем приложение худость ему придаше. Кротостное обычая и тихое нрава помногу снабдевати обыче добрый сей, радованию же и игранию дети николи же приближатися изволи. И аще когда от учителя отхожаше съ множеством съученическим ему и улица граду к дому приходити бываше, всем яко детям игранию радующимся, той подале стояти от них обычай имяше, егда и случашеся когда яко детьску позоровати.

Единою же честному Михаилу, уродивому мирови, Богови же премудрому, в граде первое шествие творящу, детищу же сему стоящу на месте укромне, и мнозем съученикомъ его играющим. И блаженнаго Михаила узревше, уродствено грядуща по улицы, вси детие игры свои оставльше, аки на чудо к Михайлови притекоша, смеющеся о нем и ругающеся ему, изметаема из домов сметиа на главу безумне възметаху и камене по ногам метаху ему. Незнаему ему сушу тогда, ибо преже вселения его на Клопско и первое в граде явившюся и ходящу в первый день пришествия его в Великыи Новъград, в епископство блаженнаго Иоанна, иже позлати верх святей Софии.

И блаженный Михаилу, ни едино же радение о безумии детей творяше грядый, но устремися в угол улицы, идеже честное детище се стояще в тихости своей. Дневному свету уже оскудевающу и вечеру бывающу, но обаче внутрениа пресветлы очеса Михайловы бываху. Притек бо, взят отрочища сего за власы, и подъем вышши себя, възпиаше ему: “Иване, – тако бо от святаго крещения имя детищу – учи книги прилежно, имаши бо великому граду сему архиепископ быти”. И, обием его, отиде...

И летом мнозем текущим и самому пророку почившу, и Иону старость преимаше, обаче слово Божиа человека не мимохожаше и время прореченое надстояше. По успении бо честнаго Еуфимиа жребием и нароком всех людии и изволением всего собора Божие наречение архиепископства прииде на Иону, и в епископию възведоша его...

И вси округ седящий страны во вся лета епископства его твердо имеаху любовь к нему, и мир велик к Великому Новуграду имеаху такоже и ко всем пределам его. И глубоко тишину вся страна та прият и не беаше слышанна рати во вся дни его... Благоплодны же земля зело, паче первых лет и гобизнень по всей земли Ноугородцкой и Псковской и плодовито всеми овощми бысть зело...» [б. С. 354, 356].

Уже беглое сопоставление рассказа, помещенного в синодальной Минее служебной, сборниках и Новгородской IV летописи по списку Дубровского, с Повестью об Ионе, убеждает, что он обладает явными признаками первичности по отношению к ней. Даже если оставить в стороне риторичу Повести, избыточную по отношению к предельно краткому рассказу, невозможно себе представить, чтобы имя юродивого прорицателя было исключено из него сознательно (или, тем более, что его мог забыть архиепископ Иона, являющийся непосредственным источником информации), при этом повествование было дополнено подробностями о семье, в которой воспитывался Иван–Иона. Напротив, обратная ситуация не только возможна, но и вполне закономерна. Книжника второй четверти XVI в. уже не интересовали утратившие актуальность имена воспитательницы будущего архиепископа, ее сына и внука. Более того, в окружении архиепископа Макария могли почестъ за лучшее не упоминать имя Михаила Медоварцева, причастного к недавним политическим процессам над Максимом

Греком и Вассианом Патрикеевым, а заодно и его родственников. Иное дело – имя пророка, прославленного в Новгороде своими московскими симпатиями. Его появление в повести о новгородском архиепископе в условиях централизованного Московского государства в XVI в. более чем уместно, поскольку оно служит дополнительной гарантией лояльности ее героя великокняжеской власти еще в годы независимости вечевой республики. Судя по тому, что слова “блаженный старец Михаил Клопский, уродом ся творя” применительно к безымянному до тех пор прорицателю появляются только в летописце Михаила Медоварцева (в составе сборника БАН, Арханг. Д. 193), надежно датированном 1528–1531 гг. [11. С. 313], это отождествление (отсутствующее в других ранних версиях рассказа) принадлежит самому прославленному книгописцу. Выбор имени, очевидно, обусловлен тем, что Михаил Клопский действительно являлся современником Ионы и был (при всей относительной приложимости к нему этого определения) к 1520-м годом наиболее известным из новгородских “юродивых Христа ради” XV в. благодаря как развитой агиографической традиции, так, возможно, и живым еще устным преданиям. В связи с этим нет достаточных оснований доверять и известию Повести о том, что Иона безуспешно просил Пахомия Логофета написать житие Михаила [6. С. 370]. Это также, по всей видимости, элемент персонификации безымянного юродивого пророка⁵.

Следует подробнее остановиться на вопросе, насколько обоснована догадка или предположение Михаила Медоварцева? Может ли безымянный “блаженный муж” рассказа быть отождествлен с Михаилом Клопским? Ответ на него может быть только отрицательным, если обратить внимание на поведение как соучеников Иванца-Ионы при появлении пророка, так и самого прорицателя (см. выше). Поведение детей представляет собой стандартную (почти этикетную) реакцию на появление сумасшедшего, каким представлялся “юродивый Христа ради” людям, не обладающим даром духовного зрения⁶. То есть это был именно юродивый, а не монах, по облику и поведению⁷. Между тем Михаил Клопский был несомненно монахом, к тому же чрезвычайно не любившим покидать обитель и появляться в городе. Здесь достаточно вспомнить чудо о посаднике Григории Кирилловиче Посахно, увидевшем однажды Михаила на Святой неделе в притворе Софийского собора и удивившегося уже самому его присутствию там [6. С. 342]. Правда, автор Повести о архиепископе Ионе обходит это противоречие, относя встречу и пророчество к первому дню появления Михаила в Новгороде (“ходящу в первый день пришествия его в Великий Новгород” – см. выше), однако из ранних редакций жития клопского чудотворца известно, что он пришел в монастырь уже в иноческом облачении, поскольку в первых же строках назван старцем⁸. Можно привести две известных по именам кандидатуры на роль вероятного прорицателя духовной карьеры Иванца-Ио-

⁵ «Принадлежность Михаила к юродивым, впрочем, весьма сомнительна: он был монахом, ничего особенно скандального не сотворил, да и слова “творя ся похабъ” появились лишь в поздней редакции его жития...» [12. С. 213. Примеч. 44].

⁶ Ср., например, соответствующие эпизоды житий византийских юродивых Симеона, Андрея, Саввы Нового [12. С. 65, 88, 129].

⁷ Думается, что за подобное обращение с иноком (несмотря на то, что по народным поверьям встреча с монахом, как известно, плохая примета) детям грозило вполне реальное (и достаточно суровое) наказание как от учителя, так и от родителей.

⁸ “И поп Макарей... войде в келью, ажь старецъ сидеть на стуле...” [6. С. 334]. При этом, разумеется, следует согласиться с В.Л. Яниным, что слово “старец” не содержит в данном случае указания на возраст Михаила [1. С. 54].

ны. Это соперники и современники, обитавшие на разных сторонах Волхова – Никола Кочанов и Федор Блаженный. В литературе их кончину принято относить к 1392 (6900) г. [З. С. 46–47, № 141; 13. С. 19, 226; 14. С. 85 (№ 60), 108, 146], однако эта дата содержится только в месяцесловах и не контролируется историческими реалиями. Между тем, обращение к “Книге, глаголемой Описание о российских святых” обнаруживает обилие неполных дат (без фиксации года, десятилетия, а то и столетия) кончины того или иного святого, в результате чего создается впечатление, что последние годы многих столетий от “сотворения мира”, в записи арабскими цифрами, оканчивающиеся на два нуля, сопровождалась своеобразным мором среди христианских подвижников. Так, одновременно с новгородскими юродивыми почил еще 25 святых⁹, в 1492 (7000) г. их скончалось 45¹⁰. Для 6700 и 6800 гг. эти цифры относительно невелики – соответственно 6 [З. С. 109 (237 – двое), 111 (238), 213 (391, 392), 243–439] и 8 человек [З. С. 31 (102, 1(04), 39 (121), 40 (124), 222 (403), 238 (429), 241 (436), 247–433], однако к показателям 7000 г. весьма близок 6000 г. (491/92 от РХ – за 500 лет до крещения Руси), на который якобы приходится кончина 40 русских святых¹¹. Исходя из этого вполне допустимо предположить, что 1392 г. представляет в реальности дату, *не ранее которой* скончались эти новгородские юродивые; т.е. они вполне могли быть старшими современниками Ионы. Выбор в пользу одного из них затрудняется тем обстоятельством, что нам достоверно неизвестно, на каком берегу Волхова жили Медоварцевы и, соответственно, воспитывался будущий архиепископ.

Отказ от отождествления блаженного из рассказа об архиепископе Ионе с Михаилом Клопским имеет важное последствие для определения даты смерти последнего, лишая ее привязки ко времени осуществления данного пророчества, но по существу не имеет значения для истории складывания его жития, которая остается прежней, только время создания памятника сокращается до 1471–1478 гг.¹². В то же время “деперсонификация” прорицателя избавляет исследователей от необходимости достаточно искусственного построения, согласно которому пророчество Михаила о Шелонской битве 1471 г. и ее последствиях (“Станет князь великий в Бурегах и распустить силу свою на Шолоне, и поплнить новгородцев многих: иных на Москву сведеть, а иных присечеть, а иных на окуп даст” [б. С. 346, 348]) относилось первоначально к походу на Новгород великого князя Василия Темного в 1456 г. и к Яжелбицкому миру и позднее было лишь “актуализировано” [2. С. 213–214; 4. С. 45–46; 5. С. 195; 1 С. 61]. Практика актуализации пророчеств хорошо известна по памятникам апокрифическим (в том числе и на славянской почве, см. об этом, например: [15. С. 31–

⁹ См.: [З. С. 43 (№ 129), 44 (136), 51 (150), 55 (158 – двое), 71 (184), 76 (192), 82 (205), 84 (209), 90 (219), 112 (242), 117–119 (248–250), 145, 146 (290, 291), 163 (319, 320), 168 (327), 171 (328), 177 (340), 182 (348), 183 (353), 203 (376), 230 (419)].

¹⁰ См. [З. С. 30 (101), 46 (140–142), 148 (144), 86 (212), 88 (2.16), 104 (233 – двое), 112 (241), 128–132 (262, 263, 266, 267, 270), 136 (280), 143–144 (288, 289), 146 (292), 150–151 (297, 298), 155 (309), 158 (312), 160–161 (314–316), 165–166 (322, 323), 177 (341), 179 (343), 181–182 (345 347), 187–188 (358–360), 194 (367), 202–203 (377, 378), 210 (388), 212 (389), 214 (393), 231 (423), 236 (427)].

¹¹ См.: [З. С. 9 (11), 11 (16), 18–19 (42–48), 23 (64), 24 (70), 44 (134), 45 (139 – пятеро), 47 (142), 89 (217), 94–95 (224–226), 120 (251), 127 (259, 260), 139 (282), 142 (285), 148 (294 – двое), 183 (351, 352), 186 (356), 206 (383, 384), 216 (398), 224 (406), 225 (408), 236 (426, 428), 241 (437)].

¹² При этом, разумеется, приходится полностью отказаться от гипотезы В.Л. Янина, предлагавшего датировать первоначальную редакцию жития Михаила в первые годы после Яжелбицкого договора 1456 г. [1. С. 61].

35]), однако на других произведениях собственно древнерусской литературы она не прослеживается. Если же рассматривать это пророчество (не вдаваясь в детализацию предсказания) как факт агиобиографии Михаила Клопского (к чему теперь нет препятствий), то оно дает единственно возможную дату его кончины между приездом в Новгород из Великого княжества Литовского князя Михаила Олельковича (осень 1470 г.)¹³ и походом Ивана III (1471 г.) – 11 января 1471 г., день памяти преп. Феодосия Великого¹⁴. Предлагаемая дата позволяет, возможно (хотя и не обязательно), несколько уточнить время избрания посадником упоминаемого в связи с последним пророчеством Ивана Васильевича Немира (определяемое около 1471 г. [16. С. 369, 374, 382, 384, 386, 391, 402, 403, 505])¹⁵, но не дает, разумеется, добавочных оснований отождествлять его “прадеду” Евфросинью с Марфой Посадницей, как это делал Л.А. Дмитриев [5. С. 195; 6. С. 622]¹⁶ (напротив, в свете того, что рассказ практически современен описываемым событиям, вероятность смешения разноименных боярын выглядит практически невозможной). Нетрудно заметить, что с новой датой смерти Михаила безусловно лучше согласуются и наблюдения В.Л. Янина по поводу сюжета “брани за землю” (с. Курецко) между соседями монастыря – боярами Олферьем Ивановичем и Иваном Семеновичем Лошинским¹⁷, закончившейся для первого из них (очевидно, неправого) по прорицанию клопского инока (“будеши без рук и без ног и нем”) тяжелым insultом (“ино у нево и рука и нога и язык отнялся – не говорит”) [6. С. 342].

Предлагаемая новая дата смерти Михаила заставляет решительным образом пересмотреть вопрос и о продолжительности его жизни в Новгороде и о дате его рождения. Но это самостоятельная тема исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янин В.Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979.
2. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (репринт – 1988).
3. Толстой М.В. Книга, глаголемая “Описание о российских святых”. М., 1887 (репринт – 1995).
4. Дмитриев Л.А. Повести о житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958.
5. Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера XII–XVII вв. Л., 1972.
6. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982.

¹³ “В лето [69] 79. Ноября 8 преставися архиепископ Иона новгородскыи. Тое же осени был князь Михаиле Олелкович литовский в Новгороде Великом” [9. Т. 39. С. 148].

¹⁴ “Разболися Михаиле месяца декабрия на Савин день (5 декабря, память прп. Саввы Освященного. – А.Т.)... А дары взял на Федосиев день на своих ногах... И послал к нему игумен пити и есть от трапезы. И они пришли, ажно заперто. И они отперли, ... а его в животе неть...” [6. С. 344, 346].

¹⁵ Попутно следует отметить серьезную неточность у В.О. Ключевского, отождествлявшего с И.В. Немиром “посадника Ивана Васильевича”, упоминаемого в летописи под 1435 г. [2. С. 214]. Речь здесь идет о посаднике 1430–1440-х годов И.В. Сокире [17. С. 29, 30, 34, 51, 53, 343, 350, 358, 360–364, 366, 369–371, 409].

¹⁶ В данном вопросе я полностью согласен с В.Л. Яниным [1. С. 61].

¹⁷ “Нас не должно смущать то, что летописные сведения об Олферии Ивановиче и Иване Лошинском относятся только к 70-м годам, т.е. ко времени на 20 лет позднее кончины Михаила Клопского. В 70-х годах они были маститыми политическими деятелями, но их владельческие права на эти земли могли возникнуть еще при жизни Михаила” [1. С. 60–61].

7. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (Втор. пол. XIV–XVI вв.). Ч. 2 (Л–Я).
8. Макарий, архим. (Веретенников). Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и Всея Руси. М., 2002.
9. Полное собрание русских летописей. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2; М., 1994. Т. 39.
10. Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 3 (Книги богослужебные). М., 1917 (= ЧОИДР. Кн. 4).
11. Саницына Н. В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972 [Сб. 1].
12. Иванов С. А. Византийское юродство. М., 1994.
13. Сергей, архиеп. (Спасский). Полный месяцеслов Востока, Изд. 2-е. Владимир, 1901 (репринт – М., 1997).
14. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Изд. 2-е. М., 1903 (репринт – 1998).
15. Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996.
16. Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003.

© 2005 г. И. Б. ИТКИН

ОБ ОДНОМ ОГРАНИЧЕНИИ НА СОЧЕТАЕМОСТЬ СУФФИКСОВ С ОСНОВОЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Русский язык отличается исключительным богатством инвентаря суффиксальных морфем. Многие грамматические (в широком смысле слова) значения могут быть выражены не одним, а двумя, тремя и более синонимичными или квазисинонимичными показателями. В связи с этим встает вопрос о правилах распределения, регулирующих употребление тех или иных суффиксов; вопрос этот представляет собой частный случай общей проблемы выявления закономерностей взаимной сочетаемости морфем в слове, находящейся в ведении такого раздела морфологии, как морфотактика.

В языках с развитым аффиксальным словоизменением и словообразованием, к числу которых, разумеется, относится и русский, количество морфотактических правил с необходимостью должно быть очень велико. Работа по их выявлению ведется едва ли не с самого начала изучения русской грамматики. На этом пути уже было получено немало замечательных результатов; в частности, ряд закономерностей прежде всего акцентного характера, регулирующих употребление как словообразовательных, так и словоизменяющих суффиксов, был установлен Андреем Анатольевичем Зализняком в его работах “Русское именное словоизменение” [1] и “От праславянской акцентуации к русской” [2].

Тем не менее работа эта еще далеко не закончена, и мы рады были бы внести в нее свой посильный вклад. Считаем своим приятным долгом подчеркнуть, что большинство высказанных ниже утверждений о сочетаемости суффиксов с различными типами основ было бы практически невозможно ни обосновать, ни проверить, если бы не созданный А.А. Зализняком “Грамматический словарь русского языка” [3].

Речь идет об одном ограничении на употребление суффиксов, ранее как будто не привлекавшем внимания исследователей, – ограничении далеко не универсальном, но позволяющем дать единообразное объяснение целому ряду фактов, на первый взгляд, никак не связанных между собой. В наиболее общем виде это ограничение может быть сформулировано следующим образом: **если суффиксальная морфема имеет в своем составе согласный C_1 или группу согласных C_1C_2 , то ее сочетаемость с основами, оканчивающимися на этот согласный (группу согласных), невозможна или затруднена (далее – Правило 1).**

Примеры проявления Правила 1 многочисленны и охватывают различные группы словоформ.

Рассмотрим сначала словообразовательные суффиксы существительных.

Суффиксы -ость и -от(а). Основным средством образования отадективных и отпричастных имен качества в русском языке выступает суффикс *-ость* (ср. *глупость, неверность, осведомленность* и т.д.). Следующим по распространенности является суффикс *-от(а)* (ср. *высота, доброта, нищета* и т.д.). Прочие суффиксы (*-изн(а), -ин(а), -ств(о)* и др.) маргинальны. Поскольку суффикс *-ость* обладает неограниченной продуктивностью и представлен в нескольких тысячах производных, создается впечатление, что никаких ограничений, кроме чисто лексических и, следовательно, нерегулярных, на его употребление нет. На самом деле это не так: суффикс *-ость* не сочетается с непроизводными основами с исходом на *-ст* (также *-стр*); при таких основах его замещают суффиксы *-от(а)* и – реже – *-ин(а)*: *густой – густота* (и *гуци-на*), *простой – простота, пустой – пустота, толстый – толщина* (и редко *толстота*), *частый – частота, чистый – чистота; быстрый – быстрота, острый – острота, пестрый – пестрота*.

Сочетание суффикса *-ость* с производными – т.е. содержащими суффиксы *-аст(ый)* и *-ист(ый)* – основами с исходом на *-ст* возможно (ср. *цветастость, мглистость, бархатистость* и т.д.), но лишь в силу того, что все суффиксы, синонимичные *-ость*, к таким основам вообще не присоединяются. Кроме того, в качестве “языковой прихоти” возможным оказывается сочетание суффикса *-ость* с основой на *-ств*: *черствый – черствость*.

Затруднено также сочетание суффикса *-ость* с непроизводными основами на *-с* (ср. *высокий – высота* (и *вышина*), *косой – редко косина, лысый – лысина*); отметим также отсутствие абстрактных имен от *босой, русый*. Единственное исключение составляет неотадективное *трусость*.

В свою очередь, суффикс *-от(а)* (не только в рассматриваемом, но и во всех других значениях: процессуальном, предметном, собирательном и др. – ср. такие примеры, как *дремота, суета, кислота, беднота, пехота*) не сочетается с основами на *-Vm*, а также на *-д*.

Среди всех деривационных значений, передаваемых в русском языке суффиксальным способом, едва ли не наибольшее разнообразие средств выражения наблюдается у процессуального и агентивного значений. Поэтому не случайно, что Правило 1 действует в отношении ряда процессуальных и агентивных суффиксов.

Суффикс -б(а). Процессуальный суффикс *-б(а)* (ср. *борьба, дружба, похвальба* и т.д.) не сочетается с основами на *-б* и на все прочие губные согласные.

Суффиксы -еж и -ежк(а). Процессуальные суффиксы *-еж* и *-ежк(а)* (ср. *грабеж, дележ, кутеж; дележка, зубрежка* и т.д.) не сочетаются с основами на *-ж* и вообще с основами на шипящие. Заметим, что суффикс *-еж* продуктивен в просторечии (ср. “Но не видать девахе этот свадебный гудеж...” (Высоцкий)), однако и в такого рода окказиональных дериватах данное ограничение соблюдается четко.

Суффиксы -арь и -ар. Агентивные суффиксы *-арь* (ср. *бунтарь, лекарь, псарь* и т.д.) и более редкий *-ар* (ср. *дояр, маляр, овчар* и т.д.) не сочетаются с основами на *-р*.

Суффикс -ач. Агентивный суффикс *-ач* (ср. *ловкач, рвач, силач* и т.д.) не сочетается с основами на *-ч* и вообще с основами на шипящие.

Суффикс -ун. Агентивный суффикс *-ун* (ср. *болтун, врун, хохотун* и т.д.) не сочетается с основами на *-н* и на *-м*.

Заслуживают внимания также некоторые суффиксы с уменьшительно-ласкательным и аугментативным значением.

Суффикс -оньк(а). Ласкательный суффикс *-оньк(а)* (ср. *березонька, лисонька, ноченька; Любонька, Витенька, Сашенька*) не сочетается с основами на *-н*. При сочетании с именами нарицательными его в той или иной мере заменяет суффикс *-ушк(а)*: *буренушка* (ср. *коровушка ~ коровонька*, но **буренонька*), *нянюшка* (ср. *мамушка ~ мамонька ~ маменька*, но **няненька*), *сторонюшка* и т.д.; при сочетании с именами собственными – суффикс *-очка*: *Леночка, Ниночка, Ванечка, Санечка, Венечка* и т.д. Особенно интересна последняя группа примеров: употребление тех или иных уменьшительных детских имен есть в значительной степени результат индивидуальных предпочтений говорящих; тем не менее формы типа **Ленонька, *Ваненька* не используются практически никогда.

Суффикс -ин(а). Аугментативный суффикс *-ин(а)* (ср. *голосина, идиотина, рыбина* и т.д.), как кажется, тоже не сочетается или, по крайней мере, плохо сочетается с основами на *-н*. Среди общеупотребительных, “словарных” слов с этим суффиксом производных от основ на *-н* нет. Правда, ценность этого факта невелика: семантика суффикса *-ин(а)* такова, что он используется в основном в спонтанной речи. Однако результаты мысленного эксперимента позволяют сделать вывод, что окказионализмы типа *??болванина* (ср. *балбесина*), *??урнина* (ср. *ямина*), *??шпионина* (ср. *вражина*) и т.п. выглядят неестественно, их образование явно затруднено.

Правило 1 играет определенную роль и при образовании прилагательных.

Суффиксы -ат(ый) и -аст(ый). В замечательной работе В.А. Плунгяна, посвященной, в частности, анализу русских отсубстантивных прилагательных с суффиксами *-ав(ый), -ив(ый), -ляв(ый), -ат(ый), -овит(ый), -ист(ый), -чат(ый), -аст(ый), -оват(ый)*, было показано, что все эти суффиксы, кроме последнего, синонимичны и имеют значение “имеющий большое количество X” (суффикс *-оват(ый)*, напротив, означает “имеющий небольшое количество X”). При этом, если мотивирующая лексема обозначает объект, в нормальном случае и так присущий определяемому существительному, причем в заранее известном количестве, прилагательное приобретает значение “имеющий X, выдающийся в отношении размера или функции” (ср. *волос – волосатый, глаз – глазастый, голос – голосистый, рука – рукастый* и т.д.); в противном случае прилагательное означает “имеющий большое / фиксированное количество X” (ср. *зубец – зубчатый* “имеющий много зубцов”, *лес – лесистый* “имеющий много леса”, *шерсть – шерстистый* “имеющий много шерсти”; *борода – бородатый* “имеющий бороду”, *крыло – крылатый* “имеющий два крыла” и т.д.) [4. С. 43–47].

Касаясь далее вопроса об употреблении перечисленных суффиксов, В.А. Плунгян отметил, что суффикс *-аст(ый)* тяготеет к сочетанию с именами типа *глаз, рука*, суффикс *-ат(ый)* – к сочетанию с именами типа *борода, крыло*, а суффиксы *-ист(ый)* и *-чат(ый)* – к сочетанию с именами, семантика которых не предполагает ни их обязательного наличия у определяемого существительного, ни фиксированного количества (прочие суффиксы маргинальны); в то же

время, по мнению В.А. Плунгяна, “такое семантическое распределение имеет лишь характер тенденции” [4. С. 48].

Рассмотрим подробнее соотношение между прилагательными с суффиксами *-аст(ый)* и *-ат(ый)*, образованными от названий частей тела.

Прилагательные со значением “имеющий выдающийся X”. Суффикс *-аст(ый)*: *зобастый, лобастый, губастый*, (NB!) *зубастый, гривастый* “с большой гривой” [5. С. 130], *головастый, бровастый*, прост. *задастый, мордастый, грудастый, глазастый, щекастый, рукастый, кадыкастый, языкастый* “острый на язык”, *клыкастый* “с большими клыками” [5. С. 247], *горластый*, прост. *мосластый* “с большими мослами”, *скуластый, голенастый*, прост. (NB!) *брюхастый* “с большим животом”. Суффикс *-ат(ый)*: (?) *пузатый, волосатый, носатый*, (NB!) *хвостатый* “с большим хвостом”.

Прилагательные со значением “имеющий X”. Суффикс *-аст(ый)*: *бельмастый, вихрастый*. Суффикс *-ат(ый)*: *горбатый*, (NB!) *зубатый, чубатый, рогатый, бородастый, патлатый, хохлатый, крылатый, косматый, лохматый, пернатый* (с нерегулярным *-н-*), *усатый*, (NB!) *хвостатый* “с хвостом”, (NB!) *брюхатая* “беременная”.

Как видно, речь идет не просто о тенденции – между прилагательными на *-аст(ый)* и прилагательными на *-ат(ый)* наблюдается распределение, очень близкое к дополнительному. Замечательно наличие своего рода “минимальных пар”. Одну из них составляют прилагательные *зубастый* “с большими острыми зубами” и *зубатый* “имеющий зубы” (в составе термина *зубатые киты*). Другую – по крайней мере в некоторых идиолектах – образуют прилагательные *брюхастый* “толстый, с большим животом” и *брюхатая* “беременная” (т.е. “с брюхом”, где “брюхо” понимается в специфическом значении “живот женщины, ожидающей ребенка”), ср. “Матушка была еще мною **брюхата**, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом...” (А.С. Пушкин. “Капитанская дочка”).

Конечно, наш список несколько идеализирует положение дел, поскольку многие приведенные прилагательные в просторечии имеют дублиеты с конкурирующим суффиксом, ср. прост. *рогастый, пузастый, носастый, хвостастый, мордастый, языкастый* и некоторые другие. Однако практически все эти слова заметно менее употребительны, чем их “правильные” корреляты, и, что еще важнее, их употребительность, как кажется, не растет, а падает; таким образом, рассматриваемое распределение постепенно становится более строгим.

Таким образом, бесспорными исключениями выглядят, с одной стороны, *вихрастый* и редкое *бельмастый*, а с другой – *волосатый, носатый* и *хвостатый* “с большим хвостом”. Если для первых двух слов мы не можем предложить никакого удовлетворительного объяснения, то “незаконное” *-ат(ый)* – явное следствие Правила 1: в пределах литературной нормы нет примеров сочетания суффикса *-аст(ый)* с основами на *-с* и *-ст* (как, впрочем, и суффикса *-ат(ый)* с основами на *-Vm*). Что касается слова *пузатый*, то, во-первых, поскольку согласный *з* – парный к *с*, допустимо предполагать, что присоединение суффикса *-аст(ый)* к основам на *-з* возможно (ср. *глазастый*), но затруднено, а во-вторых, не исключено, что в современном русском языке слово *пузо* само имеет значение “большой, толстый живот”, ср. **впалое пузо*. Если это так, то в прилагательном *пузатый* “имеющий пузо (большой живот)” суффикс *-ат(ый)* закономерен.

Суффиксы -н(ый) и -ов(ый). Правила распределения двух основных суффиксов, образующих прилагательные с общерелятивным значением, -н(ый) и -ов(ый), отличаются исключительной сложностью; полной их формулировки, насколько нам известно, к настоящему моменту не предложено. К числу факторов, благоприятствующих использованию суффикса -ов(ый), относятся, в частности, консонантный кластер в исходе основы (ср. *гранитный*, но *гнейсовый*, *битумный*, но *асфальтовый*, *парный*, но *групповой* и т.д.) и принадлежность исходного слова к семантической группе названий деревьев и кустарников (ср. *дубовый*, *еловый*, *кленовый*, *липовый*, *сиреневый*, *яблоневый*, *черемуховый*, *грушевый* и т.д.). Без учета производных, для которых можно предполагать воздействие одного из этих факторов (*халвовый*, *червовый*; *ивовый*, *сливовый*) или даже обоих сразу (*айвовый*, *мальвовый*), случаи присоединения суффикса -ов(ый) к основам на -в ограничиваются в буквальном смысле полтора примерами – *правовой* и узкоспециальным *лавовый*. От основ на все прочие согласные число “невынужденных” производных на -ов(ый) заметно больше; исключение составляет разве что согласный *ф* (*трефовый*, *рифовый*, *туфовый*), достаточно редкий в исходе русских основ и к тому же представляющий собой глухую пару к *в*.

Суффиксы -лив(ый) и -чив(ый). Правила распределения суффиксов -лив(ый) и -чив(ый), значение которых может быть приблизительно описано как “склонный к X”, по своей сложности мало чем уступают правилам распределения суффиксов -н(ый) и -ов(ый). Основное ограничение, касающееся употребления суффикса -чив(ый), состоит в том, что он не может присоединяться к бесприставочным основам. В свою очередь, среди приставочных основ основы с исходом на губные выбирают суффикс -чив(ый) (ср. *влюбчивый*, *неуживчивый*, *переимчивый*, *задумчивый*, *уступчивый* и т.д.). Для всех прочих основ столь же четких закономерностей установить не удается; можно заметить, однако, что суффикс -чив(ый) не присоединяется к основам на -ч – ср. (оставим в стороне сложную проблему палатализации заднеязычных перед суффиксом -лив(ый) и ограничимся примерами на “настоящее” ч) *незадачливый*, *удачливый*, *добычливый*, а суффикс -лив(ый) – к (приставочным) основам на -л, ср. *запальчивый*, *вспыльчивый*. Среди дериватов от бесприставочных основ на -л имеется один пример нарушения Правила 1: *гулять* – *гулливый*; еще в одном случае стечение двух *л* избегается путем введения пустого морфа – так называемого “опорного -ов-” [2. С. 43–44]: *шалить* – *шаловливый*.

Суффикс -ин(ый). Суффикс -ин(ый), образующий прилагательные от существительных, обозначающих представителей животного мира (ср. *ежиный*, *змеиный*, *совиный* и т.д.), не сочетается с основами на -н. Для избежания производных на -н-ин(ый) используются различные модели, ср. *окунь* – *окуневый*, *слон* – *слоновий* и др. Особый интерес представляет прилагательное *кабаний*. Согласно общему правилу, суффикс -ий образует прилагательные только от названий животных, имеющих неподвижное ударение на последнем слоге основы (акцентная парадигма *a*; ср. *корова* – *коровий*, *рысь* – *рысий*, *баран* – *бараний*, *дракон* – *драконий*, *обезьяна* – *обезьяний*), тогда как слово *кабан* имеет в косвенных формах ударение на окончании (акцентная парадигма *b*). Названия животных, относящиеся к акцентной парадигме *b*, нормально принимают именно суффикс -ин(ый), ср. *журавль* – *журавлиный*, *комар* – *комариный*, *клоп* – *клопиный* и т.д., однако в случае со словом *кабан* морфотактическое правило оказывается сильнее акцентного [6].

Наконец, подобное же явление обнаруживается в глагольном словообразовании.

Суффикс -ова(ть). Глагольный суффикс *-ова(ть)* не присоединяется ни к основам на *-Vв*, ни даже к основам на *-VCв*, но только к основам на три и более согласных, последним из которых является *в*: ср. *жертвовать*, *волхвовать*, а также бесчисленные глаголы на *-ствовать* типа *властвовать*, *содействовать*, *диссидентствовать* и т.д. Причиной этого забавного ограничения представляется конкуренция в образовании отыменных глаголов между суффиксами *-ова(ть)* и *-и(ть)*. От имен с основой на *-Vв* и *-VCв* глаголы на *-и(ть)* образуются свободно – ср. *гневить*, *злословить*, *норовить*, *язвить*, *молвить*, *ветвить* и т.д., а от имен с основой на *-CCв* – лишь в единичных случаях (ср. *умертвить*, *отождествить*, *осуществить* и несколько других), поскольку из-за чередования *в ~ вл'* в ряде форм возникают громоздкие кластеры (*умерщвлю*, *отождествлю* и т.п.; формы же типа **диссидентствлю*, как кажется, находятся за пределами произносительных возможностей носителей русского языка).

Все рассмотренные примеры относятся к сфере словообразования. Это неудивительно: синонимия суффиксов в русском языке характерна прежде всего именно для словообразования; тем не менее отдельные примеры интересующего нас типа имеются и в словоизменении. В первую очередь речь идет о двух парах показателей: окончаниях родительного падежа множественного числа существительных *-ов* и *-ей* и суффиксах страдательных причастий прошедшего времени *-енн(ый)* и *-т(ый)*. Посмотрим, обнаруживает ли употребление этих показателей какую-либо связь с **Правилом 1**.

Окончания -ов и -ей. Хорошо известное распределение окончаний *-ов* и *-ей* в зависимости от качества последней согласной основы представляет собой пример морфотактической закономерности, не знающей ни единого исключения. Окончание *-ов* выступает после всех парных твердых согласных, *ц* и *й*, окончание *-ей* – после всех парных мягких согласных и шипящих *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, ср. *дубов*, *дураков*, *крокодилов*, *отцов*, *героев*, но *голубей*, *зрителей*, *ежей*, *камышей*, *ключей*, *товарищей* и т.д.

Природа такого распределения непонятна. Объединение *ц* с твердыми согласными, а *ж* и *ш* – с мягкими в принципе можно было бы объяснить тем, что правила употребления окончаний *-ов* и *-ей* сложились в тот период, когда *ц* уже было твердым, а *ж* и *ш* – еще нет. Однако, по всей вероятности, такого момента в истории древнерусского языка вообще не было: по крайней мере, довольно многочисленные примеры перехода *е* в *'о* перед *ж* и *ш* (ср. *еж*, *молодежь*, *Алеша*) на фоне их полного отсутствия перед *ц* (ср. *молодец*, *хитрец*, *сердец*) свидетельствуют скорее о том, что отверждение *ж* и *ш* **предшествовало** отверждению *ц*.

Еще более удивительной выглядит ситуация с *й*. Н.А. Еськова, подробно исследовавшая вопрос о соотношении между окончаниями *-ов* и *-ей*, а также каждого из них с нулевым окончанием, выдвинула гипотезу о том, что окончание *-ов* выступает после морфонологически твердых, а окончание *-ей* – после морфонологически мягких согласных. Такое решение нельзя не признать несколько экстравагантным; не случайно Н.А. Еськова специально подчеркивает, что *й*, «парадоксальным образом – являясь фонетически “воплощенной мягкостью” (он – мягкость, превращенная в отдельную, самостоятельную артикуляцию!), морфонологически оказывается твердым! Это обнаруживается, в частности, как раз в употреблении после основ на */j/* флексии *-ов*, а не *-ей*» [7. С. 172]. Увы,

оно имеет и более серьезный недостаток: никаких других морфонологических или морфотактических правил, предполагающих подобное разделение согласных, в русском языке, как кажется, нет; сама Н.А. Еськова, несмотря на оговорку “в частности”, таких правил не приводит. А если так, возникает классическая ситуация порочного круга: “морфонологически твердые согласные” – те, после которых употребляется окончание *-ов*, а окончание *-ов* употребляется после морфонологически твердых согласных...

На наш взгляд, столь неожиданное поведение основ с исходом на *-й* вполне убедительно – причем как в синхронном, так и в диахроническом плане – объясняется Правилем 1: окончание *-ей* не присоединяется к основам с исходом на *-й*.

Причастные суффиксы *-енн(ый)* и *-т(ый)*. Структура глагольных словоформ в русском языке принципиально отлична от структуры именных: между основой и флексиями у подавляющего большинства глаголов располагаются особые структурные элементы – **тематические морфемы**, задающие разбиение глаголов на словоизменительные классы, – ср. *-а-* в *играть*, *-е-* в *молодеть*, *-и-* в *красить*, *-ну-* в *прыгнуть*, *-ова-* в *рисковать* и т.д. Различия в спряжении глаголов определяются почти исключительно тем, какие именно тематические элементы и в каких комбинациях представлены в той или иной парадигме (ср. [8]). Правило распределения причастных суффиксов *-енн(ый)* и *-т(ый)* тоже ориентировано в первую очередь на различие глагольных классов: с помощью суффикса *-т(ый)* образуются причастия от глаголов на *-нуть*, а также от закрытого списка атематических глаголов, у которых перед окончанием инфинитива *-ть* стоит гласная (кроме *а*, не чередующейся с *м* или *н*), ср. *гнутой*, *повернутой*, *упомянутой*, *сжатой*, *надетой*, *выпитой*, *бритой*, *молотой*, *дутый*, *мытый*, *взятый*, *мятый*, *запертый*, *тертый* и т.д., но *данный*, *узнанный*. Примеры присоединения суффикса *-енн(ый)* к основам на *-н* исчисляются десятками, ср. *запятнанный*, *затуманенный*, *раненый*, *граненый*, *плененный*, *вспененный*, *исполненный*, *загнанный* и т.д. Тем не менее и здесь обнаруживаются некоторые любопытные факты. Н.А. Еськова обратила внимание на аномалию в спряжении приставочных глаголов на *-пеленать*. Интересующие нас формы этих глаголов выглядят как *запеленатый*, *распеленатый* и т.д. или – с переосмыслением структуры основы – как *запеленутый*, *распеленутый* и т.д. [8. С. 53]. Н.А. Еськова ничего не говорит о причинах возникновения этой нерегулярности, однако ясно, что перед нами – еще один пример действия Правила 1. Это наблюдение позволяет задаться вопросом о том, является ли простой случайностью тот факт, что единственный продуктивный глагольный класс, образующий страдательные причастия прошедшего времени с помощью суффикса *-т(ый)*, является одновременно единственным, где *н* входит в состав тематической морфемы и, соответственно, представлено в предшествующем слоге у **всех** глаголов данного класса.

Механизм функционирования Правила 1 не таит в себе ничего загадочного. Это не что иное, как диссимилиация, однако диссимилиация, реализующаяся не вполне стандартным способом: вместо изменения внешнего вида аффикса (как, например, в латыни, где суффикс относительных прилагательных *-ālis* приобретает вид *-āris* после основ с исходом на *-l*, ср. *autumnus* “осень” – *autumnālis* “осенний”, но *populus* “народ” – *populāris* “народный”) либо происходит его замена на синонимичный аффикс, либо соответствующая форма вообще не образуется. Разумеется, правило такого типа не может быть общеобязательным. Можно указать две основные причины его нарушения. Во-первых, к нему индифферентны аффиксы-“монополисты”, служащие единственным или практи-

чески единственным средством выражения соответствующего значения, ср., например, *-енок* “детеныш X-а” (ср. *оленок, пингвиненок, слоненок* и т.д.; также *цыганенок*), *-ин(а)* “мясо X-а” (ср. *баранина, оленина, конина* и т.д.; также *солонина*), *-ам, -ами* окончания дательного и творительного падежа множественного числа (ср. *думаю, думами, телеграммам, телеграммами, сомам, сомами* и т.д.), *-ах* окончание предложного падежа множественного числа (ср. *о рубашках, черепашках, скоморохах*). Во-вторых, в иерархии морфотактических правил Правило 1 занимает сравнительно низкое место, так что во многих случаях появление противоречащих ему форм обусловлено стремлением соблюсти некую более важную закономерность. Так, прилагательные типа *Ванин, Нинин, Аленин* не заменяются на **Ванев, *Нинев, *Аленев*, потому что притяжательный суффикс *-ов* присоединяется только к существительным II склонения; в таких формах, как *львов, островов, обрывов*, представлено окончание *-ов*, а не *-ей*, потому что в противном случае был бы нарушен незыблемый принцип “окончание *-ей* после мягкого согласного C_1' – окончание *-ов* после парного ему твердого C_1' ”; ср. также примеры выше – *цветастость, мглистость* и т.п. вместо **цветастота, *мглистота*, так как суффикс *-от(а)* практически не присоединяется к производным прилагательным, *гулливый* вместо **гульчивый*, так как суффикс *-чив(ый)* невозможен после бесприставочных основ, и т.д. Формы на *-пеленатый ~ -пеленутый* уникальны именно потому, что их появление представляет собой “прорыв” Правила 1 через такого рода иерархический запрет.

Ряд широко употребительных суффиксов, по-видимому, просто игнорирует существование Правила 1: таковы, в частности, *-н(ый)* (ср. *блинный, конный, лимонный* и т.д.), *-ист(ый)* (ср. *лесистый, голосистый, ворсистый; костистый, шерстистый, кустистый* и т.д.), *-ян(ый)* (ср. *льняной, глиняный, полотняный*), *-тель* (ср. *читатель, мечтатель, святитель* и т.д.) и др.

Такая ситуация достаточно обычна. Морфотактических правил, имеющих безысключительный характер, в русском языке совсем мало; значительно чаще речь идет о закономерностях, охватывающих лишь отдельные группы словоформ, о вполне реальных, но тем не менее допускающих определенное число отклонений тенденциях, об иерархиях, складывающихся на основе сложного, иногда довольно причудливого взаимодействия различных факторов. Правило, предложенное в настоящей работе, как кажется, вполне вписывается в эту картину и служит ее необходимым дополнением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
2. Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
3. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
4. Плунгян В.А. I. Коммуникативная информация и порядок слов. II. Пресуппозиции в словообразовании прилагательных // Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике Института русского языка АН СССР. М., 1983. Вып. 149.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988.
6. Иткин И.Б. Рыбий жир или Соколиный Глаз? (Об одном акцентно-обусловленном распределении в русском словообразовании) // *Studia linguarum*. М., 1997.
7. Еськова Н.А. О морфологических и морфонологических соотношениях между флексиями родительного падежа множественного числа существительных в современном русском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика (К семидесятилетию А.А. Реформатского). М., 1971.
8. Еськова Н.А. К интерпретации некоторых фактов русской глагольной морфологии // Вопросы языкознания. 1989. № 5.

© 2005 г. В. Н. КОВАЛЕВ

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОГО
ПРАВИТЕЛЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ:
“СЛАВЯНСКИЕ” МОТИВЫ В ПРОПАГАНДЕ КОРОЛЯ ЧЕХИИ
ПРШЕМЫСЛА ОТТАКАРА II

Основной целью, которую преследовал во внешней политике чешский король Пршемысл II (1253–1278), было распространение своего влияния в Священной Римской империи, частью которой на протяжении Средневековья являлись Чехия и Моравия. В течение 1251–1270 гг. под его власть перешли юго-восточные земли тогдашнего Немецкого королевства: Нижняя и Верхняя Австрия, Штирия, Каринтия и Крайна, – а сам король на протяжении почти всего своего правления, большая часть которого совпала по времени с периодом немецкого “великого междуцарствия” (1254–1273), считался наиболее могущественным из имперских князей и рассматривался как вполне реальный претендент на немецкую корону.

Тот факт, что Пршемысл II был славянином и стоял во главе славянского государства, мало кого в Германии смущал¹. В середине XIII в. правитель Чехии считался таким же имперский князем, как и природные немецкие князья, несмотря на то, что еще незадолго до этого, в 1220-х годах, знаменитый правовед Эйке из Репкова, выступая против чешского участия в избрании немецкого короля, аргументировал это тем, что король Богемии не является немцем [2. Ст. 57. § 2]. К тому же сам Пршемысл II был наполовину немцем, приходясь по матери Кунегунде родным племянником немецкому королю из династии Штауфенов Филиппу Швабскому [3. Т. II. Р. 283] и двоюродным братом императору Фридриху II. Его крестным отцом был, вероятно, саксонский герцог Альбрехт (см.: [4. S. 784–785]). Вполне естественно для немецкого уха звучало и имя чешского короля, который помимо славянского (Пршемысл),

Ковалев Валерий Николаевич канд. ист. наук.

¹ Впрочем, позднее во враждебных ему немецких источниках промелькнет и этот упрек. Так, автор из Тюрингии, Зайфрид из Бальнхаузена, вложит в уста папы Григория X выразительную антиславянскую сентенцию: когда к нему в Лион прибыли послы Оттакара, Григорий отказался принять от них дары чешского короля, надеявшегося на получение императорской короны, и якобы сказал сидевшим вокруг него: “Коль скоро мы имеем в Алемании многих князей и графов, зачем нам возводить в императорское достоинство славянина (Sclavum)?” [1. Т. XXV. Р. 707]. Маловероятно, однако, чтобы римский первосвященник позволил подобный публичный выпад против христианского правителя, с которым в ту пору не враждовал, тем более что среднелатинское “Sclavus” означало не только славянина, но и раба.

носил, подобно своему деду Пршемыслу I, и германское – Оттакар². Именно это второе имя последовательно использовалось в памятниках немецкого происхождения³. Сильной германизации в правление Оттакара II – и даже в более ранний период – подвергся чешский двор. В Праге звучали песни миннезингеров, на верхненемецком языке прославлявших чешского короля, здесь воспитывались сыновья дружественных немецких владетелей. В жизнь придворных вошли рыцарские обычаи и развлечения (турниры). Именно с Пршемыслом Оттакаром II связывал эти новшества один из авторов создававшейся в конце XIII – первой половине XIV в. Збраславской хроники, по словам которого, этот король смягчил обычаи чешского народа, прежде имевшего “зверские нравы” (*bestiales mores*) [3. Т. IV. Р. 9]⁴.

Процессы сближения с Германией развивались в ту эпоху не только на уровне двора, затронуты были и широкие круги чешской знати. Немцами были многие представители чешского клира. На народном уровне значительную роль играли шедшая с конца XII в. немецкая колонизация и распространение так называемого немецкого права. При этом, несмотря на значительный наплыв иностранцев, до 1280-х годов серьезных этнических столкновений в Чехии не наблюдалось. Более того, по мере вовлечения Чешских земель в сферу влияния Священной Римской империи утрачивали былую остроту старинные чешско-немецкие противоречия. Уже в середине и во второй половине XII в. чешские анналисты не воспринимали чешско-имперские конфликты прошлого как проявление чешско-германского антагонизма [6. С. 184]. В Чехии довольно мирно уживались славяне, немцы и во все большем количестве прибывавшие туда евреи. Вследствие прогрессирующей германизации двора и знати в римской курии порою даже думали (например, при Александре IV, 1254–1261), что в Чехии говорят по-немецки⁵.

В связи с вышесказанным особый интерес приобретает вопрос о том, насколько сильным было славянское самосознание чешского правителя и его приближенных (и имелось ли оно у них вообще). На наличие хотя бы его зачаточных форм указывают некоторые источники XIII в. Наиболее ярким из них является знаменитое воззвание, якобы обращенное Пршемыслом Оттакаром II к польским князьям. Этот загадочный документ продолжает вызывать немало разногласий среди специалистов по истории средневековой Чехии. Глав-

² В источниках оно выступает в различных формах: Оттакар, Оттокар, Отакар, Отахар, Отахер и даже Одоакр.

³ Чешские авторы, напротив, отдают безусловное предпочтение первому имени. Тенденция использования двойного имени Пршемысла Оттакара I прослежена в: [5. S. 419–425]. Имя Оттакар, скорее всего, было принесено в Чехию матерью Пршемысла Оттакара I. Оно было весьма распространено в Штирии, где его носили многие правители, а также известный хронист Отакар Штирийский (*Otacher ouz der Geul*). Другим примером чешского правителя с двойным именем может служить князь Конрад Ота (то есть Отто, Оттон), оба имени которого были немецкими.

⁴ В частности “приказал своим баронам упражнять сыновей в воинских ристаниях”. Более достоверна, однако, информация ранних “*Annalles regis Wenceslai*”, согласно которым турниры (*Iudi tornamentorum*) были введены Вацлавом I [3. Т. II. Р. 303]. Что же касается упоминания о “зверских нравах” чехов, то не следует упускать из виду, что оба автора хроники, и аббат Отто и аббат Петр, были немцами, а то, что нынешнему исследователю видится процессом германизации, было для них скорее процессом цивилизации.

⁵ “...in Alania, Voemia et aliis locis, ad quae lingua teutonica se extendit...” [7. № 412]. Косвенные факты, однако, позволяют прийти к заключению, что в римской курии о существовании чешского языка все же было известно (см.: [6. С. 185]).

ной причиной споров являются резкие противоречия между антинемецким содержанием этого памятника и основными тенденциями политики Оттакара II. Ввиду исключительной сложности данной проблемы представляется целесообразным предварительно ее рассмотрение кратким обзором других обращений к “славянской” тематике в источниках чешского происхождения, связанных с Оттакаром и его окружением. Этот обзор представляется более чем уместным, поскольку может помочь яснее представить главное – ту атмосферу, в которой появилось знаменитое воззвание, а также характерные черты сознания и побудительные мотивы людей, которые могли быть причастны к его появлению.

Следует отметить, что в чешской анналистике эпохи Оттакара II зарубежные славяне появляются нечасто. Исключение составляют, пожалуй, поляки. Однако никакого значения их “славянству” чешские авторы не придают. Показательно, что некоторые славянские этносы, с представителями которых несомненно сталкивался Оттакар, совсем не привлекли внимание чешских анналистов. В 1270 г. под власть Оттакара перешли Каринтия, где славяне составляли значительную часть населения, и Крайна, по преимуществу населенная славянами, – однако составлявшие чешскую летопись пражские каноники не проявили к этому факту совершенно никакого интереса. Не вызвал их любопытства и славянский обряд интронизации каринтийского герцога, через который несомненно прошел Оттакар (он должен был воссесть в славянской одежде на знаменитый каменный престол на Господетском поле в окрестностях Клагенфурта и произнести несколько славянских слов). Сходная ситуация наблюдается и в отношении словаков, населявших тогдашнюю Северную Венгрию, куда нередко вторгался Оттакар: все, жившие в то время на этой территории, выступают в анналах и хрониках XIII ст. исключительно в соответствии со своей государственной принадлежностью, то есть как “венгры”. Тем больший интерес представляют те немногие случаи, когда названия отдельных славянских народов и сам термин “славяне” все же попадают на страницы чешских исторических памятников.

Один из этих памятников связан с чешско-венгерским конфликтом 1260 г. Венгрия, представлявшая собой огромную полиэтничную монархию, являлась серьезным препятствием на пути реализации амбициозных планов Оттакара⁶. По существу имело место столкновение двух экспансионистских держав, и от исхода их борьбы во многом зависела политическая карта центрально-европейского региона. Объектом наступательной политики правителей Венгерского королевства, помимо альпийских земель, становились и территории, лежащие на востоке и юге от Венгрии, однако наиболее напряженной в те годы была борьба на западе. Не менее важен был “венгерский театр военных действий” и для их чешского противника, и самой громкой победой Оттакара II стала та, которую он одержал над мадьярами под Крессенбрунном в 1260 г.

Обстоятельства этого сражения имеют немалое значение для понимания интересующего нас документа. На поле под Крессенбрунном Оттакару противостояли силы коалиции, возглавленной сыном Белы IV Иштваном. На стороне Оттакара, кроме его чешско-моравских и австрийских подданных, сражались родственники чешского короля – бранденбургский маркграф Отто III,

⁶ Достаточно сказать, что ему довелось сражаться против трех венгерских правителей: Белы IV (в 1252–1254 и 1259–1260), Иштвана V (в 1270 и 1271) и Ласло Куна (в 1272–1273 и 1278).

бывший архиепископ Зальцбургский Филипп Шпангеймский со своим братом герцогом Каринитии Ульрихом, польские князья Генрих Вроцлавский и Владислав Опольский [З. Т. II. Р. 313–314].

Сражение произошло 12 июля у селения Крессенбрунн на Моравском поле⁷, в двух милях от Хаймбурга. Два войска были разделены рекой Моравой. Стороны несколько раз приступали к переговорам о мире, которые, однако, ни к чему не привели и, скорее всего, являлись для военачальников лишь способом оттянуть время, чтобы дожидаться прихода подкреплений. Основным источником, повествующим о ходе битвы, является послание самого Пршемысла римскому папе, которое вставил в свое повествование автор соответствующей части так называемых “Оттакаровых анналов”. Подобные адресованные римскому первосвященнику сообщения о битве между христианскими правителями нередко носили объяснительный и оправдательный характер. Данная тенденция отчетливо выступает и в письме Оттакара, который в первую очередь стремится подчеркнуть нехристианский или “не вполне” христианский состав разгромленного им войска (аналогичное стремление характеризует и чешских анналистов: автор Оттакаровых анналов несколько раз противопоставляет венграм и куманам “христианское войско” чешского короля, о “гибели многих тысяч венгров и прочих сарацин” сообщается в основном тексте Пражских анналов [З. Т. II. Р. 310–315, 297]. Перечисляя своих противников, Оттакар писал папе, что он сражался “против Стефана и Даниеля, короля Руси, и его сыновей и других рутенов и татар, которые пришли ему на помощь, и князя Болеслава Краковского и молодого Лешка Ленчицкого, и бесчисленного множества бесчеловечных людей (*inhumanorum hominum*) – куманов и венгров и различных славян, сиколов и валахов, бесерменов и исмаилитов, а также схизматиков, а именно греческих, болгарских, рашских⁸ и боснийских еретиков” [З. Т. II. Р. 315–316]. Сразу бросается в глаза, что три католических правителя буквально теряются среди множества язычников и “схизматиков”, многих из которых вообще не было под Крессенбрунном (например, татар), а роль других не могла быть велика⁹. Дальнейшее изложение Оттакара пестрит пейоративными эпитетами, прилагаемыми к венграм: они жестокосердны, как фараон, – и потому не хотят мира, они привычны ко лжи – и потому нарушили перемирие.

Упомянутое чешским королем перемирие было заключено по инициативе самого Пршемысла, предложившего, чтобы одна из сторон позволила другой

⁷ Моравским полем (*Marchfeld*) называлась вытянувшаяся на несколько десятков километров долина по правому берегу реки Моравы (нем. *March*) при впадении ее в Дунай. В силу своего приграничного положения оно неоднократно становилось местом сражений (в частности при Сухих Крутах в 1278 г.).

⁸ По-видимому, слово “*Ruscensium*” следует понимать как указание на сербов из Рашки (об этом в частности говорит тот перечень народов, в который они оказались включены). Именно так поняли это место чешские издатели памятника [З. Т. II. Р. 316]. Следует отметить, что в средневековых латинских и немецких памятниках подобная путаница (отчасти, вероятно, по вине переписчиков) возникала довольно часто [8. S. 3–15].

⁹ Даниил Галицкий прибыл к Беле IV в 1259 г., во время нашествия на Галицко-Волынскую Русь и Малую Польшу татар Бурундая (1259/1260); его брат Василько и сын Роман были вынуждены принять участие в татарском походе в Польшу. Будучи скорее гостем венгерского короля, Даниил вряд ли мог располагать серьезными военными силами. То же можно сказать и о краковском князе, владения которого только что подверглись нападению татар (см.: [10. С. 307–315]).

переправиться на противоположный берег. Венгры согласились, и Оттакар, отойдя от реки, освободил им место для переправы, полагая, как он утверждал в своем письме папе, что венгры будут переправляться целый день. Однако события пошли по другому сценарию. Если верить Оттакару, венгры быстро перешли реку по заранее разведанным бродам и неожиданно окружили полукругом его войско (с королем якобы находилась едва десятая часть его бойцов, оставленная им для охраны “*personae nostrae*”, тогда как прочие, полагаясь на перемирие, ушли в Хаймбург и иные места). Оттакару ничего не оставалось делать, кроме как стремительно атаковать противника, всецело полагаясь при этом на помощь свыше (“ибо победа зависит не от многочисленности войска, а приходит с неба”). Бог обратил врагов в бегство, и те, затаптывая друг друга, бросились к Мораве, ставшей для них (“согласно этимологии своего имени”: *Marcha – mare*) Красным морем. Количество погибших в реке “грешников” было так велико, что некоторые из людей Оттакара переправились через нее по трупам людей и коней и ворвались во вражеский лагерь, где захватили богатую добычу [З. Т. II. Р. 315–317].

Легко убедиться, что Оттакар пытается обвинить в нарушение перемирия Иштвана. При этом он не отрицает, что первым начал сражение, настаивая, однако, на вынужденности этого шага. Письмо носит откровенно пропагандистский характер, причем чувствуется, что Оттакар старается в чем-то убедить или даже переубедить своего корреспондента. Упоминания о представителях тогдашних славянских народов носят подчеркнуто негативный характер, при этом дважды называются Русь и русские (рутены). Однако они не включены в число “схизматиков” – в отличие от представителей балканских народов: “греческих, болгарских, рашских и боснийских еретиков”. Можно предположить, что Оттакар, используя термины “схизматики” и “еретики”, мог иметь в виду не столько вероисповедные различия между западной и восточной церковью, сколько приверженность части населения Балканского полуострова к богомильскому и другим подобным учениям (во всяком случае, жители Боснии в то время практически однозначно ассоциировались с еретиками, а слово “болгарин” стало в Западной Европе одним из обозначений еретика – богомила или катара). В документе также использован довольно редкий для памятников Оттакаровой эпохи термин “славяне”, причем те, кто им обозначен, оказались отнесены к категории “бесчеловечных людей” (наряду с венграми, сикулами, валахами, бесерменами и исмаилитами). Однако вряд ли это может свидетельствовать о какой-либо враждебности чешского короля к славянству в целом. Если судить по данному тексту, под именем славян скрываются славянские подданные Венгрии (словаки или хорваты), поскольку русские, а также болгарские, рашские и боснийские “еретики” перечислены в другой категории. Более того, польские союзники венгерского короля не только не отнесены к славянам, но даже и не названы своим собственным этнонимом – что вполне логично, поскольку польскими отрядами располагал в сражении и сам Оттакар.

Чем же руководствовался чешский король, сочиняя подобное послание римскому понтифику? Косвенный ответ на этот вопрос могут, по нашему мнению, дать известия – впрочем, довольно скудные – других источников об этой знаменитой битве. Герман Альтайхский сообщает о ранении Иштвана [1. Т. XVII Р. 401], венский доминиканец ограничивается сообщением о больших потерях венгров, рутенов и куманов [1. Т. IX. Р. 728], а зальцбургский анналист извещает о том, что Оттакар “со славой победил и обратил венгров в бегство” [1. Т. IX.

Р. 795]. Констатацией победы Оттакара и венгерских потерь ограничились также авторы из Цветтля, Ламбаха и Мелька [1. Т. IX. Р. 655, 560, 509]. Версии, в чем-то похожей на победную реляцию короля, придерживается лишь близкий чешскому королю анналист из Хайлигенкройца: войско короля Венгрии перешло реку, “когда был мир” [1. Т. IX. Р. 644]. Настораживает почти полное молчание Генриха Хаймбургского. Всегда сочувствовавший Оттакару, живший поблизости от поля битвы и потому, возможно, лучше всех осведомленный, он ограничился лишь несколькими словами: “Король Оттакар имел битву с королем Белой и победил” [3. Т. II. Р. 313]. В свете вышеизложенного обстоятельства победы Оттакара вызывают некоторые сомнения. Складывается впечатление, что он не удержался и атаковал переходящих Мораву венгров прямо на переправе, а значит был обязан своей самой громкой победой собственному вероломству¹⁰. Вследствие этого ему необходимо было упредить возможную жалобу Белы, представив его воинство как сборище “варваров” и “схизматиков”. Оттакар был осведомлен об отношении в римской курии к различным славянским и неславянским народам и не будучи отягощенным какими-либо “славянскими” сантиментами использовал любую возможность для очернения своего противника, не остановившись и перед употреблением слова “*Scłavi*”, имевшего в Средние века не только этнический, но и социально-пренебрежительный смысл. Однако такого рода заявление было для Оттакара не более чем политическим ходом. Некоторое время спустя он с готовностью заключил мир с венграми, а внучка короля Белы и “рутена” Михаила Черниговского Кунегунда Ростиславовна стала его второй женой.

Другим известным нам обращением Оттакара к тематике “схизмы”, которая имеет непосредственное отношение к восточным славянам, является письмо королевского приближенного, епископа Оломоуцкого Бруно Шауэнбургского от 16 декабря 1273 г., в котором тот убеждал папу Григория X в том, что вся тяжесть борьбы с язычниками и схизмой лежит на чешском короле [13]. Показательны мотивы написания письма – Пршемысл и Бруно искали поддержки римского первосвященника в борьбе за римский трон. Папа, однако, поддержал избранного в октябре того же года Рудольфа Габсбургского. Аргументация оломоуцкого епископа вряд ли показалась ему убедительной¹¹. Для нас существенным является то, что Оттакар вновь обращается к данной теме в критических для себя обстоятельствах. Впрочем, на некоторых современников Пршемысла данный тезис все же мог производить впечатление. В написанной уже после гибели чешского короля кантилене немецкого автора Оттакар воспевается как герой, который “был в свои дни щитом для всего христианства” и, сочувствуя христианам, защищал их от “куманов и язычников (*gegen ... den falwen und den heiden*)” [1. Т. XVII. Р. 251–252]. Любопытно также, что в чешской поэме “Алексреида” (конец XIII – начало XIV в.) прово-

¹⁰ Подобной точки зрения придерживается Й. Урбан [10. S. 27], в соответствии с версией Оттакара представил ход битвы П. Ключина [11. S. 170; 12. S. 315–326].

¹¹ Оттакар действительно совершил два крестовых похода против пруссов, но лишь первый из них принес некоторые плоды (завоевана область Самбия, где рыцари Тевтонского ордена основали замок, названный в честь короля Чехии Кёнигсбергом). Второй поход оказался безрезультатным. О какой-либо борьбе Оттакара со “схизматической” Русью вообще говорить не приходится. Наиболее существенным был вклад Оттакара в борьбу с находившимися на службе у Венгрии половцами (куманами), неоднократно разорявшими его собственные земли в Австрии, Штирии и Моравии.

дилась параллель между деяниями Александра Великого и подвигами неназванного по имени чешского короля, сопровождавшаяся перечислением народов, с которыми сталкивался (или мог столкнуться) в бою Оттакар: "...leč bud' Litva, leč Tateři (...), / Vesermene nebo Prusi, / leč nepotvrzeni Rusi..." [14. S. 117–118]¹².

В этом фрагменте обращает на себя внимание включение Руси в перечень нехристианских народов. Трудно сказать, насколько верил в это сам Оттакар, приходившийся зятем одному из русских князей, однако свой вклад в такого рода представления он, судя по всему, внес.

На этом фоне знаменитое "воззвание к полякам" ("манифест") выглядит тем более неожиданным. Поскольку его содержание напрямую связано с событиями 1278 года, последнего в жизни чешского короля, трагически погибшего в новой битве на Моравском поле, следует остановиться на предыстории этой войны. За два года до нее Оттакар II, вступивший в вооруженный конфликт с новым немецким королем Рудольфом Габсбургским, потерял все свои владения в восточноальпийской области, чему немало способствовало восстание местного рыцарства, большая часть которого перешла на сторону немецкого короля (1276). Готовясь к новому столкновению с Рудольфом Габсбургом, Оттакар искал союзников в Польше и некоторых немецких княжествах. Еще в конце 1277 г. было заключено соглашение о военном союзе с маркграфами Бранденбургскими Иоганном II и Отто IV. Не менее активной была дипломатия Оттакара II в Польше. Помимо "манифеста" к полякам, речь о котором пойдет далее, следует отметить сообщения различных источников о съезде Пршемысла с польскими князьями, который по предположению Б. Влодарского, состоялся во время пребывания Пршемысла в Моравии в конце 1277 – начале 1278 г. [16. S. 80]. В анналах из Клостернойбурга говорится, что он и "князья всей Польши", собравшись где-то на границе, заключили договор о взаимной помощи [1. Т. IX. P. 745]. Польские источники называют имя одного из этих князей, сообщая, что "краковский князь Болеслав съехался с Примиславом, королем Чехии в Опаве, и они скрепили вечную дружбу" [17. Т. II. P. 841–842; Т. III. P. 175]. Данная запись сделана под 1273 г., однако, Б. Влодарский относил это событие к 1277 г. и считал, что помимо краковского князя, в съезде приняли участие князь Силезии, а предметом обсуждения было оказание помощи Оттакару в грядущем столкновении с Рудольфом. Трудно сказать, с какими другими польскими князьями, помимо Болеслава Краковского, Пршемысл мог встречаться на съезде, упомянутом в Клостернойбургских анналах. Во всяком случае, ни один из них не находился на Моравском поле 26 августа 1278 г., хотя сам факт участия в битве польских войск подтверждается многими источниками.

"Манифест" к полякам занимает особое место в истории дипломатии Оттакара и является, пожалуй, самым загадочным памятником Оттакаровой эпохи. Его содержание сводится к следующему: Оттакар обращается к полякам (причем не только к князьям, но ко всей польской "нации": князьям, баронам, рыцарям и ко всему народу) и, подчеркивая родство поляков и чехов, их соседство, узы крови и близость языка, призывает оказать ему поддержку в предстоящей борьбе с римским королем, ибо "огромная численность" и "ненасытность" немцев угрожают всем полякам. Призыв носит вполне конкретный характер: Оттакар рассчитывает на то, что в назначенный день поляки соберутся в условлен-

¹² Роль Оттакара II в формировании негативного стереотипа Руси в западнохристианском мире подчеркивает Б.Н. Флоря [15. С. 43].

ном месте, где их встретят почетные послы, которые приведут польское войско к чешскому королю [7. № 1106; 18. Отд. 2. С. 84–87; 19. S. 11–13]. Вопрос о том, могло ли подобное обращение, в котором столь явственно слышен “славянский” мотив, выйти из канцелярии Оттакара, давно является предметом серьезных разногласий среди исследователей. Я. Новак, характеризуя так называемый “Кодекс писем Пршемысла Оттакара II”, в состав которого входит “манифест”, заметил: “Некорректным использованием этого сборника в историю величайшего из Пршемысловцев был внесен целый ряд противоречий, и психологическое понимание его личности сделалось почти невозможным” [20. S. 46].

“Манифест” сохранился в формуляре (сборнике образцов грамот и писем), составленном королевским нотарием Генрихом Итальянцем. В подобные сборники могли входить как подлинные, так и вымышленные составителем документы, вследствие чего перед исследователем каждый раз возникает вопрос об аутентичности документа. О. Редлих настаивал на подлинности всех приписываемых Оттакару писем из формуляров [20. S. 47]. Свое мнение он обосновывал отождествлением составителя формулярия Генриха из Изернии с королевским нотарием Генрихом. С последним утверждением О. Редлиха не был согласен Я. Новак, критическое отношение которого к формуляру было основано, помимо прочего, и на отрицании тождественности составителя сборника и королевского нотариуса [20. S. 47]. Русский историк А. Петров, признавая выводы Новака в целом верными, настаивал в то же время на том, что оба Генриха были одним лицом [18. Отд. 1. С. 23–24]. В настоящее время данная точка зрения утвердилась, и тождественность Генриха из Изернии и Генриха Итальянца считается доказанной.

Для сомнений в аутентичности памятника имеются и другие, не менее веские, основания. Тем не менее, далеко не все историки отказывались признать за “манифестом” характер официального документа [21. S. 394; 22. S. 37; 23. S. 44]. Из официального характера “манифеста” исходил Р. Хек, считавший, что Пршемысл Оттакар II “в последний момент своей борьбы с Рудольфом Габсбургским – несмотря на предшествующую политику стремления к императорской короне и поддержки немецкой колонизации в Чехии – возвратился к славянским и антинемецким лозунгам, стремясь таким образом привлечь к борьбе не только поляков, но и чешское рыцарство...” [24. S. 70]. Данная точка зрения польского историка представляется малоубедительной. Вызывает сомнения и попытка привлечь им для обоснования своей гипотезы о “славянском и антинемецком повороте” в политике Оттакара не имеющие подтверждения в других источниках известия Кольмарской хроники о якобы имевшем место изгнании Оттакаром немецкого населения и взятии им в качестве заложников, гарантирующих верность чешских городов, мещанских сыновей (как полагал Р.Хек, из семей немецкого патрициата) [1. Т. XVIII. Р. 245].

Однако из отрицания аутентичности воззвания Пршемысла вовсе не следует, что сочинение Генриха Итальянца, даже если оно и было лишь “стилистическим упражнением”, не имеет никакой ценности для изучения политики пражского двора в 1278 г. А. Петров справедливо отмечал, что “Генрих, как современник событий в 1271–1278 годах, как человек образованный, как лицо до некоторой степени прикосновенное к королевской канцелярии, мог быть ознакомлен и с совершившимися фактами и, может быть, с некоторыми закулисными нитями политики” [17. Отд. 1. С. 63]. Сам А. Петров, правда, реши-

тельно выступал против точки зрения на “манифест” как на отражение реальных изменений в политике Оттакара. “Яркий панславизм” возвания, по его мнению, полностью противоречил всей политике Пршемысла, который в 1278 г. искал союзников также и в немецких землях. Не вызывающим сомнения А. Петров считал лишь то, что среди чешской шляхты в ту пору существовало глухое недовольство немцами, которое, однако, не достигло степени “отчетливого сознания общности интересов чехов и поляков как родственных славянских племен, которым угрожала ненасытная пасть немцев”. Законченную форму это чувство, указывал А. Петров, приняло именно у Генриха Итальянца, для которого как выходца из более развитой страны было более заметно сходство, а не различие “двух близких славянских племен” [17. Отд. 1. С. 64–65].

Несколько иной была позиция Й. Шусты, считавшего, что, хотя и нет уверенности в том, что такое послание было действительно написано и отправлено, в нем, тем не менее, отразились настроения чешской интеллектуальной элиты, близкой к королевскому двору [25. S. 297–298]. Это мнение разделяется многими историками, считающими, что возвание к полякам все же выражало новую тенденцию чешской политики (Г. Булин и Микулка) [26. S. 24–29] или, по крайней мере, настроения определенных кругов чешского общества (Б.Н. Флоря) [6. С. 192].

Мысль Й. Шусты развил Б. Влодарский, оспоривший утверждения А. Петрова о выражении Генрихом Итальянцем своих оформившихся в Италии взглядов через противопоставление немцев и славян. Антинемецкие настроения, указал польский историк, были присущи гвельфам, тогда как Генрих, согласно А. Петрову, был гибеллином, в силу чего подобные воззрения не могли быть его собственными. Одновременно Б. Влодарский отметил, что еще до 1272 г. появилось известное письмо магистра Богуслава, который выразил мнение о немецкой опасности от лица королевы Кунгуты (речь шла о дискриминации немцами поляков и чехов в монастырях) [7. № 2504, 2505]. Заслуга же Генриха Итальянца, по мнению Б. Влодарского, состояла в том, что он впервые ясно сформулировал то, что его чешские современники только чувствовали [16. 84–85].

Интересный поворот сюжета обозначился в исследованиях С. Душковой, поставившей под сомнение этническую принадлежность Генриха и предположившей, что по происхождению он мог быть чехом, который некоторое время провел в Италии, прежде чем в 1271 г. стать нотарием чешского короля [27. S. 369]. Если это так, то Генрих вполне мог выражать свои собственные мысли и чувства, оформившиеся, однако, под влиянием итальянской политической культуры. Эти настроения, носителем которых является чех, бесспорно должны были совпадать с настроениями хотя бы части его соотечественников.

В историографии предпринимались и другие попытки оценить значение “манифеста” в политике Пршемысла Оттакара II. М. Поспех, проведя детальный анализ отношений Оттакара с польскими князьями, пришла к справедливому, на наш взгляд, заключению о практической бесполезности возвания к последним: “славянские” лозунги не только находились в противоречии с политикой самого Оттакара, но были также совершенно далеки от польских князей, которым в то время нередко было чуждо даже осознание единства польских земель. Для привлечения тех, кто мог прийти на помощь Оттакару, “славянских” лозунгов не требовалось, в то время как антинемецкая направленность “манифеста” могла оттолкнуть его потенциальных союзников в Германии. “Манифест” мог выражать лишь настроения определенных кругов,

приближенных к пражскому двору, но не имевших никакого влияния на его политику [28. S. 537–549 (особ.: 548–549)]. Наблюдения, близкие к выводам М. Поспех, сделал в прошлом веке К. Грюнхаген, находивший совершенно невероятным обращение в подобном духе к силезским князьям, во главе которых стоял Генрих IV, занимавший почетное место среди немецких миннезингеров: “Стремление призвать такого князя в качестве борца за славянскую народность в расовой борьбе было бы смешным” [29. S. 238].

Весьма интересным является тезис Ф. Грауса, связывавшего возникновение “манифеста” с широким кругом лиц из окружения королевы Кунгуты [30. S. 140; 31. S. 131]. Большая роль королевы в событиях 1278 г. не подлежит сомнению и, если последовать за Ф. Граусом, придется признать, что “манифест” появился в кругах, которые, вопреки мнению М. Поспех, имели самое непосредственное отношение к принятию важных государственных решений. В то же время нельзя не отметить, что выдержанное в подобном тоне воззвание если и не было совершенно бесполезным (поскольку зародыши этнического сознания и элементы славяно-германского антагонизма в XIII в. действительно существовали, оно могло произвести некоторое впечатление на отдельных представителей польского господствующего класса), однако вред от него мог быть гораздо большим. Даже если предположить, что часть поляков пришла бы на Моравское поле, руководствуясь мотивами славянской (точнее западнославянской) солидарности, невозможно представить, как бы они сражались плечом к плечу с рыцарями из Бранденбурга, Саксонии и Мейсена, то есть именно тех немецких земель, откуда должна была исходить угроза для Польши. Поэтому, если допустить, что документ на самом деле родился в окружении Кунгуты и появился до битвы у Сухих Крут, этот факт следует рассматривать как еще одно проявление беспорядочной и не всегда продуманной политики чешского двора в указанный период, смены настроений и разногласий среди тех, кто оказывал влияние на принятие решений. Можно предположить, что перед нами своего рода подготовительный материал, так и не ставший официальным документом. Его основные тезисы едва ли могли быть приняты королем, хотя не исключено, что в начале 1277 г., под воздействием поражения, нанесенного ему объединенными силами немецких князей, и потери немецких подданных, он также мог поддаваться сходным настроениям, чем и поспешили воспользоваться авторы “манифеста”.

Об отсутствии у Кунгуты симпатий к немцам известно и из других источников, в частности из уже упоминавшегося письма о немецком засилье в монастырях, составленного от ее имени магистром Богуславом. Если и это послание не аутентично, показателен сам факт, что инициатива создания подобного документа приписана второй жене чешского короля. Ни русско-венгерское происхождение Кунгуты, ни ее воспитание не делали чешскую королеву настолько близкой к немцам, насколько близок им был ее супруг. Возможно, она рассматривала отношения с ними через призму противоречий, существовавших между различными группировками венгерского двора, и вполне могла усвоить настроения той части венгерской знати, которая была недовольна проникновением немцев в страну. Антинемецкие выступления в Венгрии бывали довольно бурными, достаточно вспомнить убийство королевы Гертруды (немки по происхождению) в сентябре 1213 г. (см.: [32. С. 139]) или изгнание королем Эндре II рыцарей Тевтонского ордена из Трансильвании (1225) [32. С. 146]. При этом влияние немцев на венгерский королевский двор оставалось значительным и вызывало сильное раздражение у части венгерской правящей элиты, поэтому неудивительно,

что попав в Чехию, где, распространялись подобные настроения, молодая королева с легкостью могла им поддаться и возглавить формирующуюся антинемецкую партию. В связи с этим стоит вспомнить описанное в Оттакаровых анналах под 1273 г. выступление коморника Ондржея, прозвучавшее якобы в связи с прибытием к Оттакару кельнского архиепископа, предложившего правителю Чехии немецкую королевскую корону. Ондржей не советовал королю добиваться власти над другими народами, языки которых ему неизвестны. Хотя королевский казначей и не произносил этой речи при подобных обстоятельствах, он, возможно, действительно выражал сходные воззрения. Особенно активно Ондржей проявил себя в 1270-х годах, то есть тогда, когда существенно возросло политическое влияние Кунгуты [33. S. 105], что еще раз может свидетельствовать об определенных “славянских” симпатиях русской жены чешского короля.

Следует отметить еще одно обстоятельство. “Манифест” целиком проникнут идеей обороны славянства перед лицом немецкой угрозы. Если принять, что он был призван побудить польских князей оказать Оттакару поддержку в отвоевании альпийских земель, населенных в основном немцами, возникает вопиющее противоречие. Оно снимается, однако, если допустить, что идея “манифеста” появилась в первые месяцы после заключения Венского мира 1276 г., когда шансы на возвращение утраченного были ничтожными, а угроза целостности Чешского королевства представлялась вполне реальной. При таких обстоятельствах антинемецкие настроения части королевского окружения могли найти свое отражение в писаниях нотариуса Генриха.

Предположение о создании “манифеста” именно в этот период подтверждается тем, что после сентября 1277 г. Генрих исчез из королевской канцелярии. Некоторое время он совсем не появлялся на политическом горизонте. Поэтому, если автором воззвания был действительно он, и создано оно было до, а не после гибели Оттакара, то, скорее всего, “Манифест” был написан в первой половине 1277 г.

К сожалению, недостаток фактического материала делает все предположения об авторстве “манифеста”, целях, с которыми он составлялся, и взаимоотношениях людей, возможно участвовавших в его создании, неизбежно предположительными. Остается заключить, что воззвание, сочиненное Генрихом (?), не имело серьезного значения для внешней политики Чешского королевства, но при этом оно, возможно, проливает некоторый свет на политические игры чешского двора. В любом случае оно является интереснейшим памятником этнического сознания чешского народа, свидетельствующим о переломном моменте в его формировании и формах, в которые оно выливалось.

Если к появлению этого документа действительно имел какое-то отношение чешский король, то этот памятник, поставленный в контекст других связанных со славянской тематикой источников, свидетельствует по меньшей мере о том, что:

1. Пршемысл Оттакар II обладал зачатками славянского сознания – в том смысле, что осознавал принадлежность чехов, к которым относил себя сам, к некой более крупной этноязыковой группе, в которую, помимо чехов и моравян, входили также поляки. Речь шла в первую очередь о чувстве языковой общности, неизбежно обострявшемся в условиях постоянных контактов с Германией (упоминание о близости языка). Свое значение могла иметь и легендар-

ная генеалогия (возможно, предание об общих предках чехов и поляков), благодаря знакомству с которой и появилось упоминание об узах крови.

2. “Славянское” сознание Оттакара ни в коей мере не напоминало славянский национализм Нового времени. Оттакару, как и большинству его современников, были глубоко чужды идеи какой бы то ни было солидарности, не основанной на династических связях или взаимных политических интересах. Использование им или его окружением “славянской” (или “антиславянской”) риторики представляло собой исключение (на что указывает редкость соответствующих заявлений) и всегда было обусловлено причинами вполне прагматического характера. В этом отношении он весьма далек не только от людей Нового времени, но и от чешских “националистов” XV в. и даже от Карла IV Люксембурга, с подчеркнутым вниманием относившегося к славянским корням чехов и славянскому богослужению.

“Славянское” сознание Оттакара также весьма отличалось и от сознания некоторых из его современников, проникавших все большей нетерпимостью к немецкому элементу в Чехии – в чем опять же нет ничего удивительного, поскольку воззрения правителя, стремившегося объединить под своей властью восточноальпийскую область и мечтавшего о немецкой королевской короне, не могли не отличаться от воззрений чешского рыцаря, автора так называемой хроники Далимила (рифмованной хроники на чешском языке, созданной в начале XIV в.), который считал, что король покровительствует немцам во вред чешским панам, или другого хрониста, немецкого рыцаря из Штирии Отахера¹³, упрекавшего Оттакара в потворстве чехам и угнетении немцев. Бесспорным достоинством Оттакара была широта взглядов, которая, однако, как это нередко бывает, сочеталась с отсутствием твердых принципов и к чему-то обязывающих представлений о честной политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae, 1850. Т. IX; 1861. Т. XVII; 1880. Т. XXV.
2. Саксонское зеркало. Земское право. М., 1985.
3. Fontes rerum bohemicarum. Praha, 1874. Т. II; 1882. Т. III; 1884. Т. IV.
4. *Novotný V.* České dějiny. Praha, 1928. D. I/1.
5. *Barciak A.* Przemysł czy Otokar? Z problematyki funkcjonowania dwóch imion władców czeskich w XIII wieku (Przemysł Otokar I) // Cracovia-Polonia-Europa. Krakow, 1995.
6. *Флоря Б.Н.* Этническое самосознание чешской феодальной народности в XII – начале XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.
7. Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae / Ed. C.J. Erben, J. Emler. Pragae, 1882. Т. II.
8. *Mika N.* Czy król Rusi Halickiej Daniel był obecny przy zawieraniu pokoju wiedeńskiego w 1261 r.? Z dziejów stosunków rusko-austriackich w średniowieczu // Kwartalnik Historyczny. 1998. R. CV. № 2.
9. *Щавелева Н.И.* К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
10. [Urban J.] Kressenbrunn (12.7.1260) // *Čornej P., Bělina P.* Slavné bitvy naší historie. Praha, 1993.
11. *Vojenské dějiny Československa.* Praha, 1985. D. I.
12. *Klučina P.* Die Schlacht bei Kressenbrunn 1260. Zur Geschichte des Militärwesens des böhmischen Staates unter der letzten Premysliden // Militargeschichte. 1981. 20.

¹³ Отахер (Оттакар) из Гойль, автор рифмованной хроники Штирии, написанной на верхненемецком языке в начале XIV в.

13. *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae* / Ed. J. Sebanek et S. Duskova. Praha, 1981. T. V. Fasc. 2 (1267–1278).
14. [Važný V.] *Alexandreis*. Praha, 1947.
15. *Флоря Б.Н. У истоков конфессионального раскола христианского мира (Древняя Русь и ее западные соседи в XIII в.) // Славянский альманах. М., 1997.*
16. *Włodarski B. Polska i Czechy w drugiej połowie XIII i początkach XIV w.* Lwów, 1931.
17. *Monumenta Poloniae Historica*. Lwów, 1872. T. II–III.
18. *Петров А. Генриха Итальянца сборники форм писем и грамот из канцелярии Отакара II Премысла как исторический источник. СПб., 1906. Отд 1; 1907. Отд. 2.*
19. *Ulanowski B. Przyczynki źródłowe do ostatnich lat panowania Ottokara II // Scriptorum Rerum Polonicarum*. Krakow, 1888. T. XII.
20. *Novak J.B. Tak zvané “Codex epistolaris Primislai Ottocari II.” // Český Časopis historický. 1903. R. IX.*
21. *Ulanowski B. Zur Autentizitäts-Frage Ottokars II. Proklamation an die polnischen Fürsten vom Jahre 1278 // Zeitschrift des Vereins für Geschichte Schlesiens. 1887. Bd. XXI.*
22. *Hoffmann L. Die Beziehungen des Königs Przemysl Ottokars II. von Böhmen zu Schlesien und Polen. Czernowitz, 1909.*
23. *Goll J. Čechy a Prusy v středověku. Praha, 1892.*
24. *Heck R. Pocucie wspólnoty słowiańskiej w polsko-czeskich stosunkach politycznych w średniowieczu // Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1968. Ser. 3. Historica. T. 1.*
25. *Šusta J. Poslední Přemyslovci a jejich dědictví. 1300–1308. Praha, 1917.*
26. *Bulín H., Mikulka J. Slovanství v české feudální společnosti 13.–14. století // Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Praha, 1968.*
27. *Duškova S. Kdo byl notař Jindřich? // Sborník prací Filosofické Fakulty Brněnské University. Řada historická. 1960. Č. 2. D. 7.*
28. *Pospiech M. Problem autentyczności manifestu Przemysła Ottokara II do książąt polskich // Studia historyczne. 15. Kraków, 1972. Z. 4.*
29. *Regesten zur schlesischen Geschichte / Hrsg. Dr. C. Grünhagen. Breslau, 1875. Bd. VII/2.*
30. *Barciak A. Czechy a ziemie południowej Polski w XIII oraz w początkach XIV w. Katowice, 1992.*
31. *Graus F. Die Nationenbildung der Westslawen im Hochmittelalter. Sigmaringen, 1980.*
32. *История Венгрии. М., 1971. Т. 1.*
33. *Barciak A. Ideologia polityczna monarchii Przemysła Otakara II. Studium z dziejów czeskiej polityki zagranicznej w drugiej połowie XIII w. Katowice, 1982.*

© 2005 г. Л. П. ЛАПТЕВА

СЕРБОЛУЖИЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ АРНОШТ МУКА (1854–1932) И ЕГО СВЯЗИ С РУССКИМИ УЧЕНЫМИ

В 2004 г. серболужицкая и вообще славянская научная общественность в разных формах (в виде научных симпозиумов, публикаций статей и пр.) отметила 150-летие крупнейшего серболужицкого национального деятеля и ученого Арношта (Карла Эрнста) Муки, вложившего весь свой талант, титанический труд и материальные средства в дело сохранения серболужицкого народа и защиты его от надвигающейся германизации. Своей деятельностью – научной и общественной – он продлил национальное существование маленького славянского этноса, который в настоящее время насчитывает – увы! – всего 60 тыс. человек, т.е. меньше половины того, что зафиксировано в сочинении ученого “Статистика сербов”, опубликованном в “Часописе Матицы Сербской” в 1884–1886 гг. И хотя А. Мука не мог остановить естественный и закономерный процесс германизации лужицких сербов, его деятельность свидетельствует об активном сопротивлении маленького славянского народа поглощению его немецким этническим элементом. Кроме того, он явился родоначальником науки о лужицких сербах, получившей впоследствии название сорабистики, ученым, внесшим весомый вклад в ее развитие. А. Мука заслуживает исторической памяти и за то, что активно сотрудничал с русскими учеными, его современниками, получая от них поддержку его научным и национальным устремлениям и в то же время обогащая своими исследованиями о серболужицком языке, истории, фольклоре, этнографии и других сторонах бытия сербов-лужичан, науку о славянах в целом.

Имя А. Муки было известно в среде русских ученых-славистов конца XIX – первой четверти XX в. Некоторые из них лично встречались с серболужицким деятелем, обменивались с ним литературой, многие переписывались с ним в течение долгих лет. Эта переписка является основным источником для уяснения научных связей серболужицкого ученого с русской славистической средой. Корреспонденция в значительной мере сохранилась: письма А. Муки к русским ученым – в ПФА РАН¹, а русских ученых к Муке – в Архиве Памятника нацио-

Лаптева Людмила Павловна – д-р ист. наук, профессор МГУ.

¹ Письма А. Муки имеются в фондах различных русских ученых: В.И. Ламанского, И.А. Бодуэна де Куртене, Э.А. Вольтера, А.А. Шахматова, В.Н. Кораблева. Всего – более 100 писем за период с 1892 по 1915 гг.

нальной письменности в Праге [1]. Содержание части этой переписки освещено в ряде работ, опубликованных в советское время.

О научной и общественной деятельности А. Муки имеется значительная литература. В 1924 г. о нем издал работу серболужицкий славист О. Вицаз [2], в 1978 г. вышла книга чешского сорабиста Я. Петра [3]. Статьи о А. Муке имеются и в биографических словарях, освещающих развитие славистики в Германии [4. С. 275–277] и у лужицких сербов [5. С. 400–401]. Можно указать и несколько сочинений на русском языке. В 1897 г. профессор славяноведения Киевского университета Т.Д. Флоринский в лекциях по славянскому языкознанию характеризовал А. Муку как прекрасного современного филолога, глубокого исследователя серболужицкого языка и народа, выдающегося народного деятеля [6. С. 590]. В 1898 г. В.А. Францев в рецензии на брошюру о саксонской ремесленной и художественной промышленной выставке, в частности, о ее серболужицком отделении, писал: “Заслуги д-ра Э. Муки в деле устройства лужицко-сербской этнографической выставки так велики, что без всякого преувеличения можно назвать его творцом ее... Только благодаря авторитету д-ра Муки и его необыкновенной популярности в обеих Лужицах удалось созвать сербов в Дрезден”. Далее Францев сетует на то, что заслуги Муки в подготовке этой выставки отмечаются недостаточно [7. С. 486].

В 1914 г. в связи с 60-летием ученого-славяноведа, духовного руководителя лужичан после смерти Я.А. Смолера и М. Горника – Эрнста Муки на русском языке вышла в Москве брошюра И.Я. Брюля-Сербина под названием “Д-р Эрнст Мука”, где освещается жизнь и деятельность серболужицкого ученого [8].

Кончина А. Муки в 1932 г. отмечена двумя статьями русских ученых о нем. В “Трудах Института Славяноведения Академии наук СССР” вышли работы Б.М. Ляпунова “Доктор Карл Эрнст Юрьевич Мука” [9] и В.Н. Кораблева “Э.Ю. Мука в его письмах к русским ученым” [10]. Значительно позднее о переписке Муки с В.А. Францевым, А.А. Шахматовым и Л.В. Щербой опубликованы статьи автора этих строк [11]. Краткая характеристика отношений А. Муки с русскими учеными приводится и в нашей книге “Русско-серболужицкие научные и культурные связи” [12]. Названными сочинениями не исчерпывается литература о А. Муке. Его творчество исследуется славистами разных стран, продолжаются публикация и анализ его корреспонденции.

Арношт Мука родился 10 марта 1854 г. в поместье Великий Воссек (Гросс-сэхен) в Саксонской Верхней Лужице, в серболужицкой семье. Первоначальное образование он получил в Народной школе. В 1861–1871 гг. учился в гимназии в Будишине (Бауцене). В 1874 г. Мука отправился в Лейпциг для изучения в университете богословия и философии. Здесь он также штудировал классические языки и славистику, обратив на себя внимание профессора славянской филологии, представителя младограмматической школы в языкознании Августа Лескина (1840 – 1916). По окончании университета в 1878 г., получив степень доктора философии, Мука стал преподавателем в Будишинской гимназии. С 1887 по 1916 г. он работал учителем гимназии Альбертинум во Фрейберге (Саксония), а после выхода на пенсию возвратился в 1917 г. в Будишин².

Уже с гимназических лет Мука включился в “национальную жизнь”. Он принимал участие в будишинском кружке “Societas Slavica Budissiensis”, был

² Биографические данные о А. Муке взяты из его автобиографии, написанной в 1899 г. (см.: [10. С. 288–291]).

инициатором сборов серболужицкой учащейся молодежи, которые с 1875 г. стали проводиться ежегодно. В 1882 г. Мука основал серболужицкий ежемес- сячный беллетристический журнал “Lužica” и до 1895 г. был его единственным редактором. После смерти М. Горника в 1894 г. Мука стал редактором научно- го серболужицкого журнала “Časopis Maćici Serpskeje”. С 1880 г. Мука являлся членом Сербской Матицы, в 1896 г. организовал в Дрездене серболужицкую этнографическую выставку, затем обеспечил постройку Сербского дома, собирая для этого средства среди всех, кто знал что-либо о лужицких сербах и их борьбе за выживание в период антисербской политики господствующих сил Германии. Сербский дом был открыт в 1904 г. Таким образом, после смерти Я.А. Смолера и М. Горника А. Мука стал ведущей личностью в серболужицком национальном движении.

С юных лет А. Мука занимался научно-литературной деятельностью. Он написал много песен и стихов, а с 1872 г. по 1894 г. издал три сборника народных песен жителей Верхней и Нижней Лужицы. С 1883 по 1892 г. под редакцией Муки вышли четыре тома стихотворений серболужицкого поэта Андрея Зейлера. В студенческие годы Мука много путешествовал по своей родине, наблюдая народные обычаи, собирая песни, сказки, пословицы, собственные имена (местные географические названия) и т.д. Так был собран материал для его знаменитой книги “Статистика сербов”, вышедшей в 1888 г. с приложением этнографической карты Лужиц, отражавшей распространение серболужицкого языка в 80-х годах XIX в. Это была первая работа такого рода в славистике. Но главным трудом А. Муки в XIX в. стала “Историческая и сравнительная грамматика нижнесербского языка с особенным рассмотрением пограничных диалектов и верхнесербского” [13], изданная в Лейпциге в 1891 г. и получившая престижную премию. По мнению русского лингвиста Б.М. Ляпунова, “... в научном отношении, как по богатству охваченного материала, так и по методу изложения, колоссальный труд Муки является образцовым и может быть поставлен в этом отношении рядом с несколько позднее появившимся многотомным трудом Гебауэра по исторической грамматике чешского языка, естественно, благодаря несравненно большему количеству населения, говорящего на этом языке, и в связи с этим обилию древних письменных источников, значительно превосходящего труд Муки своим объемом... При сравнении со старославянским и другими славянскими языками Муке очень помогли труды Ф. Миклошича, которому и посвящает Мука свой труд” [9. С. 264].

Мука изучал и соседние с Лужицами области. Он исследовал мекленбургские хроники XIV – XVII вв., отыскивая в них славянские названия, участвовал в Энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза, где ему принадлежат статьи о сербах-лужичанах, полабских и балтийских славянах. О полабских славянах он опубликовал шесть статей в петербургских “Славянских известиях”. В 1900 г. Краковская Академия предложила ему исследовать области Люнебургского воеводства. Результаты исследований были опубликованы на польском и чешском языках. В чешской брошюре “Славяне в воеводстве Люнебургском” Мука установил, что язык полабских славян исчез в XVIII в., но славянские черты сохранились в образе жизни, обычаях и народных верованиях этноса.

Мука посещал также разные славянские страны – Чехию, Польшу, югославянские земли. По сведениям И.Я. Брюль-Сербина, Мука посетил также и Россию, доехав до Москвы и Нижнего Новгорода, чтобы проведать своих земляков Ивана Голана и Михала Чоха [8. С. 21].

Крупнейшим вкладом в изучение славянских языков является нижнелужицкий словарь, над которым А. Мука работал в течение 35 лет. Перипетии издания этого труда отражены в переписке Муки и русского академика А.А. Шахматова, о чем будет сказано ниже. Научные достижения серболужицкого деятеля были замечены славистами европейских стран. Мука был избран иностранным членом Академии в Кракове, Югославянской Академии в Аграме (Загребе), Сербской Академии в Белграде, Чешского Общества наук в Праге. В 1913 г. Российская Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом.

Выдающийся лингвист А. Лескин, характеризуя работы А. Муки, в том числе сочинение “Сокровищница сербского языка Нижней Лужицы”, писал: “Д-р Э. Муке (Мука) является единственным ученым, способным выполнить подобный труд. Благодаря своей замечательной “Грамматике нижнесербского языка”, награжденной призом Княжеско-Яблоновского общества наук, Э. Мука выказал себя первым знатоком этого языка... Нет оснований предполагать, что найдется в ближайшее время кто-то еще, обладающий, как д-р Мука, необходимыми предпосылками для выполнения столь трудной задачи, к тому же всесторонне владеющий этим языком” [10. С. 289]. Много лет спустя русский языковед Б.М. Ляпунов, отмечая богатство словарного состава серболужицких языков, зафиксированное в “Словаре нижнелужицкого языка и его наречий”, отмечал, что “критиковать Муку мог бы лишь такой же знаток этих языков, каким был Мука, а мы можем только преклоняться перед мощностью исполненного им труда” [9. С. 269].

Как уже упоминалось выше, связи А. Муки с русскими учеными были богатыми как по объему, так и по содержанию. Они выражались в том, что Мука публиковал свои работы в русских научных журналах, обменивался с учеными России научной информацией и литературой и принял решение публиковать свой словарь нижнелужицкого сербского языка в России. Кроме того, русские ученые оказывали материальную помощь его важнейшему национальному мероприятию – строительству Сербского дома. Все эти обстоятельства в разной мере отразились в корреспонденции русских ученых с А. Мукой. В его архиве в Праге нам удалось обнаружить письма более 30 русских корреспондентов. Многие из авторов извещают Муку о том, что посылают ту или иную сумму денег, собранную среди коллег на постройку Сербского дома, и желают успехов в этом предприятии. В письмах славистов обсуждаются и научные проблемы, высказываются суждения о трудах Муки, сообщается научная информация. Эти вопросы затрагиваются в письмах В.А. Францева, А.С. Будиловича, К.Я. Грота, В.И. Ламанского, И.С. Пальмова, Т.Д. Флоринского, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы и других ученых.

Не имея возможности остановиться на характеристике всей корреспонденции, проанализируем наиболее важную с точки зрения наличия в ней сведений о взаимоотношениях Муки и русских ученых. Самым ранним свидетельством контактов Муки с русскими учеными является письмо слависта К.Я. Грота В.И. Ламанскому от 23 августа (4 сентября) 1882 г., в котором читаем: «Проводив своего брата до Дрездена... я повернул к лужичанам, чтобы провести у них несколько дней... Так как у меня не было никаких специальных целей, то я назначил на свое пребывание в Будишине и окрестностях всего несколько дней, чтобы только успеть ознакомиться с жизнью и особенностями серболужицкого народа, с его почтенными представителями и их деятельностью... Я был

встречен там с редким радушием и гостеприимством. Все было сделано, чтобы дать мне возможность в короткое время увидеть и узнать как можно более. Самыми усердными и любезными моими руководителями и спутниками были симпатичнейший М.Я. Горник и молодой сербский деятель (учитель) Э. Мука, издатель литературного журнала “Лужица”. Меня посвятили во все стороны и части ученой и литературной деятельности, снабдили меня всеми возможными сербскими изданиями, познакомили с кем только можно было из наиболее интересных лиц и проводили по селам и деревням серболужицким» [14. С. 110]. О дальнейших контактах К. Грота с А. Мукой сведений не найдено.

В 90-е годы XIX в. Мука как бы принял эстафету от предшествующих вождей серболужицкого движения в общении с русскими учеными. Став активным деятелем Матицы, а затем и ее председателем, он ревностно заботился о ее контактах со славянскими учеными, в частности об обмене литературой. Так, в письме В.И. Ламанскому от 30 января 1896 г. Мука выражает благодарность этому русскому слависту за “дружеское отношение и доброту”, выразившиеся в том, что Ламанский прислал для Сербской Матицы «... все вышедшие до сих пор выпуски Вашей прекрасной “Живой старины”». Мука просит и далее «систематически присылать ее... в обмен на мою “Лужицу” и редактируемый мной “Часопис Матицы Сербской”». Далее он выражает сожаление, что еще не имеет возможности послать Ламанскому свою работу “Laut- und Formenlehre”, и обещает ее ему доставить. Затем Мука пишет: «“Лужицу” Вы получаете, а “Часопис Матицы” буду высылать Вам дважды в год; при сем высылаю Вам бандеролью выпуск, только что вышедший». И далее: «Что касается желаемой статьи для “Живой старины”, которой, к сожалению, из-за большого количества работы по руководству Матицей Сербской сам не могу написать, то я поручил ее своему знакомому молодому писателю и надеюсь, что еще до 1-го апреля смогу Вам ее выслать. Вообще я хотел бы Вам по возможности аккуратно присылать этнографические статьи для Вашего журнала. Очень хотел бы также в будущем издать древние памятники нашего сербского языка. Не согласилась ли бы Ваша Имп. Академия в Петербурге принять их к опубликованию и отпустить мне необходимые для их издания средства?» [14. С. 180]. Из этого письма видно, что А. Мука, как и его предшественники по руководству Матицей (например, Я.А. Смолер), ориентировался в своих национальных мероприятиях на помощь со стороны русских ученых.

Одним из русских корреспондентов Муки был В.А. Францев, являвшийся в начале своих контактов с серболужицким ученым магистром, а позднее – профессором Варшавского университета (в то время русского)³. Францев представился Муке в письме от 19(31) марта 1896 г.⁴ «Ваше имя я знаю уже давно, еще с университетской скамьи, с которой сошел всего шесть лет тому назад; знаю его еще и по переведенной мною Вашей статье “Серболужицкая библиография”; еще более я знаю Вас по Вашим научным работам и по рассказам милейшего Ад. Черного⁵». – Заметим, что “Библиографический обзор” подписан псевдони-

³ О В.А. Францеве см.: [15].

⁴ Все цитированные письма В.А. Францева хранятся в LAPNP, в архиве А. Муки (листы корреспонденции В.А. Францева).

⁵ Адольф Черны(й) (1864–1952) – чешский писатель, этнограф, историк литературы. В 1898 г. основал журнал “Slovanský Přehled”, выходящий до настоящего времени. Изучал лужицких сербов.

мом “Мильчанин”. То, что этот псевдоним принадлежит именно А. Муке, подтверждается письмом редактора “Славянского обозрения” А.С. Будиловичем, который 5 декабря 1891 г. обратился к Муке со следующей просьбой: “Для издаваемого мною... журнала желательно бы иметь библиографический обзор важнейших верхнелужицких сочинений по литературе, этнографии, истории и философии за 1891 год. Вы премного обязали бы меня, доставив такой обзор не позже 1 января 1892 г. нового стиля”⁶. В открытке Будиловича Муке от 19(31) декабря 1891 г. читаем: «Буду ждать до конца января доставки библиографического обзора “Lusatia...”», а в письме от 25 января (6 февраля) 1892 г. – «Очень благодарен за присылку Вашего библиографического обзора, который будет напечатан во 2–3-й книжках “Славянского обозрения”. Согласен на Ваш псевдоним». Наконец, 28 сентября 1892 г. А.С. Будилович пишет: “Прилагаю гонорар за лужицкую библиографию”. Таким образом, письма Будиловича раскрывают псевдоним А. Муки, который не указан ни в одной библиографии его трудов. Псевдоним “Мильчанин” еще раз фигурировал в русской литературе на титульном листе работы “Названия и границы земель лужицких сербов в разные времена. Исторический обзор” (СПб., 1893). Эта работа была первоначально предназначена Мукой для “Славянского обозрения”, что видно из уже цитированного письма Будиловича от 25 января (6 февраля) 1892 г., где читаем: «Что касается статьи “О именах и границах серболужицких”, то я не успел ее еще просмотреть; положительный ответ на этот счет я Вам сообщу в другой раз».

В связи с прекращением издания “Славянского обозрения” статья была передана в журнал “Благовест”, и его редактор А.В. Васильев написал Муке, что получил его статью “Названия и границы земель лужицких сербов в разные времена”, и она напечатана в 53-м выпуске “Благовеста” [16]. Это письмо не датировано, но судя по содержанию относится к 1893 г.

Что касается Францева, то его личное знакомство его с Мукой переросло в дружбу, продолжавшуюся до конца жизни серболужицкого деятеля. Францев всегда проявлял большой интерес к работам Муки. Так, 16 октября 1899 г. он просил его выслать экземпляр работы “Die slawischen Namen der Neumark”, а в письме от 9 декабря 1904 г. – оттиски статей А. Муки о люнебургских славянах⁷.

В открытке, которую предположительно можно датировать 16 января 1912 г., Францев просит сообщить точные новейшие данные относительно численности лужицких сербов (верхних и нижних), католиков и протестантов, в Пруссии и Саксонии. “Для студентов-славистов я составляю статистические таблицы, – пишет Францев, – хотелось бы дать сведения новые, а найти я их не могу. Ты, несомненно, единственный человек, у которого их можно получить”. В других письмах Францев обращается к Муке за научной консультацией. Так, 25 февраля 1898 г. он сообщает: “Теперь я занят разбором богатой корреспонденции В. Ганки, и мне бы очень хотелось знать, нет ли у Вас в Будишине каких-нибудь его писем вашим деятелям возрождения”. Эту корреспонденцию В.А. Францев издал под названием “Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель” в 1905 г.

⁶ Письма А.С. Будиловича хранятся в LAPNP в архиве А. Муки. (Корреспонденция А.С. Будиловича). Все цитированные строки – из этого архива.

⁷ Речь идет о работе А. Муки “Slované ve vojvodství Lüneburškém” (отдельный оттиск из журнала “Slovanský Přehled” за 1904 г.).

При подготовке своей докторской диссертации Францев разыскивал материалы о деятелях польского славяноведения. 14(27) ноября 1908 г. он запрашивал Муку: “Нет ли у Вас каких-либо материалов или указаний о пребывании и путешествии по Лужицам Андрея Кухарского, польского слависта, в 1826 г.? Должны бы быть кое-какие письма Кухарского в rozústalosti Лубенского”. Францев запрашивал также, нет ли во Фрейберге, где проживал А. Мука, каких-нибудь сведений о пребывании там великого русского ученого М.В. Ломоносова в 1739 г. Об этом же он спрашивал лужицкого ученого в письмах от 13(26) ноября 1911 г. и 10(23) января 1912 г.

Мука помогал Францеву, выполняя его просьбы. В свою очередь и Францев многое сделал для Муки. 9 декабря 1904 г. русский исследователь предложил ему писать статьи в “Русский филологический вестник”, в котором Францев пользовался большим авторитетом. 7(20) января 1905 г. Францев информировал Муку: “В коллекции бумаг Ф.П. Аделунга (в Имп. Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге) хранится объемистый верхнелужицко-немецкий словарь, который содержит... около 5.5 тысяч лужицких слов и занимает 168 страниц in 8° листа писчей бумаги... Всех листов рукописи – 88”. Францев сообщает, что эти сведения он взял из книги профессора Булича “Очерк истории языкознания в России” (Т.1, СПб., 1904), в которой автор утверждает, что до сих пор этот словарь оставался неизвестным “нашим славистам”.

Благодаря Муке Францев участвовал в некоторых общественных мероприятиях в пользу лужицких сербов, например, в сборе средств для “Дома Матицы Сербской”. Через Муку варшавский славист получал литературу о лужицких сербах – календари, журналы “Часопис Матицы Сербской” и “Лужица”. В этих журналах Францев публиковал свои архивные находки и статьи. Так, в “Лужице” были напечатаны некоторые письма М. Горника и Я.А. Смолера к В. Ганке [17. S. 44, 55, 64, 89, 99], Я.А. Смолера и Я.П. Иордана к Я.Е. Пуркине [18. 1898. XVII. S. 110; 1899. XVIII. S. 15, 23, 34, 55; 1900. XIX. S. 39]. Некоторые найденные Францевым в архивах письма публиковались и в “Часописе Матицы Сербской” [19].

Таким образом, контакты В.А. Францева и А. Муки были многообразны и плодотворны (подробнее см.: [11]). Мука поддерживал научные связи и с другими русскими славистами. Так, В.Н. Кораблев пишет: «Мое знакомство с Э.Ю. Мукой относится уже к довольно позднему периоду: я узнал его только в 1906 году, когда впервые побывал в Будишине и во Фрайберге, где постоянно жил и работал Мука. В 1906–1909 г. Мука по моей инициативе поместил в редактировавшихся мною “Славянских известиях” ряд прекрасных очерков по истории серболужицкой литературы и серболужицкому фольклору»⁸. “Часть этих очерков осталась однако ненапечатанными, в рукописях, хранящихся в моем личном архиве – в том числе и переработанный по материалам Муки его женой (Loska Muka) очерк “Kanovník Jakub Herrmann, ťužicko-serbskí maecenaš a ratniarch” – на чешском языке” [10. С. 272]. О существовании неопубликованных очерков А. Муки сведений нет. В.Н. Кораблев был в 1934 г. репрессирован и умер в заключении. Его архив был рассеян.

Важнейшим эпизодом связей А. Муки с русскими учеными была история с публикацией Российской академией наук его словаря нижнелужицкого языка.

⁸ О статьях А. Муки, опубликованных в “Славянских известиях”, см.: [20].

Ученый работал над ним большую часть жизни. Он исходил пешком всю Нижнюю Лужицу, посетил все ее села, записывая живую речь народа. Своему петербургскому приятелю Э.А. Вольтеру, с которым Мука учился в Лейпцигском университете под руководством профессора А. Лескина, серболужицкий ученый писал 27 октября 1899 г.: «Теперь я работаю из года в год, изо дня в день, над “Thesaurus linguae sorabicae Lusatiae inferioris”, материал для которого я собирал в течение десятков лет с большими жертвами во времени и в деньгах. Не существует пока никакого словаря этого славянского наречия – несмотря на существование совершенно неудовлетворительного, с большими недостатками словаря Цвара. Он (словарь) должен явиться дополнением к моей “Laut-und Formenlehre niedersorbischen Sprache”. Поэтому работать над ним мне придется еще в течение целого года, пока я сумею подготовить свой труд к печати» (цит. по: [10. С. 273]).

Когда работа над словарем подходила к концу, им заинтересовались Берлинская и Венская академии наук. Но Мука стремился издать свой труд на базе Российской академии. Отношения с этим учреждением занимают в контактах Муки особое место. В 1892 г. он прислал в Российскую академию свою большую работу “Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der niedersorbischen Sprache” (“Историческое и сравнительное учение о звуках и формах нижнесербского языка”) Leipzig, 1891, на соискание премии имени профессора А.А. Котляревского. Однако сочинение на конкурс представлено не было, так как к награждению допускались лишь работы на славянских языках [21. Ф. 9. Оп. 3. № 65. Л. 4, 18]. А в протоколах заседания ОРЯС АН первое упоминание о Муке встречается в записи от 11 сентября 1899 г. (§ 8). Здесь указано, что по заявлению академика А.А. Шахматова возбуждается ходатайство о награждении А. Муки орденом Св. Анны 2-й степени. В записке обосновывается это представление: Мука принадлежит к числу выдающихся исследователей славянских языков, отмечены его работы над словарем нижнелужицкого языка и тот факт, что материалы к словарю собирались в течение 20 лет [21. Ф. 9. Оп. 1. № 729].

В 1903 г. Мука прислал в Академию свою работу: “Příslova hornjołužiskich Serbow” (Пословицы верхнелужицких сербов), Budyšin, 1902 – опять на соискание премии им. А.А. Котляревского. Но и это сочинение было отклонено как не отвечавшее правилам присуждения упомянутой премии: работа представляла собой лишь издание текстов, т.е. не носила исследовательского характера [21. Ф. 9. Оп. 3. № 69. Л. 20, 37].

Что касается “Словаря”, то А.А. Шахматов, понимая значение подобного издания, предложил Муке осуществить его на средства ОРЯС РАН. К сожалению, письмо Шахматова с этим предложением в архиве Муки не обнаружено, но из ответа серболужицкого ученого ясно, что оно существовало. 28 ноября 1901 г. Мука писал Шахматову: «За Ваше предложение выпустить мой “Thesaurus linguae Lusatiae inferioris sorabicae” в издании столь высоко мною ценимой Императорской Российской академии наук, я выражаю Вам и высокоуважаемым членам ОРЯС мою самую искреннюю благодарность и заявляю, что решил принять Ваше лестное предложение». Указав далее, что за издание труда готовы также приняться Венская, Берлинская и Пражская академии, Мука добавляет однако, что словарь еще не вполне завершен, и просит Шахматова на данный момент принять предварительное подтверждение того, что он, Мука, “...намерен и принял решение” предоставить издание словаря, “если это бу-

дет возможно, в первую очередь Императорской Российской академии наук” (цит. по: [10. С. 274–275]). Петербургская Академия согласилась выполнить требование Муки относительно языка, объема и места издания “Словаря”. А.А. Шахматов от имени Академии вел дальнейшие переговоры с Мукой о деталях издания: “В отношении содержания словаря Академия не ставит Вам никаких требований, зная высокую научность Ваших работ”, – заметил он⁹.

Между тем, работа Муки над словарем подходила к концу, и Шахматов собирался приступить к печатанию труда. Но революция 1905–1907 гг. негативно повлияла как на контакты между учеными, так и на условия публикации словаря. Корреспонденция прервалась и возобновилась только в 1908 г. Шахматов писал: “Многое изменилось у нас в Отделении с тех пор, как мы вели с Вами переписку относительно издания Вашего словаря, и средства наши уже не те”. 18(31) марта 1911 г. Шахматов известил Муку, что средства на издание его словаря Академией получены, и 29 мая 1911 г. Мука выслал Шахматову рукопись словарных статей первых двух букв. Печатание продвигалось медленно. Мука был недоволен как этим обстоятельством, так и размером гонорара, а также включением в словарь перевода слов на русский язык. Шахматов в письмах разъяснял возникавшие вопросы. Объем словаря, включавший параллели западнославянских, древнеславянского и русского языков, составил 80 печатных листов. К 1915 г. академическая типография имела в наборе 64 листа труда.

Вторым сюжетом, составляющим содержание писем Шахматова к Муке, были перипетии представления Муки к избранию его членом-корреспондентом Российской академии. Мука мечтал об этом с конца XIX в., о чем свидетельствуют его письма к другим русским ученым. К Шахматову же он обращался по этому вопросу впервые в 1909 г. В том же году академик И.В. Ягич писал из Вены академику В.И. Ламанскому: “На днях пристал ко мне лужичанин Мука с просьбою ходатайствовать о его избрании в члены-корреспонденты нашего Отдела. Я, правда, нахожу его несколько слишком честолюбивым и тщеславным, но все же нельзя не признать за ним много заслуг для лужицкого языка. Поэтому, если имеете кого в виду из западных или южных славян, я бы все же рекомендовал бы Вам и Отделению Муку” [10. С. 281–282]. В 1912 г. Мука вновь обращается к Шахматову с напоминанием о своей просьбе. Шахматов ответил 3(16) сентября 1912 г.: “Что до Вашего вопроса, касающегося члена-корреспондента, то никакого совета я Вам дать не могу... у нас ограниченное число мест для членов-корреспондентов... вакансий в течение года открывается не более 2–3-х”. Шахматов рекомендовал Муке написать письма некоторым российским академикам с просьбой о поддержке на выборах его кандидатуры. И Мука в письме от 9 декабря 1912 г. академику В.И. Ламанскому писал: “Высокий интерес, связывающий меня... более 10 лет с Императорской русской академией наук, родил во мне с давних пор трепетное желание сделаться членом этой Академии, и так как я знаю огромное Вашего Превосходительства влияние, то я и позволяю себе выразить Вам мою сердечную и откровенную просьбу о Вашей благосклонной поддержке меня при предстоящих в нынешнем году выборах иностранных членов Академии. В течение почти сорокалетней моей научной деятельности я в достаточной мере поработал и

⁹ А.А. Шахматов А. Муке. 1902.28.1 [1].

поруководил работой в области языкознания, истории и фольклора, и считаю себя потому вполне заслуживающим Вашей поддержки” [10. С. 283].

Мука пожертвовал Академии наук книги в количестве 225 томов (или 293 “номеров”). “Среди них было очень много больших редкостей, даже уникалов... У меня еще имеется несколько ценных вещей, несколько уникалов, которые я позже также думаю направить в библиотеку Академии наук”, – писал Мука Э.А. Вольтеру 28 февраля 1913 г. [10. С. 285]. Эта коллекция сохранилась до настоящего времени, о чем свидетельствует каталог книг, находящихся в славянском фонде библиотеки Российской академии наук в Санкт-Петербурге, изданный в 2002 г. По мнению его составителя Е.В. Комиссаровой, “фактически одна только коллекция А. Муки выводит БАН в число библиотек-держателей крупнейших исторических собраний серболужицкой книги” [22. С. 4].

В ответ на дар Муки А.А. Шахматов 18 апреля (1 мая) 1913 г. писал: “Ваше пожертвование произвело наилучшее впечатление на членов Академии; уже в январе среди членов Русского отделения сложилось решение представить в конце года Вашу кандидатуру в члены-корреспонденты. В общем собрании будет поднят вопрос о награждении Вас орденом”. 30 ноября (13 декабря) того же года Шахматов сообщает Муке: “Сегодня состоялось избрание Вас членом-корреспондентом Императорской Академии наук”. Итак, старания Муки наконец увенчались успехом. В соответствующем протоколе читаем: “29 декабря 1913 г. в члены-корреспонденты по Отделению Русского языка и Словесности избран Эрнест Юрьевич Мука, студийерат и конректор Альбертинской гимназии в г. Фрейбург (Саксония)” [21. Ф. 2. Оп. 1–1913. Д. 14. Л. 41].

Получив известие о своем избрании в члены-корреспонденты РАН, о чем он мечтал в течение 14 лет, Мука написал Шахматову: “Ваше сообщение о моем избрании в члены-корреспонденты Императорской Российской академии наук принесло мне великую радость. Это – прекраснейший рождественский подарок к 60-летию со дня моего рождения, который я, если Господу будет угодно, отпраздную 10 марта 1914 года” [10. С. 284]. Так складывались отношения Муки с РАН (подробнее о переписке А. Муки с А.А. Шахматовым см.: [11]).

Другой характер носили связи А. Муки и русского лингвиста, будущего академика Л.В. Щербы (1880–1944)¹⁰. По окончании историко-филологического факультета Петербургского университета Щерба по рекомендации профессора И.А. Бодуэна де Куртене стал изучать важную для языкознания проблему влияния одного языка на другой у одних и тех же носителей обоих [24. С. XVII]. Из возможных носителей двуязычия Л.В. Щерба выбрал лужицких сербов. В связи с этим он 20 июля 1907 г. отправил свое первое письмо А. Муке, где сообщал, что собирается провести каникулы в Верхней Лужице для изучения одного из диалектов, и просил назвать для этой цели какой-либо конкретный говор, чтобы собрать по нему фонетический материал и тем самым служить, в частности, интересам серболужицкой диалектологии. В практическом плане Щерба просил помощи в организации пребывания его с семьей за границей “в течение пары месяцев”, а именно среди носителей избранного диалекта¹¹. Мука оказал Щербе просимую помощь. По его совету Щерба поселился в Вайсскэйселе (Weißkeißel, серболужицкий Wuskidź), в нескольких километрах от Мужакова (Мускау), и провел там около двух месяцев [24. С. XVII]. Благодаря сербо-

¹⁰ Литературу о Л.В. Щербе см.: [23].

¹¹ Л. Щерба – А. Муке. 1907. 20. VII [1; 25. С. 7–8].

лужицкому ученому Щерба нашел именно то, что его особенно интересовало¹². Изыскания 1907 г. не удовлетворили Щербу. Он вынужден был жить в немецкой семье и вначале лишь с трудом находил для себя подходящее общество и учителей. Впрочем постепенно ученый все же сблизился с некоторыми крестьянскими семействами и к моменту отъезда “имел уже много друзей, искренне желавших помочь” ему в его предприятии [24. С. XVII–XVIII].

Учтя опыт 1907 г., Щерба в следующем году поселился в семье серболужицкого лавочника и постоянно общался со многими носителями местного диалекта, причем все эти лица являлись для исследователя “постоянными учителями и объектами” [24. С. XVII–XVIII]. В феврале 1909 г. Щерба писал Муке из Праги: «Пробыв в общей сложности около 3–4 месяцев среди лужичан, пользуясь их гостеприимством и приобретя среди них искренних друзей, я хотел бы принять участие в лужицком культурно-просветительном обществе и стать членом “Сербской Матицы”... Я с радостью готов содействовать в научной разработке лужицкой филологии, а также готов помогать из личной симпатии тем лужичанам, которые желают культивировать свой язык». Из письма видно, что Щерба приобретал выпуски “Часописа Матицы Сербской”, желал пополнить свою библиотеку недостающими томами сочинений Зейлера. Щерба благодарил Муку за указание на мужаковский диалект, который оказался интересным во всех отношениях и сообщал, что прожил под Мужаковым осенью 1908 г. “больше месяца”, что благодаря “приведенным с собой аппаратам экспериментально-фонетическим... удалось наблюдать довольно тонкие вещи”. Из этого письма ясно, что Щерба и Мука не встречались. Русский ученый выражает желание попасть к Муке во Фрейберг, “чтобы познакомиться и сообщить кое-какие частности из области границ диалектических”. И еще одно высказывание Щербы обращает на себя внимание. Он полагает, что принесет своим “друзьям, крестьянам Weisskeissel’s очень мало пользы, т.к. национальное сознание у них отсутствует, и через какие-нибудь 40–50 лет только старики будут понимать по-лужицки” [1; 25. S. 110–112].

Возвратившись в Петербург, Щерба отправил Муке еще одно короткое письмо. Русский ученый сожалел, что так и не смог лично встретиться с ним, и благодарил за присылку сочинений Зейлера¹³. Далее В.Л. Щерба вплоть до 1913 г. серболужицкими проблемами не занимался. Он был приват-доцентом университета и работал над магистерской диссертацией “Русские гласные в качественном и количественном отношении”, которая и была защищена в 1912 г.

В связи с этим необходимо обратить внимание на распространившиеся в литературе ошибки. Чешский сорабист Я. Петр считал, что Щерба в 1912 г. защитил монографию о мужаковском наречии как докторскую диссертацию [25. S. 93]. Аналогичное утверждение мы встречаем и у немецкого лингвиста Г. Шустера-Шевца [26. S. 9]. Но все это неверно. Щерба защитил не докторскую, а магистерскую диссертацию, и не на тему о серболужицкой диалектологии, а по проблемам фонетических гласных русского языка. И лишь летом 1913 г. ученый “смог освежить свои непосредственные впечатления” о мужаковском диалекте благодаря очередному “10-дневному пребыванию среди... мужаковских друзей, а также посетить и другие местности Лузации” [24. S. XIX]. В мае 1913 г. Щерба просил Муку подыскать место для отдыха где-либо в Исполинских го-

¹² Л. Щерба –А. Муке. 1907. 13 IX [1; 25. S. 108–109].

¹³ Л. Щерба –А. Муке. 1909. 21 V(3 VI) [1; 25. S. 112].

рах (Riesengebirge, т.е. Крконоше) “месяца на три ... чтобы можно было совершать набеги на Ваших земляков, моих хороших приятелей”. В письме выражалась надежда на то, что обоим ученым удастся встретиться лично – Щерба собирался побывать во Фрейберге¹⁴. Здесь необходимо обратить внимание на еще одну существенную ошибку, допущенную Я. Петром в работе о Щербе. В осуществленной им публикации писем и в собственном тексте автора неправильно указан год написания Щербой двух писем Муке, а именно от 27 августа и 5 сентября. Я. Петр прочитал “1915” и пришел к выводу, что Щерба именно тогда посетил Мужаков, а также другие места Лужицы, и в том же году встретился с Мукой. В действительности же те письма, на которые ссылается Я. Петр, написаны не в 1915, а в 1913 г. Как известно, в 1915 г. между Россией и Германией шла война, и русский ученый не мог бы свободно передвигаться по территории Германии, а именно о таком передвижении свидетельствуют указанные письма. Кроме того, ни в каких биографических материалах о Щербе, в том числе и его собственных, нет ни слова о пребывании в Лужице в 1915 г. Встреча ученых произошла во Фрейберге именно в 1913 г., между 27 августа и 5 сентября. Визуальная проверка писем, предпринятая автором этих строк, показала, что нечетко написанные цифры “1913” Я. Петр прочитал как “1915”. На самом же деле Щерба после 1913 г. в Лужице уже не бывал¹⁵.

Известно еще одно письмо русского ученого Муке от 27 августа 1927 г. Щерба называл Муку учителем, сообщал о высылке ему своей монографии “О мужаковском говоре”, выражал желание поддерживать связи.

Приведенный материал о контактах А. Муки с русскими учеными показывает, что они были весьма интенсивными, взаимно полезными и важными для славяноведения. Однако следует заметить, что их интенсивность относится ко времени до 1914 г. Первая мировая война и Октябрьская революция нарушили эти связи. Что касается словаря А. Муки, то в России был напечатан в 1921 г. только первый его том. Дальнейшая часть рукописи этого словаря была утеряна. Дело в том, что Мука поручил работу над процессом издания Георгию Клецанде, служившему в библиотеке Академии наук. После 1917 г. Клецанда покинул Петроград и вскоре умер в Томске. Утраченную часть “Словаря” Мука восстановил по сохранившимся у него листам оригинала, и весь словарь был издан Чешской Академией наук в 1928 г. Всю эту историю Мука рассказал в предисловии к 3-му тому “Словаря” (Прага, 1928).

Мука слыл в России первоклассным славистом – филологом и лингвистом, о чем свидетельствуют две упомянутые выше статьи, опубликованные в связи с кончиной великого лужицкого ученого в 1932 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Literarni Archiv Památníků Narodního Pisemnictví (LAPNP). Pozůstalost A. Muky. Korespondence.
2. *Wicáz O. Dr. Arnošt Muka*. Budyšin, 1924.
3. *Petr J. Arnošt Muka. Živenje a skutkowanje serbskeho prócowarja*. Budyšin, 1978.
4. *Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945. Ein biographisches Lexikon*. Bautzen, 1993.
5. *Biografiski słownik k stawiznam a kulturje Serbow*. Budyšin, 1984.

¹⁴ Л. Щерба – А. Муке. 1913. 6(13) V [1; 25. S. 113–114].

¹⁵ Подробнее о связях А. Муки и Л.В. Щербы см.: [27].

6. *Флоринский Т.Д.* Лекции по славянскому языкознанию. Киев, 1897. Ч. II. Раздел VIII. Серболужицкий язык.
7. *Францев В.А.* [Рец. на кн.:] Sächsische Volkstrachten und Bauernhäuser/Herausgegeben von dem Ausschuss für das sächsische Volkstrachtenfest zu Dresden 1896 // ЖМНП. 1898. Ч. 318. № 7.
8. *Брюль-Сербин И.Я.* Д-р. Эрнст Мука. Опыт исследования серболужицкого народа в Саксонии и Пруссии. М., 1914.
9. *Ляпунов Б.М.* Доктор Карл Эрнст Юрьевич Мука // Труды Института славяноведения АН СССР. Л., 1934. Вып. II.
10. *Кораблев В.Н. Э.Ю.* Мука в его письмах к русским ученым // Труды Института славяноведения АН СССР. Л., 1934. Вып. II.
11. *Laptewa L.P.* Beziehungen des russischen Slawisten V.A. Francew zu Arnošt Muka anhand siener Briefe // Lětopis. 1967. Reihe B. Nr. 14/1; *Лантева Л.П.* Связи А.А. Шахматова с серболужицким филологом А. Мукой (по неопубликованным письмам А.А. Шахматова) // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 1993. Roč. 62. Seš. 2.; *Лантева Л.П.* Пребывание у лужицких сербов русского ученого Льва Владимировича Щербы // Slavica Tartuensia. Исследования по истории славянского языкознания. I. Тарту, 1985.
12. *Лантева Л.П.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны 1914 года. М., 2000.
13. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und des Obersorbischen. Leipzig, 1891.
14. Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.;Л., 1948.
15. *Лантева Л.П. В.А.* Францев как исследователь творчества Йозефа Добровского // Славянский альманах 1998. М., 1999; *Лантева Л.П. В.А.* Францев как исследователь русско-польских научных связей в XIX веке // Культурные связи России и Польши в XI–XX вв. М., 1998; Профессор Л.П. Лантева. Библиография опубликованных трудов (1952–1998). М., 1998.
16. LAPNP. Архив А. Муки.
17. *Francew Wl.* Tři listy z časow Noweho Serbstwa // Łužica. 1898. XVII.
18. *Francew Wl.* Dalše listy z časow Noweho Serbstwa // Łužica. 1898. XVII.
19. Listy serbskich wotčincow z časow serbskeho wozrođenja. Podawa Wl. Francew a Jakub Čišinski // Časopis Maćici Serbskeje. Letn. 1904. LVII. Zeš. II. 1905. LVIII. Zeš. I.
20. Литература лужицких сербов с 1548 по 1899 г. // Сл. Изв. 1906. № 1; Полабские славяне. Очерки. Ч. I // Сл. Изв. 1906. № 2; № 4; № 5; № 7; Ч. II // Сл. Изв. 1907. № 2–4; Ч. III // Сл. Изв. № 5; Христиан Генниг // Сл. Изв. 1909. № 8.
21. ПФА РАН.
22. Серболужицкие издания XVIII – первой половины XIX вв. в славянском фонде библиотеки Российской Академии наук. СПб., 2002.
23. *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды. Минск, 1978. Т. 3. С. 301–302; Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880–1944) // Сб. статей. Л., 1951; *Манусевич М.Н. Л.В.* Щерба. Важнейшие вехи его жизни и научного творчества // *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
24. *Щерба Л.В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915. Т. I.
25. *Petr J. L.V.* Ščerba jako slavista a sorabista // Prace z dějin slavistiky. 1976. III.
26. *Schuster-Šewc H.* Vorwort zum fotomechanischen Neudruck: L. Ščerba. Vostočnolužickoe narečie. Bautzen, 1973.
27. *Лантева Л.П.* Пребывание у лужицких сербов русского ученого Льва Владимировича Щербы // Slavica Tartuensia. Исследования по истории славянского языкознания. I. Тарту, 1985.

К 125-летию рождения Петра Михайловича Бицилли (1879–1953)

© 2005 г. М. А. БИРМАН

П.М. БИЦИЛЛИ В ЮГОСЛАВСКИЙ ПЕРИОД ЭМИГРАЦИИ (1920–1923 годы)

28 января 1920 г. сорокалетний профессор историко-филологических факультетов университета и Высших женских курсов Одессы Петр Михайлович Бицилли, сев с женой и двумя дочерьми (младшей не было еще и трех лет) на борт корабля “Rio Pardo”, превратился в эмигранта.

Позади остался интенсивный преподавательский труд, успешно совмещавшийся им с научными занятиями – он опубликовал более 20 работ, в том числе – 3 книги (одна – защищена в 1917 г. в Санкт-Петербургском университете в качестве магистерской диссертации) [1. С. 201–212]. Впереди – полная неизвестность.

После трехнедельного плавания 18 февраля пассажиров (точнее эмигрантов) высадили в Салониках [2. С. 52]. Через несколько дней Бицилли с семьей оказался в захолустном сербском городишке Вране (Вранье). Положение Бицилли было хуже некуда. Семья страдала от безденежья, а он сам – от отсутствия перспектив на работу. В письме от 28 марта 1920 г. академику Н.П. Кондакову Петр Михайлович сообщал: “...Уже месяц сижу в г. Вранье, где нельзя достать ни единой книги и шалею от вынужденного абсолютного безделья”. В том же письме он выражал согласие даже на место учителя русского, французского или латинского языков, “...лишь бы в городе, где имеется библиотека и книжные магазины” [3. С. 575]. Сходные мрачные настроения сквозили в письмах Бицилли бывшему ректору университета в Одессе проф. Д.П. Кишенскому и другим коллегам. В городе Вране Бицилли, по собственному категорическому признанию, был поставлен “...в условия, исключаяющие всякую возможность научной работы” [3. С. 575]. Натура эмоциональная, он – по свидетельству дочери – иногда в сложнейших ситуациях впадал в отчаяние, но легко приободрялся. Выручало присущее ему чувство юмора [4. Письма от 15 II 1996 г.; 3 VI 1996 г.].

Полоса невезения во Вране была не слишком продолжительной. Помогло удачное для Бицилли обстоятельство: спустя десять дней после его прибытия в

Салоники правительство Королевства СХС, озабоченное стремлением усилить сербское влияние в Македонии (Старой Сербии), приняло решение об открытии в Скопье филиала философского факультета Белградского университета [5]¹.

Филиал университета в Скопье создавался на пустом месте и в труднейших условиях. В городе царило запустение – результат пребывания его в зоне почти непрерывных военных действий во время Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг. В Скопье не было подходящих для университета условий – здания, библиотеки, пособий, достаточного числа преподавателей и т.п. [5].

Бицилли предложили место в открывающемся филиале. Переезд в Скопье весной 1920 г. (по некоторым сведениям – в апреле) несколько приободрил его и всю семью. После чрезвычайно тревожного, полного нервного напряжения последнего двухлетнего периода жизни в Одессе в 1918–1919 гг. и беспросветных недель во Вране семья оказалась в Скопье в относительно спокойных и терпимых условиях. “Нам жилось там уютно, – вспоминала дочь Бицилли, видимо, несколько идеализируя этот период своей жизни, – приголубливались мамой бывшие корнетты, подкармливались многие окружающие, оставшиеся без почвы под ногами” [4. Письмо от 5 I 1996 г.]. С ректором филиала университета проф. Остоичем и некоторыми другими сербскими профессорами у Бицилли установились лояльные отношения. Теплые, неформальные, по существу, дружеские отношения – с женой проф. Остоича черногоркой Еленой (в домашнем кругу – “Экица”), окончившей некогда институт в России [4. Письмо от 5 I 1996 г.].

Бицилли читал курсы по всеобщей истории, вел со студентами практические занятия и консультировал их. О конкретных проявлениях его деятельности свидетельствует один из сохранившихся в архиве университета документов – отчет П.М. Бицилли о работе в филиале от 22 июня 1922 г. В нем зафиксировано, что Бицилли прочитал в университете в Скопье разные курсы: по истории нового времени (XVIII–XIX вв.), истории римской республики от времени братьев Гракхов до периода принципата Августа (очевидно, предшествующий период истории античного Рима был прочитан им ранее). Кроме указанных курсов лекций, в отчете также значится семинар по периоду истории французской революции и консультирование работы отдельных студентов [6]. Имеются сведения, что Бицилли прочитал за время работы в университете в Скопье и ряд других курсов. В их числе были: Введение в историю; История историографии; История античного времени; Феодализм в Европе; История Нового времени; История Франции [7].

Лекции в Скопье Бицилли читал на сербском языке [8. № 3. С. 32]. У него был отличный музыкальный слух, и это помогало ему легко осваивать новые языки. Попав во Вране, а затем в Скопье в сербскую языковую среду, он быстро овладел сербским. Через четыре года оказавшись в Софии, он читал в университете лекции и вел занятия на хорошем болгарском языке [2. С. 53; 9. С. 88].

Не всем его коллегам – русским эмигрантам удавалось легко преодолеть языковой барьер. Ближайшим другом Петра Михайловича в Скопье был более молодой ученый Николай Львович Окунев (1886–1949). Знакомство с ним состоялось еще в Одессе – там, будучи учеником Н.П. Кондакова, Окунев специализировался по древнерусскому и византийскому искусству и был с 1913 г.

¹ Копии архивных документов присланы автору сотрудницей университета Марией Пандевской, за что ей автор искренне благодарен.

ученым секретарем Российского археологического института в Константинополе и профессором (с 1917 г.) университета в Одессе. В Югославии Николай Львович изучал следы византийского искусства на территории Балкан и читал в начале 1920-х годов в университете в Скопье курс лекций по древней истории и истории христианства, но, в отличие от Бицилли – на русском языке [7; 8. № 3. С. 32; 10. 1928. Т. XXXV. С. 346; 11. С. 54, 68, 94]. Примечательно, что Окунев мотивировал целесообразность чтения им лекций на русском преобладанием среди его слушателей в Скопье македонцев, которым, якобы, понятнее русский, а не сербский [5].

В числе преподавателей университета в Скопье уже с 1920 г. был еще один видный русский эмигрант, филолог-славист, бывший профессор Харьковского университета Степан Михайлович Кульбакин (1873–1941(?)), одно время исполнявший обязанности декана философского факультета в Скопье [5]. Специалист по старославянской палеографии, современным и древним славянским языкам, в Югославии он занимался сербской грамматикой (выпустил краткую сербскую грамматику для русских) и русско-сербскими отношениями и вскоре успешно адаптировался в югославской научной среде – был избран членом-корреспондентом, а затем и действительным членом Сербской Академии наук [8. № 2. С. 26; № 4. С. 17–18]. Семья Кульбакиных жила в Скопье в одном доме с Бицилли, но отношения сложились официальные [4. Письмо от 5 I 1996 г.]. Вместе с тем имеются сведения, что у Петра Михайловича и С.М. Кульбакина были контакты делового свойства: Бицилли перевел на французский язык (предполагаю, что по рекомендации или по поручению руководства филиала университета) статьи Кульбакина [3. С. 582]; возможно, что речь шла о серии готовившихся Кульбакиным статей (на базе разделов изданного им в 1911 г. в Харькове на русском языке пособия по древнецерковнославянскому языку, в переводе на сербский и французский) [12. С. 67]. Судьба статей неизвестна.

В годы эмиграции в Югославии жизнь семьи Бицилли была скупа на радости. Пребывание в Скопье украсило гостевание в доме Бицилли сестры его жены Марии Тимофеевны – Елизаветы Тимофеевны Жихаревой с дочерьми-подростками. На радостях от долгожданной встречи Мария Тимофеевна согласилась на домашний концерт; в юности, в Одессе, она получила хорошее музыкальное образование камерной певицы и пианистки, но застенчивость помешала ее сценической карьере, и она ограничилась педагогической деятельностью. С успехом исполнила она несколько романсов. Так слушавшие насладились ее прекрасным, но редко звучащим голосом [13. Письмо от 20 I 1997 г.]. Приехав на Балканы с гастролями, Елизавета Тимофеевна (к тому времени популярная актриса драмы) оставила дочерей на некоторое время в семье Бицилли. Петр Михайлович любил бывать в обществе молодых, которые называли его “Петей”. В общении с ними ярче проявлялись черты его характера – “...доброе, веселое, шутника. Нам, детям, – вспоминала об этом времени одна из племянниц Татьяна Певцова, – всегда было с ним весело и интересно” [13. Письмо от 2 II 1998 г.].

В период проживания в Скопье П.М. Бицилли выступал также с публичными лекциями. Известно, что он прочитал цикл лекций на собраниях землячества русских эмигрантов. Есть сведения, что изложение этих лекций было опубликовано в сербской печати – газете “Економски весник” [3. С. 578]. Предполагаю, кстати, что в периодических изданиях ряда государств Европы – в первую очередь, в болгарской периодике, в меньшей степени – в югославской, чешской и других славянских стран, а также в эмигрантской прессе всего русского зару-

бежья 20–30-х годов XX в. – таятся еще не выявленные, не известные исследователям и широкому читателю, публикации Бицилли (статьи, сообщения, заметки и рецензии). Обнародование их раскроет с еще большей силой огромный диапазон масштабов его таланта.

Исследовательские интересы Бицилли, как и тематика его научных занятий, в годы пребывания в Югославии менялись. При отсутствии в Скопье научной библиотеки ему пришлось отказаться от углубленного изучения романского средневековья и Ренессанса, что, по словам самого Бицилли, прежде находилось в центре его внимания [14. С. 20; 3. С. 575]. Он пробует переключиться на палеографическое изучение надписей на памятниках античности и средневековья, сохранившихся в окрестностях Скопье. В обширной переписке с оказавшейся в эмиграции в Болгарии его знакомой по Одессе К.В. Флоровской (о ней и ее брате – ниже) содержатся соответствующие, указывающие на его новые интересы, пассажи. Бицилли просил у Клавдии Васильевны навести в библиотеках Софии справки и уточнения по эпиграфике памятников римского и византийского времени [3. С. 578–579].

Однако увлечение эпиграфикой оказалось кратковременным эпизодом в творческой биографии Бицилли. В югославские годы центр его научных интересов начинает перемещаться в различные области теории исторического процесса, к вопросам философии истории, методологии и периодизации. Некоторое внимание к этим темам Бицилли проявлял еще в конце одесского периода жизни [1. С. 211–212].

Перемены были обусловлены, прежде всего, объективной обстановкой – войнами, революциями, эмиграцией, а частично вызваны условиями жизни в лишенных связей с большой наукой Одессе и особенно Скопье. Фактически при отсутствии в Скопье возможности пользоваться книгохранилищами и архивами Бицилли стремится выразить свои мысли, наблюдения и концепции в работах, не требовавших предварительного сбора архивных материалов и изучения опубликованных источников и литературы.

Обозначилась и определенная логика эволюции самой творческой личности ученого. Именно в эти годы происходит известная кристаллизация философско-исторического мировоззрения Бицилли, методологии исследования им исторических явлений и процессов [15. С. 266; 2. С. 54–55]. Исследователь, склонный к теоретическим обобщениям, тяготевший к монографическим статьям, по форме часто напоминавшим эссе, и к этюдам (при этом всегда его работы были наполнены парадоксальными идеями и наблюдениями), Петр Михайлович испытывал на определенных этапах потребность в создании синтетических трудов. На это наталкивают его раздумья о метаморфозах в окружающем мире, мысли о непредсказуемости и бесконечном разнообразии, многовариантности исторического развития стран и народов. Проблемы исторического синтеза, как известно, приобрели в первые два десятилетия XX в. в европейской историографии большую актуальность. Бицилли, чуткий ко всему новому в науке, задумывает и подготавливает труд по теории исторической науки.

Труд этот под названием “Очерки теории исторической науки” увидел свет в Праге в 1925 г. Первый бициллиевед, создатель библиографии трудов, оставшейся в рукописи, но с пользой послужившей ряду исследователей, А.П. Мецкерский (зять ученого) в кратком биографическом сообщении о Бицилли высказал версию, что рукопись “Очерков” была написана в Скопье в 1920–1922 г. [3. С. 581]; отосланная затем в Прагу в том же 1922 г. в издательство “Пламя”,

она пролежала там до 1925 г. Несколько иначе датировала возникновение “Очерков” исследовательница болгарского периода творчества Бицилли М. Велева: она предположила, что “Очерки” были задуманы и в основном (?) написаны автором, видимо, еще в Одессе (в 1918–1919 г.) [16. С. 7]. Эта версия представляется более вероятной, хотя и она нуждается в подкреплении фактами и некоторых уточнениях. На мой взгляд, вряд ли Бицилли, занятый в Одессе интенсивной преподавательской деятельностью в гимназиях и трех высших учебных заведениях (к совмещению его побуждали жизненные обстоятельства) и выпустивший в 1919 г. две значительные, хотя и неравновеликие по глубине книги (“Падение Римской империи” и “Элементы средневековой культуры”), имел возможность далеко продвинуться с “Очерками”. Вместе с тем я не исключаю того, что Петр Михайлович успел подготовить уже в Одессе начальный вариант рукописи “Очерков” (с набросками ее научного аппарата). Окончательный же текст основного корпуса рукописи (без написанного явно позже – в конце 1923 г. или в начале 1924 г. приложения – об этом ниже) автор доработал и отослал в издательство в Прагу, по-видимому, в 1922 г., в годы жизни в Скопье. Это корреспондирует с прямым авторским замечанием в тексте, что очерки создавались им на стадии интенсивного изучения сербского языка [17. С. 228; 16. С. 190–191]. Что же касается приложения – “Новая философия истории” (в центре его – полемика с опубликованным в 1923 г. трудом давнего оппонента Бицилли Л.П. Карсавина “Философия истории”) – оно несомненно было подготовлено позднее – в 1924 г. (по всей видимости, в начальные месяцы и включено в текст, вероятно, на стадии корректуры). В это время Бицилли находился уже не в Скопье, а в Софии, где мог воспользоваться – для создания “Приложения” и для обогащения напечатанного в конце книги, после приложения, научного аппарата ссылками на новейшую литературу по проблеме, вышедшую в 1920–1923 гг. (подобных изданий оказалось в примечаниях не мало – см., напр., [16. С. 248, 252, 255, 259–263, 267–268] – научными библиотеками университетского города. Допускаю, впрочем, и эвентуальные поездки Бицилли в 1922–1923 г. в Белград с посещением библиотеки и книжного магазина.

Таким образом, по этой гипотезе, подготовка и издание труда Бицилли “Очерки теории исторической науки” растянулись на семь–восемь лет. И в отличие от большинства его значительных работ (написанных в краткие сроки, часто на одном дыхании) “Очерки” создавались, вероятно, в три этапа. Это отнюдь не умалило их достоинств. Вкратце – поскольку завершающая их подготовку стадия хронологически выходит за рамки настоящей статьи – отметим: “Очерки” – важнейшая из созданных Бицилли в первой половине 1920-х годов работ, его основной труд по теории исторической науки; он получил немалые отклики (в числе выявленных рецензентов – такие крупные ученые, как известный историк, бывший профессор Московского университета А.А. Кизеветтер, Н.М. Бахтин, И.Д. Чижевский и др.). Труд Бицилли – это очерк развития исторического мышления с древности до XX в. (с характеристиками историков-мыслителей от Геродота до Шпенглера), наиболее капитальный и многоплановый теоретико-методологический труд, поистине новаторское исследование назревшей в мировой историографии проблемы исторического синтеза. Автор выступает и как философ, и как культуролог, открытый новейшим веяниям в сфере теории исторического знания. Ему оказались близки взгляды Б. Кроче, многие положения, идеи и установки А. Бергсона, М. Вебера, В. Дильтея, Г. Риккерта, Э. Трельча [15. С. 262–266]. Книга наполнена неуывада-

ющим богатством идей и тонкими наблюдениями о сущности историзма, об этапах исторической науки, о смысле и противоречиях исторического процесса, соотношении истории с эстетикой, социологией и т.д. Труд Бицилли – “...настоящая школа научного мастерства, истинное торжество исследовательского и человеческого духа” [16. С. 22].

В период жизни в Югославии – на рубеже 1921–1922 гг. и в начале 1922 г. Бицилли за короткий срок написал на сербском языке сводный труд по всемирной истории; это был переработанный курс его лекций, прочитанных ранее в университете в Скопье – в марте 1922 г. он был отослан в издательство в Белград, где вышел с грифом 1923 г. [3. С. 581–582]. “Увод у светску историју” – как называлась книга – это фактически компендиум основных проблем и узловых вопросов всемирной истории; в отличие от многих других книг автора, она ни разу не переиздавалась и стала библиографической редкостью. Состоит книга из двух частей: первая посвящена важнейшим проблемам политической истории, характеризует эволюцию форм государственной и общественной организации, межгосударственной и международной политики; во второй части автор с присущим ему особым интересом более плотно освещает вопросы духовно-религиозной культуры, смену ведущих идейно-духовных течений у народов Востока и Запада. Отмечая на последних страницах второй части возникновение и развитие идей социализма, Бицилли предсказывал неизбежное банкротство социалистической науки, поскольку, по его мнению, социализм игнорирует противоречивость интересов общества и индивидуума, “...доходит до идеи абсолютной подчиненности индивидуума обществу” [18. С. 193].

Сам Бицилли не склонен был переоценивать теоретическую глубину и научные достоинства названного сводного труда по всемирной истории. В письме к К.В. Флоровской от 3 января 1922 г. он со свойственной ему подчас самоиронией замечал, что пишет труд «...исключительно “от ума своего”, единственно из любостязания ... и в целях приобрести себе брюки, вместо того суррогата их, которым я в настоящее время располагаю...». Рецензенты же нашли в труде Бицилли ряд достоинств [17. С. 23; 19. С. 581].

Издавая книгу, обращенную к широкому читателю, ученый отказался от историографического и источниковедческого обзоров и библиографического приложения. В то же время в тексте часто встречаются, правда, без указаний на выходные данные ссылки на литературу (включая и изданные в начале 1920-х годов работы), а иногда и лаконичные их оценки. Осведомленность в научной литературе подтверждается опубликованными Бицилли в начале 1920-х годов (особенно, в 1922–1923 гг.) рецензиями (о них – ниже) на изданные в те же годы в Берлине, Мюнхене, Париже, Петрограде, Риме книги. Она – эта осведомленность – побуждает нас к некоторым предположениям и гипотетическим построениям (обусловленным скудостью источниковой базы) о реалиях научной деятельности в Югославии. Вряд ли можно сомневаться, что Бицилли, находясь в Скопье, испытывал “книжный голод”. Несомненно, на мой взгляд, и то, что особенно остро он ощущал этот “голод” в первое время, когда он переживал этап первичной адаптации к условиям эмигрантской жизни. Можно строить лишь предположения, какие усилия предпринимал Бицилли, чтобы ознакомиться с необходимыми книгами, добыть соответствующую информацию: вероятно, на третьем и четвертом годах жизни в Югославии он совершал эпизодические поездки в Белград, посещая библиотеки и книжные магазины. Какие-то журналы и научные издания могли приходиться в филиал университета, а так-

же и по адресу самого Бицилли. Существовали, видимо, и другие источники научной информации (включая и интенсивную переписку, которую он вел с коллегами с самого момента переезда в Югославию).

За годы пребывания в Скопье Бицилли – кроме охарактеризованных двух трудов – подготовил и издал (по неполным данным) еще три статьи, некролог (памяти коллеги и друга по университетской кафедре в Одессе В.Э. Крусмана) и восемь обстоятельных рецензий. Наряду с этими выявленными и, к сожалению, пока в малой мере и лишь частично введенными в научный обиход публикациями, имеются указания, что Петр Михайлович подготовил в 1921 г. – к 600-летию смерти Данте – статью на итальянском языке (им он владел в совершенстве) “*Petrarca – Boccaccio – Dante*”; она была направлена в редакцию журнала “*Giornale della Storia Letteratura Italiana*” [17. С. 310]; дальнейшая судьба ее неизвестна. Есть сведения и о других, подготовленных Бицилли в период жизни в Скопье работах, возможно, остающихся пока не выявленными публикациями (одна из эвентуальных публикаций – в сербском издании “*Економски весник*” – упоминалась выше). Заметную струю среди изданного Бицилли в этот период составляли публикации на историософские темы, давно привлекавшие его внимание. В частности, это были отзыв на нашумевшую книгу немецкого историка и философа О. Шпенглера “*Закат Европы*”, рецензии на труды Эд. Мейера и других историков о распаде империй (в том числе Римской) и т.п. [20. 1921. № 8–9. С. 308–314; 1922. № 8–12. С. 225–228; 1923. № 1–2. С. 346–356].

Наряду с публикациями на историософские и некоторые иные темы период жизни Петра Михайловича в Скопье ознаменовался и первыми проявлениями его прямого внимания к пушкинистике. Интерес Бицилли к творчеству А.С. Пушкина коренился в какой-то мере в биографии ученого. Будучи уроженцем Одессы, он 40 лет прожил в городе, где многие улицы и дома напоминали ему, с детства увлеченному поэзией и музыкой, об одесском этапе творчества гения. Начиная студентом Бицилли был свидетелем установления памятника Пушкину и других торжеств 1899 г., связанных со 100-летием со дня рождения поэта. В эмиграции для Бицилли, как и для других выходцев из России, Пушкин был фигурой знаковой. И именно в Югославии ученый профессионально занялся изучением отдельных, интересовавших его пушкиноведческих сюжетов. В журнале “*Русская мысль*” (выходил в Софии, позже в Праге под редакцией П.Б. Струве, который руководил известным одноименным дореволюционным изданием) Бицилли опубликовал статью “*Опыты характеристики пушкинского творчества. Некоторые черты стиля Пушкина*” и рецензию на книгу о Пушкине, изданную в 1922 г. известным пушкинистом, сотрудником Пушкинского Дома Российской Академии Наук М.Л. Гофманом (с сентября 1922 г. он в командировке в Париже, позже – невозвращенец) [20. 1922. № 4. С. 117–128; № 6–7. С. 315–316]. Позднее в Софии Бицилли продолжил начатые им в Скопье исследования проблем пушкинистики, издав большое число ярких и значительных научных трудов – книг, монографий, статей [21. С. 227–234]. В югославский период Бицилли написал черновой вариант этюдов о русской поэзии, приступив таким образом, к созданию тесно связанного с пушкинистикой исследования; в 1925 г. он его отредактировал и издал в 1926 г. в Праге книгой “*Этюды о русской поэзии*”.

Находясь в Скопье, Петр Михайлович установил контакт с редакциями русских эмигрантских журналов (“*Русская мысль*”) и сборников, издававшихся в Софии и Праге. Полагаю, что в налаживании этих связей первостепенную роль сыграл молодой друг Бицилли одесских времен Г.В. Флоровский.

Младший брат упомянутой К.В. Флоровской (1883–1964) Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979) был самым ярким представителем молодого поколения семьи Флоровских, с которой у Бицилли сложились тесные отношения. Георгий Васильевич уже в юности отличался нетривиальными идеями, склонностью к поискам в разных областях знания. Петр Михайлович был старше его на 14 лет, и в годы учебы Флоровского в университете (тот окончил его в 1916 г.) Бицилли – уже доцент и, видимо, был в положении дружески настроенного наставника у молодого студента. Георгий Васильевич не обманул ожиданий родных и близких. Дружеские отношения сложились у Бицилли и с Клавдией Васильевной, окончившей историко-филологический факультет Высших женских курсов Одессы; по его рекомендации она стала приват-доцентом в университете [4. Письмо от 20 IV 1996 г.; 1. С. 210, 214; 19. С. 176; 22. С. 12–15, 30]. В 1920 г., когда Бицилли эмигрировал в Югославию, Клавдия Васильевна и Георгий Васильевич перебрались в Болгарию. И между ними завязалась интенсивная переписка (особенно активна была Клавдия Васильевна). В ее личном архиве только за период 1921–1922 гг. сохранилось 19 адресованных ей писем Бицилли; есть сведения и об обмене корреспонденцией между ним и Георгием Васильевичем [4. Письмо от 20 IV 1996 г., 3 VI 1996 г., 2 VII 1996 г.; 14. С. 22–25; 3. С. 577–583].

В Болгарии Г.В. Флоровский прожил недолго, менее двух лет (переселился где-то в конце 1921 г. в Прагу в поисках более стабильного положения), но оставил след, прежде всего как динамично развивавшийся мыслитель [19. С. 176; 23. С. 377, 379, 386, 389].

Вместе с Н.С. Трубецким, П.Н. Савицким и П.П. Сувчинским он положил в 1920–1921 г. начало кружку молодых интеллектуалов, получившему название “евразийского” (подробнее см.: [19. С. 181–182]). Понятие “Евразии” как особого субконтинента с историко-этническим и культурно-историческим толкованием впервые было кратко очерчено в рецензии П.Н. Савицкого на книгу Н.С. Трубецкого “Европа и человечество”. Сформулированные в книге Трубецкого и первом сборнике кружка – “Исход к Востоку: предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев” – различные оригинальные идеи и концепции часто не совпадали, а подчас и просто не совмещались друг с другом. «...Мы объединились на некотором общем настроении и “мироощущении”, несмотря на то, что у каждого из нас свой подход и свои убеждения...» – сообщал 28 июля 1921 г. Н.С. Трубецкой в письме Р.О. Якобсону [24. 1990. № 6. С. 68]. Один из идеологов евразийства более поздних лет профессор-правовед и общественный деятель Н.Н. Алексеев вспоминал, что оно в начальной стадии было “...еще очень не оформившимся” [11. С. 214], что в первых евразийских изданиях участвовали авторы, ставшие впоследствии непримиримыми врагами движения, когда в нем проявились (и притом – довольно четко) политические тенденции. Кстати сказать, уже среди авторов первого евразийского сборника были и сторонники так называемого национал-большевизма, примкнувшие позже к “сменовеховцам” (П.Н. Савицкий) и твердые приверженцы антибольшевистских взглядов – таким был Г.В. Флоровский (см. [25. С. 51]). Однако поначалу основатели евразийского кружка избегали педалировать свои политические убеждения.

Зачинатели первых евразийских изданий ценили интеллектуальную мощь П.М. Бицилли и стремились привлечь его к сотрудничеству. Один из них – Г.В. Флоровский в письме Н.С. Трубецкому 16 марта 1922 г. выразительно аттестовал Бицилли такими словами: “...Он очень талантлив и жив мыслью

(подчеркнуто мною. – М.Б.)” [26. С. 293]. Между прочим, по иронии судьбы именно Г.В. Флоровский, являвшийся инициатором в привлечении Бицилли к евразийским сборникам, первым – из зачинателей – отошел от евразийства; уже в 1923 г. наметился его отход, окончательно оформившийся в 1928 г. [27. С. 28–29]. Бицилли, проживавший в захолустном тогда Скопье, нуждался в контактах с редакциями журналов и сборников, выходивших в Софии, Праге и других центрах русской эмиграцией.

Первоначальные историософские искания молодых интеллектуалов, озабоченных перспективами развития России и человечества, их энергичные поиски выхода из духовного кризиса, выдвигание ими актуальных, по мнению Бицилли, в историографическом плане научных идей и тезисов (например, о роли тюркского элемента в создании русской государственности и культуры и др.) в известной мере импонировали Петру Михайловичу [25. С. 52]. На первый сборник евразийцев он напечатал рецензию [20. 1922. № 1–2. С. 380–382]. Затем опубликовал (при посредничестве Г.В. Флоровского) две статьи в начальных – втором и третьем – евразийских сборниках.

Эти факты дали основания многим авторам, трактовавшим в той или иной мере темы возникновения евразийства, появления первых евразийских сборников, утверждать, что Бицилли якобы разделял основные концептуальные идеи и установки евразийцев, и даже причислять его к зачинателям и создателям евразийских доктрин [28. С. 10; 29. С. 50; 30. С. 107–108]. И лишь немногие оспаривают эти утверждения [3. С. 25–26; 26. С. 299]. Я разделяю их позицию.

Каковы же были вкратце взгляды Бицилли в опубликованных им в начальных сборниках евразийцев статьях? Первая из напечатанных в евразийских сборниках его статей – «“Восток” и “Запад” в истории Старого Света» – посвящена теме, находившейся многие годы в поле его зрения, в сфере его культурологических интересов (позже Бицилли неоднократно возвращался – по разным поводам – к этому вопросу, в том числе в специально опубликованной в 1939 г. в софийском сборнике статье). Тема эта была актуальна в культурном мире начала XX ст. Вспоминаются знаменитые строки Р. Киплинга – “...Запад есть Запад/Восток есть Восток/И вместе им не сойтись...”

В названной статье Бицилли выступает против упрощенного подхода к проблеме. Не пренебрегая контрастом в Новое время культур Западного и Востока, он призывает не упускать из виду черты их сходства. Петр Михайлович выдвигает идею необходимости нахождения путей к культурному единству (“единству в многообразии”), концепцию единства Старого Света, включающего пространство Европы и Азии, формулирует идею синхронного политического и интеллектуального развития в древности великих культурных миров. По его мнению, Евразия – не особый мир, отличный от Востока и Запада (что было центральной идеей евразийцев), а связующее Европу и Азию звено. Аналогичные, кстати, оценки мы встречаем и в изданном в 1923 г. в Белграде на сербском языке труде “Увод у светску историју” [18. С. 89–94, 100].

В другой, напечатанной в третьем евразийском сборнике, статье на общеисторическую и общекультурную тему (“Католичество и римская церковь”) Бицилли обстоятельно и весьма критически прослеживает исторический процесс становления и роста “авторитарных” и “тоталитарных” начал в католической церкви. Никаких специфически евразийских доктрин и идей в этих публикациях не наблюдается. Они свидетельствуют, что для причисления Бицилли к ос-

нователям евразийства (вследствие его участия в евразийских сборниках) по существу нет сколько-нибудь убедительных доводов.

Недавно опубликованное письмо П.М. Бицилли дополнительно подкрепляет эти соображения. В письме П.Н. Савицкому от 6 марта 1925 г. он, положительно оценивая значение духовной работы среди эмигрантов, вызванное первым евразийским сборником, вместе с тем не преминул заметить: "...Вы тогда (речь шла о выходе первого сборника. – М.Б.) затронули, но только затронули – темы громадной важности и сложности, поставили их очень остро, но и очень спорно..." [26. С. 294]. Текст письма убедительно показывает, что Бицилли в неизменно присущей ему корректной форме – по существу, дистанцируется от сформулированных уже в первом сборнике евразийских доктрин; он не склонен был им поклоняться; из последующих евразийских публикаций он еще больше удостоверился в шаткости евразийских построений и в чужеродности политических устремлений и настроений многих ведущих евразийских публицистов и идеологов. И он отказывается от участия в евразийских сборниках и вступает с ними в полемику.

Забегая несколько вперед, хочу отметить, что полемические высказывания Бицилли, одобренные одним из решительных противников евразийства с момента его зарождения А.А. Кизеветтером [18. С. 471], были вызваны прежде всего проявившейся политической, близкой к "сменовеховству", ориентацией многих сторонников евразийской доктрины. Публикации некоторых евразийцев с подчас едва завуалированными "большевистскими", славянофильскими и националистическими идеями внесли новые краски как в само евразийство, так и в отношение к нему. Выступления Бицилли с критикой евразийцев и их политических концепций позднее неоднократно повторялись. В 1925 г. он публикует в журнале "Современные записки" большую статью "Народное и человеческое" с острой критикой евразийских доктрин; в 1927 г. в том же издании была напечатана его статья "Два лика евразийства", в которой он раскрывает "...тревожное и опасное тяготение..." евразийства к большевизму (см. [10. Т. 31]; статья неоднократно перепечатывалась). Тема – "Отношение Бицилли к евразийству" – чрезвычайно важна и заслуживает целенаправленного и основательного исследования и с точки зрения уяснения историософских позиций ученого, и в плане полнейшего раскрытия противоречивого и сложного евразийского движения. Вместе с тем она явно выходит за хронологические и содержательные рамки настоящей статьи. Здесь следует в заключении лишь схематично сформулировать: отношение Бицилли к евразийцам, будучи с самого начала далеким от полной солидарности с их доктринами, видимо, все же претерпело некоторую эволюцию – она была обусловлена в значительной мере кристаллизацией политических тенденций в евразийстве.

Положение в Скопье – городе, где отсутствовали минимально необходимые для научных занятий условия, явно не удовлетворяло Бицилли и все больше тяготило его. К тому же – признавался он в письме 1922 г. к К.В. Флоровской – его "...сильно прижали в материальном отношении; а между тем теперь придется делать регулярные отчисления на посылки (матери. – М.Б.) в Одессу, где положение отчаянное" [3. С. 579]. Сказывалось все острее и ощущение интеллектуального дискомфорта: он был обусловлен тем, что почти все его друзья и коллеги, хорошо понимавшие Бицилли, находились далеко – в Париже, Берлине, Праге и других значительных центрах русского зарубежья. Со многими из них он поддерживал, правда, эпистолярный контакт (кстати, интенсивная пере-

писка Бицилли югославского периода пока обнаружена и обнаружена лишь в малой степени и в основном – в виде фрагментов из писем).

Петр Михайлович давно и настойчиво ищет более подходящее для себя место, обращаясь с запросами к знакомым коллегам в разных странах [З. С. 575–576, 580].

И снова случай помог Бицилли. В июне 1923 г. в Болгарии пришло к власти правительство А. Цанкова, опиравшееся на круги, тесно связанные с политически активной и антисоветски настроенной частью белой эмиграции. Через полтора месяца новые власти изгнали из страны руководителей прокоммунистического “Союза возвращения на родину”, действовавшего среди эмигрантов. В числе высланных был и профессор Э.Д. Гримм, возглавлявший в 1920–1923 гг. кафедру всеобщей истории университета в Софии.

По предложению авторитетного болгарского историка проф. Василя Златарского, академический совет историко-филологического факультета Софийского университета решил пригласить в качестве руководителя кафедры П.М. Бицилли. 17 октября 1923 г. Министерство народного просвещения Болгарии дало официальное согласие на избрание проф. Бицилли зав. кафедрой Софийского университета (по контракту на три года) [З. С. 582–583].

Получив уведомление об этом, Бицилли стал готовиться к отъезду. Не желая ставить в затруднение студентов и руководство университета в Скопье, он решил довести занятия там до конца семестра с тем, чтобы новый семестр начать уже в университете Софии [З. С. 583].

В январе 1924 г. Петр Михайлович Бицилли с семьей переехал в Софию. Закончился четырехлетний период пребывания ученого в Югославии. Прожитые там годы были, пожалуй, одними из самых трудных в биографии ученого, которого судьба не очень баловала. Вместе с тем югославские годы были насыщены интеллектуальными поисками и сопутствовавшим освоением некоторых новых областей гуманитарных знаний, новой тематики. На этом этапе был написан (на сербском языке) и издан в 1923 г. в Белграде сводный труд по всемирной истории, частично подготовлены опубликованные позже: новаторская книга по историческому синтезу и труд о русской поэзии; общее число публикаций за четырехлетний период составило (по неполным данным) не менее двух десятков статей, сообщений и рецензий, что заслуживало уважения. Проявив жизнестойкость, П.М. Бицилли выдержал нелегкие испытания.

Югославский период был для Бицилли в известной мере переходным, этапом адаптации к суровым условиям эмигрантской действительности. В Софии Бицилли, получив профессорский статус и соответствующий оклад, избавлявший его и семью от борьбы за выживание, пожирившей основную энергию эмигрантов, обрел в определенной мере спокойствие и внутреннее равновесие. И не замедлил взлет научных достижений. В середине 1920-х годов чрезвычайно расширился диапазон исследований ученого: он быстро осваивает новые сферы и области гуманитарных знаний. За последовавшее – после югославского – четырехлетие (1924–1927) Бицилли опубликовал три книги и полсотни статей, сообщений и рецензий (из них половина – в авторитетном журнале “Современные записки”). Они были посвящены исследованию самых разнообразных тем – не только истории и истории культуры (вопросов Предренессанса и Ренессанса, всеобщей истории – истории Европы и США, истории России, теории исторической науки, историографии, преподавания истории и др.); но и изучению проблем социологии, культурологии и литературоведения (эволю-

ции русской поэзии, темам пушкинистики, лермонтоведения, чеховедения, творчеству И. Тургенева, Ф. Достоевского и Л. Толстого), вопросам русского и общего языкознания и др. Немногие из многочисленных гуманитариев большой русской диаспоры могли продемонстрировать подобные успехи. Обнаруженные преимущественно в русско-эмигрантской и болгарской периодике значительные научные исследования Петра Михайловича Бицилли остались во многом не востребованными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Попова Т.Н.* Из истории историографии: П.М. Бицилли: К 120-летию со дня рождения. // Российские университеты в XVIII–XX веках. Сборник науч. статей. Воронеж, 2000. Вып. 5.
2. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953) // Славяноведение. 1997. № 4.
3. *Бицилли П.М.* Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии. М., 2000.
4. Переписка автора с дочерью П.М. Бицилли Марией Петровной Бицилли-Мещерской (архив автора).
5. Архив университета Скопье (Македония).
6. Отчет “гонорарного профессора” П. Бицилли в Совет философского факультета Скопье от 22 VI 1922 (копия в архиве автора).
7. Письмо внучки П.М. Бицилли Елизаветы Петровны Ивановой-Аначковой автору от 5 III 1997 г. (архив автора).
8. Русская книга. Берлин, 1921.
9. *Велева М.* П.М. Бицилли в Софийския университет // Минало. София. 1995. № 1.
10. Современные записки. Париж. 1925.
11. *Пашуто В.Т.* Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992.
12. *Журавлев В.К.* Петр Михайлович Бицилли: Возвращение из забвения // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. М., 1997. Т. 56. № 2.
13. Переписка автора с племянницей П.М. Бицилли Татьяной Илларионовной Певцовой (архив автора).
14. *Бицилли П.* Избранное. Историко-культурологические работы / Сост. и коммент. Т. Галчевой, Г. Петковой и Х. Манолакева. София, 1993.
15. *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли как историк культуры // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994.
16. *Бицилли П.* Очерци върху теорията на историческата наука. София, 1993.
17. *Бицилли П.* Очерки теории исторической науки. Прага. 1925
18. *Бицилли П.* Увод у светску историју. Београд, 1923.
19. *Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы – эмигранты в Болгарии 1920–1930-х годов // Новая и новейшая история. М., 2002. № 1.
20. Русская мысль. София; Прага; Берлин, 1921–1923.
21. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли – пушкинист // После юбилея. Иерусалим, 2000.
22. Георгий Флоровский: Священнослужитель, богослов, философ. М., 1995.
23. *Петкова Г.* Хроника литературной жизни русского зарубежья. Болгария. (1919–1940) // Литературоведческий журнал. М., 2003. № 17.
24. *Топоров В.Н.* Николай Сергеевич Трубецкой // Советское славяноведение. 1990. № 6; Славяноведение. 1991. № 1.
25. *Соболев А.В.* Своя своих не познаша: Евразийство // Начала. М., 1992. № 4.
26. *Каганович Б.С.* К теме: “П.М. Бицилли и евразийцы” // Диаспора. II. СПб., 2001.
27. *Хоружий С.* Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // Начала. 1991. № 3.
28. *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии / Сост. и коммент. В.П. Вомперского и И.В. Анненковой. Ред. и пред. В.Н. Ярцевой. М., 1996.
29. *Димитрова М.* Евразийската культурологична мисъл в България // Болгарская русистика. София, 1993. № 2.
30. *Дьяков В.А.* О научном содержании и политических интерпретациях историософии евразийства // Славяноведение. 1993. № 5.

© 2005 г. Ф. ФИЧИ

АРХИВ Н.Н. ДУРНОВО В ПРАГЕ (Материалы по истории славистики 1924–1927 годов)

В славянской секции (Slovanská Knihovna) Пражской Государственной Библиотеки “Clementinum” хранится драгоценный материал о жизни и деятельности в чехословацкой столице, начиная с 1918 г., и особенно в 1921–1928 гг., выдающихся русских славистов¹. В те годы Прага занимала центральное место в обмене идеями между специалистами из разных стран Центральной и Восточной Европы. Создание и деятельность Пражского лингвистического кружка в 1926 г. является особенно ярким проявлением этой научной деятельности. Среди его основателей были не только выдающиеся чешские лингвисты Гавранек и Матезиус, но и молодые русские ученые Р. Якобсон и П. Богатырев, которые сумели сочетать языковедение с такими отраслями науки, как литературоведение и этнология. Вместе с этими учеными трудились такие выдающиеся слависты, как Н.С. Трубецкой, который тогда жил в Вене, но часто бывал в Праге, А. Белич в Белграде, Ю. Фасмер в Берлине, А. Мейе в Париже. В 1923–1926 гг. были основаны четыре славистических журнала: “Slavia” (Прага), “Југословенски филолог” (Белград), “Revue des Etudes Slaves” (Париж), “Zeitschrift für Slavische Philologie” (Берлин).

Среди русских лингвистов, живших в те годы в Праге, значительную роль играл Николай Николаевич Дурново. Он приехал в столицу Чехословакии во второй половине 1924 г. благодаря помощи Р. Якобсона, которому удалось выпросить для него у советских властей командировку, и оставался там до конца 1928 г. По всей вероятности, он надеялся выписать семью из СССР и остаться за границей. Это были трудные, иногда драматические годы, которые его неспособность справиться с бытовыми проблемами делала еще более драматичными. Николай Николаевич так и не смог приспособиться к новой эпохе. Ему явно хотелось лишь одного: вернуть себе то, что было до революции, “второй раз войти в ту же воду”, пишет о нем В.М. Алпатов [2. С. 214]. Но эти годы были очень плодотворными с точки зрения лингвистической науки; об этом свидетельствуют не только многочисленные работы, но и письма, которые Дурново получал во время добровольной ссылки в Чехословакии.

Фичи Франческа – профессор Флорентийского университета.

¹ О широком характере помощи русским беженцам и об организации “русской акции”, во главе которой стоял министр иностранных дел молодой Чехословацкой республики Э. Бенеш, см. [1].

В архиве сохраняются письма, полученные им в 1924–1927 гг. К сожалению, писем самого Николая Николаевича там нет. Не исключено, что эти письма находятся в архивах адресатов, если они еще существуют. Тем не менее они не публиковались ни в [3], содержащем пять писем Н.С. Трубецкого к Дурново, ни в [4], где были помещены 22 письма Р. Якобсона к нему. Дурново много писал, так как отправители очень часто ссылаются на его предыдущие письма.

Отсутствие писем Дурново не снижает значимости архива, так как то, что ему писали корреспонденты, часто относилось к его идеям; кроме того, их письма представляют собой драгоценные фрагменты, позволяющие восстановить сложную мозаику русской славистики в СССР и в эмиграции.

Из 404 документов из архива Дурново для 14 писем невозможно определить отправителя. Документы собраны в папки [5. Т-А 0820–Т-А 0931], систематизированные по фамилиям отправителей в алфавитном порядке. Большинство из них не были опубликованы. Составляют исключение письма Якобсона и Трубецкого [3–4].

Некоторые папки состоят из одного, двух или трех документов, в других – их гораздо больше. Из последних, упомянем здесь письма П.Г. Богатырева, в то время жившего с семьей в Праге (17), Л.А. Булаховского (17), И.Г. Голанова (20), А.Н. Гвоздева (8), Г.А. Ильинского (15), С.И. Карцевского (9), С.М. Кульбакина (22), Б.М. Ляпунова (9), С.П. Обнорского (19), М.Н. Петерсона (3), А.М. Пешковского (6), А.М. Селищева (21), М. Фасмера (21). Научные обсуждения в них относительно редки, зато из них можно узнать об условиях жизни ученых².

В архиве не сохранились письма членов семьи, но, судя по тому, что писали Дурново Якобсон, Богатырев, Пешковский, Голанов, видно, что жена и дети всегда занимали центральное место в мыслях ученого. Видимо, Дурново решил вернуться в СССР после того, как “инстанции” отказали выдать семье паспорта для выезда.

Темы, затронутые в письмах к Дурново, можно сгруппировать следующим образом: письма личного характера; письма, относящиеся к поиску постоянного места работы, сначала в Чехословакии, потом в СССР; письма, касающиеся научной жизни, особенно в СССР, и письма, относящиеся к научным позициям Дурново и других лингвистов.

Среди писем личного характера особенно интересными являются содержащие сведения о семье Дурново, сообщенные коллегами из Чехословакии и СССР.

Как мы уже упоминали, Дурново выехал в четырехмесячную командировку в Чехословакию с намерением вызвать семью и устроиться за границей³. Но все оказалось сложнее, чем ожидалось. С одной стороны, советское правительство, несмотря на хорошие отношения, существовавшие тогда с Чехословакией, отказывалось выдать паспорт жене и детям Дурново; с другой стороны, найти вакантную кафедру в одном из чехословацких университетов оказалось делом совсем не простым.

² О роли эпистолярного наследия для раскрытия не только научной деятельности, но и разных сторон материальной жизни славистов, см. [6].

³ О неосуществимости в данных условиях таких планов Н.М. Сперанский писал В.М. Истрину еще 13 июля 1924 г.: “Это очередная фантазия нашего чудака” (ср. [6. С. 170]).

В письме от 19 ноября 1924 г. Якобсон сообщал о семье Дурново: «Вчера Соня⁴ была у Надежды Филаретовны⁵. Говорили недолго... В субботу обещали к нам заходить. Тогда поговорим подробнее. Ваши здоровы, ждут паспорта. В соответствующих учреждениях Екатерине Евгеньевне все время отвечают: “Придите завтра...”, так как неизвестно, получили ли паспорт или нет. Над. Фил. боится как бы, судя по имеющимся московск. настроениям, не было отказа. Но это только ее мнение, пока намеков на отказ не было. Экономическое положение ваших не блестящее. Недостаточна одежда. Ек. Евг. взяла ребят из школы. Вообще в Москве все тусклое. Яр. Францевич⁶ приехал из Москвы, по словам Над. Фил., мрачным пессимистом. Вчера Соня получила письмо от своих – очень мрачно: кто умирает, кто болен, кого выкинули со службы, кого арестовали. Денег ни у кого нет, и все просят» [5. Т-А 0849/3816].

В письме от 27 января 1925 г. Р. Якобсон сообщал: “...получил письмо от Ек. Евгеньевны, сообщает о вторичном отказе в паспорте, спрашивает, как быть. Я просил ее сообщить мне по возможности обстановку отказа и подробности хлопот..., так как иначе отсюда невозможно советовать, а моя интервенция может только попортить, в этом я на днях имел случай убедиться. Положение создалось у Вас конечно трудное; жду от Вас сведений, что решил Брн. Университет, п.т. сейчас в этом центр тяжести” [5. Т-А 0849/3817].

Приблизительно в то же самое время П. Богатырев писал о семье Дурново: “Я, кажется, Вам не писал, что Папоушек не вполне уверен, что Вашу семью можно будет выписать против воли сов. правительства, даже после принятия Вами чешского подданства” [5. Т-А 0822/3710].

Но, вероятно, семья не теряла надежд, поскольку 3 июня 1925 г. Р. Якобсон отправил Дурново открытку: “Не знаю какой путь дешевле, но думаю, что морской, в частности меньше виз, а также хлопотных пересадок. Соня сегодня писала Евгении Николаевне и рекомендовала ей этот путь. Я в свое время приехал из Ревеля через Штеттин. Балтийское море летом спокойно и на пароходах прилично кормят” [5. Т-А 0849/3820].

С деньгами в семье Дурново всегда было трудно, несмотря на то, что опубликованные книги и учебники должны были дать финансовую поддержку (только в 1924 г. вышли три книги). А.М. Пешковский 30 апреля 1925 г. сообщал, что передачи из Чехословакии не приходят в Москву из-за каких-то технических трудностей: “...Вчера у меня был Андрюша и занял 10 руб., а это конечно хватит (по его словам, посланных Вами денег они получить не могут, так как перепутано имя Вашей супруги, и деньги пойдут к Вам назад)” [5. Т-А 0882/3963].

И.Г. Голанов, секретарь Московской диалектологической комиссии, не раз встречался с Андрюшей Дурново, старшим сыном ученого, и иногда бывал у Екатерины Евгеньевны. Его письма к Дурново касаются в большинстве случаев поручений Андрюше заняться распродажей книг отца. Судя по письмам, распределение и обмен книг требовали немалых денег и сил. Прежде всего, нужно было заниматься библиотекой Дурново в Москве, по поводу которой ученый не дал точных указаний. Не исключено, что, в первое время, он даже

⁴ Соня Николаевна Фельдман – первая жена Р. Якобсона.

⁵ Надежда Филаретовна Мельникова-Папоушкова, жена Ярослава Папоушека, чешского историка и дипломата.

⁶ Речь идет о Ярославе Папоушеке.

рассчитывал на какое-нибудь подходящее помещение, где можно было организовать настоящую библиотеку. Об этом можно догадаться из письма И.Г. Голанова от 24 октября 1924 г.: «С квартирой, конечно, ничего не вышло: слишком уже надо быть простаком, чтобы в наше время надеяться получить прекрасное помещение, или надо наоборот уметь найти “все ходы”, что легче было сделать вам. Аргумент о библиотеке они считают совершенно неуместным» [5. Т-А 0837/3753].

О библиотеке Дурново Голанов упоминал и в предыдущем письме: “Как прикажете поступить с Вашими книгами? Может быть, уж желаете их продать нашему кабинету⁷. В таком случае сообщите (по прилагаемому списку) какие и по какой цене. В случае положительного ответа половина пошла бы Ушакову, половина мне впрямую [уплаты] долга.

О других делах сообщить можно мало: Ушаков еще в отпуске по 5 сентября, Петерсон недавно вернулся из Парижа, Селищев только что приехал, но я его не видел. Всего лучшего. Ваш И. Голанов (Трубная площадь)” [5. Т-А 0837/3752].

В приложении Голанов дает список находившихся у него книг Дурново:

- 1) Dauzat, La geographie linguistique 200
- 2) Meyer. Russische hictorische Grammatik
- 3) Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven
- 4) Miklosić. Lexicon
- 5) De Saussure. Linguistique générale
- 6) Nachtigall. Akzentbewegung in der Russ. Formen Wortbildung
- 7) Meillet. Les langues dans l’Europe nouvelle
- 8) Meillet, Introduction a l’étude comparative des langues indo-européennes
- 9) Zoś. Gram. Starosloviańska
- 10) Niederle. Manuel de l’antiqu. Slaves
- 11) Мсерианц. Этюды по армянской диал.
- 12) Meillet et Vaillant. Gramm. de la langue bslando-kr.
- 13) Keller. Das Asyndeton in den Balto-Slav.
- 14) Hujer. Úvod do dějin jazyka českého
- 15) Časopis... 2 k.
- 16) Revue
- 17) Slavia” [5. Т-А 0837/3752].

Другие книги, которые были нужны Дурново для работы или с которыми он не хотел расставаться, ученый взял с собой в Чехословакию.

В своих письмах Голанов дал обстоятельную информацию, кому и сколько экземпляров он отдал, сколько было заплачено за книги и сколько передано А. Дурново. Но речь идет не только о книгах. В письме от 20 октября 1924 г., вероятно написанном в ответ на предложение Дурново, Голанов сообщает: “Протоколы Комиссии я могу переписать и прислать заказным (не через Комиссию по Контролю, т.к. это очень сложно), но при условии, если они будут действительно напечатаны, т.к. иначе не стоит трудиться” [5. Т-А 0837/3771].

⁷ Речь идет о Лингвистическом кабинете, для которого, как пишет Голанов в том же самом письме, “деньги отпускаются”. В письме от 22 сентября 1925 г. Голанов писал: “Часть книг мы купили для Лингвистического кабинета, за них получила Е.Е. 17 рублей и в дальнейшем думаю небольшими группами пересматривать Ваши книги и оплачивать за них деньги Е.Е. примерно по той расценке, о которой Вы говорите” [5. Т-А 0837/3960].

Видимо, проект не осуществился (или осуществился частично), так как в журнале “Slavia” (1925. № 3/4) вышел лишь отчет о деятельности комиссии за 1904–1924 гг.

Ввиду трудностей с получением научных материалов из-за границы, московские коллеги неоднократно обращались к Дурново с просьбой прислать книги и журналы. А.М. Пешковский, с которым Николай Николаевич был в близких отношениях со времени посещения занятий Ф.Ф. Фортунатова, 30 апреля 1925 г. просит прислать ему статью Ш. Балли, необходимую, чтобы “отругиваться” после того как против него появилась “ругательная статья” в журнале “Вестник Просвещения”:

«В настоящую минуту у меня к Вам огромная и спешная просьба. Дело в следующем: Упомянутые Вами номера “Journal de Psychologie normale et pathologique” XVIII-me, Année N.8–9, Paris 1921, Numero exceptionnel в Москве нет (в Ун. Б-ке. – не нашли). ... Она мне до зареза нужна» [5. Т-А 0882/3963].

В письме от 30 декабря 1924 г. он просил:

“Не можете ли Вы мне вкратце сообщить содержание той статьи Bailly, о которой Вы писали? В Ун-ской библиотеке этого журнала нет, и меня удивляет фраза, что Вы раньше в Москве не обращали на него внимание” [5. Т-А 0882/3961].

Другие просьбы касаются журналов “Slavia” и “Zeitschrift für Slavische Philologie”, где в те годы Дурново часто печатался и к которым, по мнению лингвистов, оставшихся в СССР, он имел доступ.

Другая тема, затрагиваемая в письмах, касается поиска кафедры, сначала в Чехословакии, а потом, когда выяснилось, что семья Дурново не получит паспортов на выезд, в СССР.

О трудоустройстве в Чехословакии Дурново стал заботиться сразу же после выезда из СССР с научной командировкой⁸. Рассчитывать можно было главным образом на два университета – в Братиславе и Брно. Вот что по этому поводу Р.О. Якобсон писал в письме 19 ноября 1924 г.: “На Братиславу надежды плохи. Мой совет (если можно советовать): нажмите всячески на Брненских профессоров, особенно Вондрака, и дождитесь затем решения факультета. В случае отрицательного решения немедленно изложите все Кулбакинову и Беличеву и проситесь в Сербию, так как на Прагу, а по-моему и на Братиславу, надежды нет. Если квартиры не нашли, то пока бросьте искать и найдите временно дешевую комнату, где и выжидайте решения факультета. И Нцјег и Мирко считают, что Вам необходимо это время быть в Брне для нажима. А затем, в случае отрицательного ответа перебирайтесь в Прагу, предупредив нас, чтобы могли подыскать Вам комнату” [5. Т-А 0849/3816].

Богатырев писал (дата не указана, но письмо должно относиться к концу 1924 г.): “Дорогой Николай Николаевич, сегодня видел Вайнгарта⁹ и говорил о Вашем деле. Он мне сказал, что в Братиславском университете всего два студента, специализирующихся по русскому языку. Погорелов занимает кафедру русского языка и словесности. Вайнгарт говорит, что о трудности устроиться вам в Братиславе говорит и Погорелов¹⁰.”

⁸ Речь идет о диалектологической экспедиции в Закарпатье, для изучения русинских диалектов. Для этой экспедиции Дурново получил от министерства иностранных дел Чехословакии 8000 крон (см. [5. Т-А 0875/3930-3932]).

⁹ М. Вайнгарт – чешский лингвист.

¹⁰ В.А. Погорелов начал преподавать в Братиславе в 1924 г. О трудности в подыскании места для другого слависта, см. [5. Т-А 0887/3976-3985].

Вайнгарт считает, что Вам легче устроиться в Брно.

I) Там больше студентов, чем в Братиславе

II) Виленский занимает кафедру только русской литературы.

Сегодня видел Панушка и сообщил ему, что Министерство Просвещения ничего не будет иметь против Вашего назначения, если Мин. Иностр. Дел будет оплачивать Ваш гонорар. К сожалению, он был сегодня страшно занят, и я не мог с ним как следует поговорить ...” [5. Т-А 0822/3710].

Как известно, Дурново удалось получить место в Университете “Масарик” в городе Брно, на философском факультете. Здесь в 1927 г. вышло его “Введение в историю русского языка”. Тем не менее, выяснив, что семья не сможет уехать за границу, он начинает хлопотать о том, чтобы вернуться на родину. Для этого ему необходимо получить подходящее место, но статус “невозвращенца” затрудняет поиск кафедры. Поэтому коллеги стараются найти какое-нибудь официальное оправдание того факта, что он так задержался после командировки.

31 марта 1926 г. Ефимий Федорович Карский пишет ему из Ленинграда, на бланке Академии Наук: “Многоуев. Николай Николаевич! В сегодняшнем заседании Отделения постановили предложить Вам командировку на год. О том, как поступит Президиум, Вам будут сообщать ... Что касается Вашего желания устраиваться у нас в Академии, то у меня есть некоторые предложения, но сейчас нет свободных вакансий.

Во второй половине мая я предполагаю быть в Праге, и если увидимся с Вами, то поговорим о Вашей судьбе” [5. Т-А 0858/3863].

Не раз в письмах упоминается возможность получить кафедру в одном из советских университетов. Что касается кафедры русского языка в Воронеже, то речь в ней шла, видимо, еще до отъезда Дурново, поскольку в письме от 30 декабря 1924 г. А.М. Пешковский писал ему: “На днях же выяснилось одно обстоятельство, о котором я уже должен¹¹ Вам написать немедленно. Дело в том, что я еще летом говорил о Вас с Плотниковым (во время заезда своего в Курск), который получил кафедру методики русского языка в Воронеже. ... Затем я получил от него из Воронежа письмо, что декан их факультета, некто Чунч (молодой лингвист), также крайне удивлен Вашей профессорской занятностью и высказывал опасение, что причина этому... политическая и что, если они Вас пригласят, Главпрофобр опротестует. Я рассеял их опасения” [5. Т-А 0882/3961].

О возможности получить место в Воронеже А.М. Пешковский косвенно упоминает также в письме от 27 августа 1926 г.: “В каком положении Ваши переговоры с Воронежем? Я позволю себе только в том случае послать заявление в Воронеж, если Вы мне напишите, что у Вас это дело окончательно рассматривалось, в том ли смысле, что выяснилось невозможность поступления Вашего туда, или в том случае, что Вы прекратили сношения по этому делу” [5. Т-А 0882/3964].

Как сам Пешковский писал в том же самом письме, из-за финансовых трудностей («блестящее начало “Нашего Языка” дало мне возможность развернуть *train* [sic] моей жизни до 500–600 рублей в месяц, сейчас “свернуть” его обратно к 200 рублям почти невозможно»), у него возникла идея “гастроли-

¹¹ Здесь и далее подчеркнуто А.М. Пешковским.

ровать”, то-есть подрабатывать, читая лекции по лингвистике в разных университетах.

“Единственный способ поднять такой вопрос в Правлении (или в Фак. совете, если он существует) это – подать заявление. При этом я совсем не разделяю Вашей щепетильности по отношению к возможному отказу: отказ был бы обиден при иной постановке дела, при теперешней же чисто бюрократической по мнению одних и разумно централизованной по мнению других конструкции ВУЗов отказ столь же мало обиден, как отказ в любом учреждении относительно любой должности. Все это я пишу в надежде, что Вы со мною согласитесь и пошлете сами заявление, так как по-прежнему хотел бы, чтобы сперва попытали счастья Вы, а я – только в случае отказа Вам. Кроме того, должен Вам сообщить, что в Пермском Ун-те вся лингвистика представлена одним Гиппиусом. Ездить туда 18 часов, а если Вас возьмут в Воронеже, я собираюсь толкнуться с заявлением в Пермь. Итак, жду от Вас определенного ответа насчет Ваших отношений с Воронежем и насчет Вашего отношения к Перми и Воронежу” [5. Т-А 0882/3964].

В Пензе уже находился А.Н. Гвоздев, который 15 февраля того же года писал Дурново: “Живу пока в Пензе, но считать свое житье здесь окончательным не хотел бы. Тягостно быть в полном одиночестве: ни людей, ни книг. Почти ни за какую работу нельзя взяться. Но относительно переезда в Москву не имею ничего определенного, кроме желания. Предпринимавшиеся мной попытки кончились неудачей, и никаких новых возможностей пока нет” [5. Т-А 0840/3776].

О возможности Дурново (не ясно насколько реальной) получить место в Воронеже упоминается и в письме от 28 ноября 1925 г. из Харькова молодого лингвиста М.И. Корнеевой-Петрулан: “Прежде всего желательно, чтобы преподаватели университета жили в Воронеже. Раньше к этому вопросу относились безразлично, но теперь учли, что это вредно отражается на общей постановке дела. На вопрос, согласитесь ли Вы жить здесь, я ответила, что не знаю, т.к. не говорила с Вами вообще по этому поводу, но думаю, что да. Гораздо острее стоял вопрос, почему Вы находитесь сейчас вне России, т.е. как могло создаться такое положение, как Вы, как Вы – ученый с именем, огромными знаниями и пр. не захотели (или не могли?) работать здесь ... Ставка здесь 6 ч. – 80 р. Но у Вас, конечно, будет больше 6 ч. А за 12 ч. будет 160” [5. Т-А 0862/3871].

3 декабря 1925 г. Корнеева-Петрулан писала: “У меня мелькала даже такая мысль, не выставить ли Вам свою кандидатуру на Украине, именно в Харькове. Там теперь нет профессора по русскому языку... В Харькове только трудно теперь работать, т.к. там украинизация, но зато там лучше оплата” [5. Т-А 0862/3872].

Как известно, возвращение в СССР состоялось только в 1928 г.¹² после бесконечной переписки между “Центром” и белорусскими академиками. Весьма вероятно, в этом возвращении немаловажную роль сыграл академик Карский. Но фактически инициативу возвращения взял на себя украинист П. Бузук, давний знакомый Николая Николаевича. 24 октября 1927 г. он писал Дурново: “Теперь обращаюсь к Вам с одним официальным предложением. Не согласились ли Вы приехать в Минск для научной работы в институте

¹² В это время Н.Н. Дурново обратился и в Рижский университет, но там, судя по письму латышского лингвиста Ендцелиуса, свободного места для слависта не оказалось.

Белорусской культуры в Бел. Ак. Наук. Вас хотят просить взять на себя кафедру ист. бел. языка (каф. истории Белорусии заведует проф. Пичета¹³). Оклад назначен Вам 270 р. Кроме того, если бы Вы захотели, Вы смогли бы получить в Университете лекции. Условия неплохие” [5. Т-А 0826/3736].

Об этом приглашении Дурново 2 ноября 1927 г. сообщает Ляпунову с чувством облегчения, хотя и с неполным удовлетворением. Время тянется слишком медленно. Дурново пишет длинные, полные опасений письма то Бузуку, то Ляпунову (см. [7]). Наконец в начале февраля 1928 г. Дурново прибыл в Минск и был избран членом Академии наук Белоруссии¹⁴.

В годы пребывания в Чехословакии Дурново активно участвовал в научной жизни славистов Европы. Пока советская лингвистика уходила с международной сцены, в европейских университетах открывали кафедры славистики и выпускали новые журналы. В эти годы работы Дурново печатались в журналах “Slavia”, “Zeitschrift für slavische Philologie”, “Југнословенски филолог”, но выходили и в советских изданиях, в частности в журнале “Родной язык в школе”. В 1924 г. в СССР вышли три книги: “Грамматический словарь”, “Очерк истории русского языка”, “Повторительный курс грамматики русского языка”, а также статьи о формальной грамматике. В журнале “Revue des Études Slaves” (№ 4) вышла статья “La catégorie du cas en russe moderne” по теории формальной грамматики, а в “Југословенски филолог” и “Slavia” – работы о старославянском языке, не считая многочисленных рецензий. В 1925 и в 1926 гг. его работы печатались почти исключительно в этих журналах. В 1927 г. в Брно выходит одна из его капитальных работ “Введение в историю русского языка” (см. библиографию в [8]).

Совершенно очевидно, что Дурново принадлежит центральное место в научной жизни тех лет. Об этом свидетельствуют и письма Трубецкого и Якобсона (см. [3–4]). 27 января 1925 г. последний писал:

«Получил письмо от Трубецкого. Он очень просит о присылке “Очерка”, п.ч. на днях будет делать корректуру своей статьи для 2-й книги “Zeitschrift” и хочет внести на основании “Очерка” поправки и дополнения» [5. Т-А 0849/3818].

Положение славистики и лингвистики в СССР становится все более и более трудным. Не говоря о том, что все заняты поиском материальных средств для семьи и для науки. Об этом свидетельствуют, в частности, письма А.М. Пешковского, который вместе с Карцевским, Дурново и Петерсоном был последователем теории Ф.Ф. Фортунатова о форме слова. Дело в том, что в СССР в те годы шла кампания по ликвидации неграмотности, и изучение лингвистики мало-помалу заменялось исследованиями в области методики преподавания русского языка. Не исключено, что именно поэтому Дурново долго сомневался в целесообразности возвращения на родину.

3 апреля 1925 г. Пешковский сообщал ему: “Два человека предложили мне дать “грамматическую рецензию” “плодам их грамматической музыки” (=учебникам), а я возьми да и согласись. А потом, когда уже вошел в работу, оказалось, что у них не учебники, а куча мусору, и вот приходится мне выдумывать для каждого из них учебник так, чтобы с одной стороны не походили они на мой, а с другой стороны отражали их стиль и их потуги (которые еле

¹³ В.И. Пичета был ректором Минского университета.

¹⁴ По всей вероятности, найти место при Академии Наук оказалось проще, чем в университете, тем более, что Дурново был членом-корреспондентом РАН с 1924 г.

различить можно). Беда! А тут еще переработка (3-я по счету, по требованию Гуса) “Нашего Языка”, корректуры племянника (2, один за другим), Булаховский, журнальные статьи, полемика (см. ниже)... Словом попал в совершенно несвойственный мне (но обязательный, надо прибавить, для каждого интеллигента у нас сейчас) водоворот”.

Письмо заканчивается приветом и следующей фразой: “Слышал кое-что о Ваших научных работах. Счастливцев! Нам приходится заниматься учебниками” [5. Т-А 0882/3963].

К проблемам, связанным с учебником “Наш язык”, Пешковский возвращается в письме от 26 августа 1926 г.: “Простите великодушно за поздний ответ. Жизнь так незадачливо складывается (в последнее время и у меня также, см. ниже), что трудно поддерживать регулярную переписку. Все эти три месяца я был занят главным образом изысканием средств к существованию, так как “Наш Язык” окончательно вытеснен книгой Фридлянд и Шал., службы у меня нет, а семья моя насчитывает сейчас 5 членов” [5. Т-А 0882/3964].

Судя по письмам Пешковского и других ученых, большинство их было занято поиском места и дополнительных часов в периферийных университетах, где открылись новые кафедры русского языка. Но ко всему этому Дурново, видимо, относится с щепетильностью, по крайней мере до того момента, когда ему стало окончательно ясно, что “центр” отказывает ему в кафедре, соответствующей его научному уровню (речь не идет об академической степени, так как у Дурново долго не было профессуры)¹⁵.

Часть корреспонденции Дурново посвящена научным дискуссиям. Он был самым верным учеником и последователем Ф.Ф. Фортунатова. Теория о форме слова находилась в центре внимания и Николая Николаевича. Об этом свидетельствуют, в частности, его статьи о категории склонения в русском языке (“*De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne*” [9. 1922. № 3–4. Т. II]), о категории рода в современном русском языке (“*La catégorie du genre en russe moderne*” [9. 1924. № 3–4. Т. IV]), “В защиту логичности формальной грамматики” (1923) и статьи в “Грамматическом словаре” (1924). Кроме того, на основе научной, формальной грамматики были написаны несколько рецензий на работы о русском синтаксисе, в частности, рецензия “Что такое синтаксис” на учебник М.Н. Петерсона “Очерк синтаксиса русского языка” [10. 1923. № 4]. На третье издание “Русского синтаксиса в научном освещении” А.М. Пешковского (1928) Дурново ответил пространной полемической статьей, опубликованной в [11]¹⁶. Мы не будем затрагивать последнюю, так как она выходит за рамки исследуемого периода, и ограничимся тем, что А.М. Пешковский писал 1 марта 1925 г. Дурново о его рецензии на работу

¹⁵ О неспособности Дурново справляться с материальными трудностями свидетельствует и то, что писал из Белграда 18 марта 1927 г. югославский славист Д. Анастевич. “По моему сожалению уже поздно... доставить Вам карточку для железной дороги” [5. Т-А 0820/3693]. 29 марта 1927 г.: “Членского билета Вам не надо, потому что я уже считал Вас членом съезда, и мы будем Вас считать здесь членом. Едва ли нужно сказать Вам сколько глубоко я жалею, что невозможно мне в так поздние моменты сделать для одного русского коллеги и брата что сделано было мною для 300 конгрессистов” [5. Т-А 0820/3694]. Речь идет об участии Дурново в конгрессе византистов в Белграде.

¹⁶ О других работах и рецензиях, основывающихся на формальной грамматике, см. библиографию в [8].

Петерсона: «Я очень доволен, что Вы более строго стали относиться к “Очерку” Петерсона, хотя нахожу это Ваше отношение все еще слишком снисходительно. Так, Вы пишете, что в критике “системы” Петерсона можно не останавливаться на понятиях сказуемости и фразы, так как это “другой отдел”. Но можно ли без этого отдела построить систему синтаксиса? Думаю, что нет, так как это отдел основной: без него нельзя добраться до самых понятий склонения, спряжения и изменения в роде, на которых основана Петерсонская классификация. Что это есть классификация флексии, я с Вами согласен, но Петерсон с равным правом возразил бы Вам, что это есть классификация слов по флексиям. Основная его мысль та, что всякая классификация слов должна происходить либо только по флексиям (формы слов), либо только по внутренним суффиксам и префиксам (формы основ), причем, если бы он над этим задумался, он бы, конечно, разделил последнюю рубрику, на: а) классы по внутр. суффиксам, б) кл. по префиксам, (в) по инфиксам)¹⁷. Но что значит делить по флексиям? Очевидно, по значениям флексии, т.к. после деления по звукам (слова с флексиями на а, о и т.д. односложным, двусложным и т.д.) и деления по значениям этих звуков *tertium non datur*. Он и делит, по-видимому, по значениям, судя по его заявлению (в № 8 “Родн Яз. в школе”), что “падеж” прилагат. и “падеж” сущ-ного – две совершенно различные формы, лишь случайно зовущие с одним именем. Вряд ли он тут имеет в виду только звуковую разницу между этими формами (которую можно даже и отрицать, приняв ‘портной’ за простое сущ-ное, как это делаете Вы). Но вот беда, основываясь на значениях флексии, он категорически отказывается их определять или хотя бы описывать, а считает, что на них можно только указывать. Я считаю такую точку зрения совершенно ненаучной, т.к. простое указание, хотя и необходимо бывает для науки, но ни в каком случае не может лечь в основу классификации указанных предметов. Что Вы об этом думаете? Раньше Вы утверждали, что П. не обязан давать этих определений или описаний в синтаксисе. С этим я тоже не согласен, но если даже согласиться с этим, то теперь после его утверждения, что такие определения и описания по существу дела невозможны (см. его “Пособие” со странной ссылкой на мой “Наш язык” как на научную книгу), ожидать их от него не приходится. А в таком случае где же “система”? Что касается Вашей классиф., то она вплотную подходит и к моей, как я ее сам провожу в 3^{ей} ч. “Наш. Языка” и надеюсь весной провести в переработанной “Русск. с.. в. н. о.” и к классиф. Карцевского. Но П. заявил бы, что она ненаучна вследствие отсутствия *fundamenti divisionis*. Очевидно, тут вопрос в методах. Естественное все построено на таких именно синтетических заявлениях (виды и роды, напр., прямо устанавливаются по общему *habitus’u*)¹⁸. Почему нам этого нельзя? Об этом тоже хотелось бы знать Ваше мнение.

Особенно я доволен тем, что Вы признали, что П. говорит не о “функциях” словосочетаний в целом, а исключительно об их лексической стороне» [5. Т-А 0882/3962].

Научные и не только научные отношения между последователями теории о форме слова Фортунатова (в частности между Пешковским и Петерсоном), должно быть, не всегда были простыми. Не исключено, что на критику

¹⁷ Так в тексте письма.

¹⁸ “С помощью теории эволюции эти классы функции правда делаются генетическими. Но неужели до Дарвина они были ненаучны?” (сноска А.М. Пешковского).

Пешковским книги Петерсона влияло то, что сам Петерсон написал в “Очерке синтаксиса русского языка” о “Русском синтаксисе в научном освещении”. В частности, упрек Петерсона Пешковскому состоял в том, что после обстоятельного изложения синтаксиса по принципам формальной грамматики автор приспособлял эти принципы к системе Потетбни [12. С. 20–21]. С другой стороны, не исключено, что в основе этих критических наблюдений была сложность применения на практике фортуназовских принципов.

Научное наследие Фортунатова затрагивается и в трех письмах Петерсона Дурново. Речь, в частности, шла о возможности издать книгу о Фортунатове:

“Не думаете ли Вы, что была бы полезна работа о Фортунатове, которая, дав биографические данные, изложила бы результаты важнейших его работ и научное их значение? У меня много раз являлось желание проделать эту работу, но думаю, что лучше это было бы сделать более близким ученикам Фортунатова, прежде всего Викт. Карцевскому. Не знаю, есть ли у него такое намерение. Буду писать, спрошу. Если нет, буду опрашивать других Ф-ских учеников – Вас, Дм. Н. Ушакова. Если у Вас и у Дм. Н. не окажется такого намерения, почту своим долгом приняться вплотную за работу” [5. Т-А 0883/3969].

Надо признаться, что и Петерсон в своем “Очерке”, и А.М. Пешковский в “Русском синтаксисе в научном освещении” (особенно в первых двух изданиях), не говоря о Дурново, многократно писали о теории Фортунатова. Но их попытки приспособить теорию о форме слова к практике учебников не увенчались успехом. Самое последовательное толкование этой теории дал другой его ученик, С.И. Карцевский, в “Пособии для старших классов средней школы”, рецензируемом Дурново в [10. 1926. № 10]. Об этом учебнике Петерсон писал Дурново: «Он начинается определением от “формально-грамматической школы” и в то же время опирается на Де Соссюре. Вы, кажется, прислали рецензию на эту книгу в “Родном языке”. Интересно будет прочесть» [5. Т-А 0883/3968].

Видимо, и Карцевский был занят подготовкой учебно-методического материала. Не исключено, что Дурново просил его написать рецензию на свой “Повторительный курс грамматики русского языка”, вышедший в Москве в 1924 г. Но под разными предлогами Карцевский отклонил эту просьбу. 5 февраля 1926 г. он писал: “Я вижу все под слишком субъективным углом своих воззрений на грамматику, и поэтому не смогу быть достаточно объективным. Так что лучшего рецензента, чем Кулбякин, не найти”. И далее: «Если желаете, я напишу большой большой научный разбор Вашей грамматики, но мне тяжело то, что я буду вынужден все время оспаривать Ваш метод и Ваши выводы, при всем моем желании быть совершенно объективным, беспристрастным. Но куда его печатать? В “Zeitschrift”? Дело в том, что Фасмер меня не приглашал сотрудничать. Неделю тому назад я писал ему, просил только мне устроить книгу, которую я хотел бы написать ... книгу совершенно престижного характера “Das russische Zeitschrift”. Он мне не ответил. Послать, может быть, Беличу? Он когда-то меня приглашал, давно уже. Тоже боюсь, что не напечатает. Ваш С.К.» [5. Т-А 0857/3850].

Мы не знаем, насколько на Дурново влияли подобные соображения, но судя по его работам тех лет и по адресованным ему письмам, можно заключить, что его научная мысль не была подавлена тяжелыми материальными условиями [14]. В Чехословакии он продолжал писать о самых близких ему темах и публиковаться в самых значительных журналах по славистике. Очень часто его рецензии превращались в настоящие статьи, в которых ученый не укло-

нялся от острой критики, но был щедр и на похвалы, особенно когда речь шла о молодых ученых (см., между прочим, статью-рецензию в защиту молодого украинского диалектолога Вс. Ганцова [13]). Окружающая обстановка как будто бы не влияла на его деятельность, он не осознавал, что идет прямо к гибели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русские в Праге. 1918–1928. Прага, 1928.
2. Алпатов В.М. Филологи и революция // Новое литературное обозрение. 2002. № 53.
3. Trubetzkoy N.S. Letters and Notes. Mouton, New York; Amsterdam, 1985.
4. Jakobson R. Z korespondence. Praha, 1997.
5. Архив Дурново.
6. Робинсон М. Русская академическая элита: советский опыт (1910-е – 1920-е годы) // Новое литературное обозрение. 2002. № 53.
7. Робинсон М.А., Петровский Л.П. Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте “дела славистов” (по материалам ОГПУ – НКВД) // Славяноведение. 1992. № 4.
8. Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. Врно, 1927. Переиздано в 1969.
9. Revue des Études Slaves.
10. Родной язык в школе.
11. Zeitschrift für slavische Philologie. 1929. № 9.
12. Петерсон М.Н. Очерк синтаксиса русского языка. М.; Пг., 1923.
13. Дурново Н.Н. К украинской диалектологии // Slavia. 1924. № IV.
14. Fici F. La vita e il pensiero linguistico di N. N. Durnovo // Quaderni del Dipartimento di Linguistica dell'Universita di Firenze. Firenze. 2002. № 12.

Список документов,

сохранившихся в архиве Дурново в Праге. На правой стороне, рядом с фамилией отправителя, приводятся номера папки и содержащихся в ней документов. Список воспроизводится латинским алфавитом, таким как его составили в Славянской секции Библиотеки.

Anastasijević, Dragutin N.	T-A 0820/3692–3694
Bodnarskij, Vladimir	T-A 0821/3695–3696
Bogatyrev, Petr Grigor'jevič	T-A 0822/3697–3714
Bogatyrev, Petr Grigor'jevič (Podpis na navštivence Romana Jakobsona)	T-A 0823/3715
Bogatyrev, Petr Grigor'jevič/Jakobson, Roman	T-A 0824/3716
Bulachovckij, Leonid Arsen'jevič	T-A 0825/3717–3734
Buzuk, Petro	T-A 0826/3735–3736
Černych, Pavel Jakovlevič	T-A 0827/3737–3738
Četverikov, Sergej	T-A 0828/3739–3740
Česká grafická unie (Praha, Text na korektuře)	T-A 0829/3741
Dinges G. (Saratov)	T-A 0830/3742–3743
Dosifej (archimandrit? [sic])	T-A 0831/3744
Emler, Jan (Autor – český knihovník)	T-A 0832/3745–3746
Endzelius, Janis (Autor – lotyšský lingvista)	T-A 0833/3747
Ganickij, P. M. (Autor – národohospodař)	T-A 0834/3748
Gerovskij, Georgij	T-A 0835/3749–3750

Glücklich, Julius	T-A 0836/3751
Golanov, Ivan Grigor'jevič	T-A 0837/3752–3771
Grigor'jev A.	T-A 0838/3772–3773
Grigor'jeva L.	T-A 0839/3774
Gvozdev, Aleksandr Nikolajevič	T-A 0840/3775–3782
Hanák, Jan	T-A 0841/3783–3784
Hancov, Vsevolod	T-A 0842/3785–3788
Havránek, Bohuslav	T-A 0843/3789–3792
Dolanský (Heidenreich), Julius	T-A 0844/3793–3794
Hujer, Oldřich	T-A 0845/3795–3797
Il'jinskij, Grigorij Andrejevič	T-A 0846/3798–3812
Institut d'études slaves (Paris)	T-A 0847/3813–3814
Ivanova N.	T-A 0848/3815
Jakobson, Roman	T-A 0849/3816–3835
Jakobson, R., Bogatyrev, P. G.	T-A 0850/3836–3837
Jakobson S. (Fel'dman-Jakobson S.)	T-A 0851/3838–3840
Jakobson R., Jakobson S.	T-A 0852/3841–3843
Jedlinská, Marie	T-A 0853/3844
Jednota českých filologů (Brno)	T-A 0854/3845
Jokl, Norbert (Wien, Univ. Bibliothek)	T-A 0855/3846
Jugoslavenski filolog (Beograd)	T-A 0856/3847
Karcevskij, Sergej Iosifovič	T-A 0857/3848–3856
Karskij, Jervfimij Fedorovič	T-A 0858/3857–3863
Kletneva, Jekaterina Nikolajevna (ruská etnografka)	T-A 0859/3864–3865
Koenig, Václav (Če. Novinář a překladatel)	T-A 0860/3866–3867
Kopeckij, Leontij Vasil'evič	T-A 0861/3868–3869
Kornejeva-Petrulan, M. I. (lingvistka)	T-A 0862/3870–3881
Kul'bakin, Stepan Michajlovič	T-A 0863/3882–3901
Kurz, Josef	T-A 0864/3902–3905
Lannes, Ferdinand (franc. spisovatel.)	T-A 0865/3906
Lehr-Splawiński, Tadeusz	T-A 0866/3907
Ljapunov, Boris Michajlovič	T-A 0867/3908–3916
Madujev, Arkadij Stepanovič	T-A 0868/3917–3919
Mamonov, Vjačeslav Anatol'evič	T-A 0869/3920
Martkert et Petters, Buchhandlung	T-A 0870/3921–3922
Masarykova univerzita (Brno)	T-A 0871/3923
Mazon, André	T-A 0872/3924–3927
Meillet, Antoine	T-A 0873/3928
Michail /?/, biskup	T-A 0874/3929
Ministerstvo zahraničních věcí ČSR	T-A 0875/3930–3932
Murko, Matija	T-A 0876/3933–3937
Narodna biblioteka Sofija	T-A 0877/3938
Novák, Arne (úmrtní oznámení syna)	T-A 0878/3939
Obnorskij, Sergej Petrovič (sovětský slavista)	T-A 0879/3940–3958
Pedagogičeskoje bjuro	T-A 0880/3959–3960
Peretc, Vladimir Nikolaevič (ruský slavista)	T-A 0881/3960a
Peškovskij, Aleksandr Matvejevič (ruský lingvista)	T-A 0882/3961–3966
Peterson, Michail Nikolajevič (ruský lingvista)	T-A 0883/3967–3969
Petřra, Stanislav (Česky filolog)	T-A 0884/3970

Plamja (naklad.)	T-A 0885/3971–3972
Pogonowsky, Jerzy	T-A 0886/3973–3975
Pogorelov, Valerij Aleksandrovič (ruský slavista)	T-A 0887/3976–3985
Polívka, Jiří (Český filolog)	T-A 0888/3986–3991
Ramovš, Franc (Slovinský slavista)	T-A 0889/3992
Rossijskaja akademija nauk	T-A 0890/3993
Rozov, Vladimir	T-A 0891/3994
Rozwadowski, Jan Michal (polský lingvista)	T-A 0892/3995
Rukin, N.... Volovec	T-A 0893/3996–3997
Ryba, Bohumil (Český klasický filolog)	T-A 0894/3998
Sedel'nikov, A.	T-A 0895/3999–4001
Seliščev, Afanasij Matvejevič (Ruský slavista)	T-A 0896/4002–4027
Sevast'janov, Dmitrij	T-A 0897/4028
Schaffgotsch, Xaver	T-A 0898/4029
Smyslov, R.	T-A 0899/4030
Sokolova, Marija Aleksandrovna	T-A 0900/4031
Souček, Stanislav (Český literární historik)	T-A 0901/4032
Stankevič, Jan /?/	T-A 0902/4033–4034
Svoboda, Jozef František (Český národopisec)	T-A 0903/4035
Svoboda, Karel (Český klasický filolog)	T-A 0904/4036
Torgovoje predstaviteľ'stvo v Československu	T-A 0905/4037
Trávníček, František	T-A 0906/4038
Trubeckoj, Nikolaj Sergejevič	T-A 0907/4039–4044
Tukalevskij, Vladimir (Pracovník Slovanské knihovny)	T-A 0908/4045–4049
Vasmer, Max	T-A 0909/4050–4071
Vilinskij, Sergej Grigor'jevič (Ruský filolog)	T-A 0910/4072–4073
Vinokur, Grigorij Iosifovič (Ruský slavista)	T-A 0911/4074
Vondrák, Váslav (český slavista)	T-A 0912/4075
Vostočnyj pedagogičeskij institut RSFSR	T-A 0913/4076
Vysoká škola zemědělská Brno	T-A 0914/4077
Woltner, Margarethe (německá slavistka)	T-A 0915/4078
Zimmern, M. /?/ (Německý slavista)	T-A 0916/4079
Zograf, O.	T-A 0917/4080
Zubatý, Josef	T-A 0918/4081
Živnostenská banka Praha	T-A 0919/4082
Neznámý autor (Varsava)	T-A 0920/4083
Neznámý autor (Skopje)	T-A 0921/4084
Neznámý autor (Leningrad)	T-A 0922/4085
Neznámý autor (Chust?)	T-A 0923/4086–4087
Neznámý autor (Bělehrad)	T-A 0924/4088
Neznámý autor (Moskva)	T-A 0925/4089
Neznámý autor (Praha, psán v ruštině)	T-A 0926/4090
Neznámý autor	T-A 0926a/4091
Neznámý autor	T-A 0927/4092
Neznámý autor	T-A 0928/4093
Neznámý autor	T-A 0929/4094
Neznámý autor	T-A 0930/4095
Archivní materiály N.N. Durnova	T-A 0931/4096

© 2005 г. А. С. СТЫКАЛИН

К ВОПРОСУ О ПРИГЛАШЕНИИ Р. ЯКОБСОНА ПОСЕТИТЬ
СССР В 1956 ГОДУ

Количество опубликованных в разных странах работ, посвященных незаурядной личности и многогранному творчеству Романа Осиповича Якобсона (1896–1982), весьма велико. Существуют и исследования биографического плана, отражающие основные вехи его творческого пути, его московский, пражский, американский этапы (см., напр.: [1]). Хуже изученным остается, однако, вопрос об отношении к выдающемуся филологу советской партийно-идеологической номенклатуры в послесталинскую эпоху, а отношение это не было неизменным, оно находилось в зависимости от общей политической линии Кремля, в которой периоды ужесточений сменялись полосами временных послаблений (что было связано не в последнюю очередь с положением дел на фронтах “холодной войны”). Предлагаемый читателю документ из фондов бывшего архива ЦК КПСС на Старой площади проливает свет на один из эпизодов в биографии известного филолога, хотя и отраженных в переписке Якобсона [2; 3], но все-таки не в полной мере проясненных. А между тем, именно в 1956 и 1958 гг., во время первых своих приездов в Москву после 35-летнего перерыва, Р.О. Якобсон не только восстанавливает старые связи в филологической среде, но и устанавливает тесные и плодотворные контакты с новым поколением отечественных лингвистов.

Сохранявшаяся в верхах настороженность в отношении “буржуазных” ученых уже не могла в 1956 г. переломить общей тенденции – к расширению связей советских ученых с западными коллегами. Причем, как видно из приводимого документа, стремление отечественных филологов выйти на простор мировой науки находило некоторую поддержку наиболее дальновидных и образованных партийных функционеров, прежде всего тех, кто в годы оттепели пришел на работу в ЦК из научных учреждений. Один из таких людей – автор приводимой записки В.А. Кириллин, в 1956 г. заведующий отделом науки и вузов ЦК, позже председатель госкомитета СССР по науке и технике, а вообще специалист по теплофизике и термодинамике, с 1962 г. академик.

Кстати сказать, расширение контактов советских и западных ученых, их взаимное сближение имели по обе стороны “железного занавеса” как своих сторонников, так и противников. XX съезд КПСС был воспринят в мире сов-

сем неоднозначно, и во внешнеполитическом плане не только как шаг к нормализации международных отношений. С точки зрения консервативного и правого либерального сознания любая программа реанимации марксистских идей воспринималась совершенно иначе, чем левыми как на Западе, так и на Востоке Европы. Вот как, например, западногерманская газета “Frankfurter allgemeine Zeitung” еще до окончания XX съезда, 23 февраля 1956 г., отреагировала на происходящее обновление коммунистической доктрины Кремля: “Многие доброжелатели на Западе истолковали демонстративное разоблачение Сталина как признак чистки советского режима, который отбросил грубые революционные нравы и благодаря этому стал способным вести переговоры и участвовать в союзах. На самом же деле новое развитие представляет собой нечто в высшей степени опасное, а именно широко задуманную попытку усилить путем возврата к ленинскому интернационализму фанатизм и революционность коммунистического движения, застывшего в сталинской догме”. Идейное преодоление сталинизма могло расцениваться, таким образом, не только как попытка соединить идею социализма с некими демократическими принципами и началами, но и как прямое возвращение к небезопасному пролетарскому мессианизму и проектам осуществления “мировой революции”, распространенным в начале 1920-х годов.

Независимо от того, как относиться к подобной перспективе обновления марксизма применительно к середине 1950-х годов, опасения западногерманской газеты были, конечно, преувеличенными – хотя бы потому, что сталинское наследие отнюдь не собиралось без боя уступать место новым веяниям. И все-таки в либерально-интеллигентских кругах США идея Якобсона посетить родную Москву была воспринята, мягко говоря, с непониманием. Младший брат Романа Сергей, историк, руководивший славянским отделом в Библиотеке Конгресса США, расценил присланное брату из СССР приглашение не иначе, как “один из шагов, предпринимаемых ныне гангстерами из Москвы с целью разоружения свободного мира в политическом, военном и духовном плане”. Он призвал Романа ответить резким отказом на “позорное приглашение” и не становиться жертвой советской пропаганды [3. С. 69–70].

Роман Осипович не послушал совета близких ему людей и приехал в мае 1956 г. в Москву на организационное заседание Международного комитета славистов, посвященное подготовке IV Международного съезда славистов. Об этом он несколько не сожалел впоследствии. “Поездка меня глубоко взбудоражила. Потрясла преемственность, сила чувства, постоянство в людях. Никогда не ощущал себя до такой степени русским и московским уроженцем. Никогда не воспринимал так остро то глубокое духовное одиночество, в котором я сейчас живу. То одиночество, от которого я заслонялся игрой мысли, радостью научного творчества, способностью самозабвенно увлекаться. Сосет под ложечкой от тоски по дружбе и родине”, – писал он в Москву давнему другу и соратнику П.Г. Богатыреву 11 июля, через полтора месяца после посещения СССР [2. С. 72]. “Моей научной работе и мне психологически очень помог подъем после недавней поездки”, – резюмировал он тремя месяцами позже, 10 сентября [2. С. 74]. Очевидно, дело было не только и не столько в ностальгических чувствах, настоятельно требовавших своего удовлетворения, сколько в естественном для ученого стремлении к расширению среды научного общения. “Я был под таким напором впечатлений, что невольно берег душевные силы, чтоб не рухнуть. Столько было вопросов, научных мыслей, наблюдений и замет, о ко-

торых не успели побеседовать,” – читаем в одном из писем Богатыреву [2. С. 73]. Для российских друзей встреча с Якобсоном стала не меньшим событием. “Твой приезд произвел на всех видевших тебя большое впечатление”, – писал своему другу Богатырев летом 1956 г. [3. С. 73].

В отличие от большинства своих американских коллег “невозвращенец” Якобсон смотрел в будущее с некоторым оптимизмом, когда писал об СССР и оценивал перспективы советской гуманитарной науки. “Там начинается ренессанс культурной жизни, и науки в частности. Надеюсь, что этот новый этап продолжится. Мои друзья и коллеги приняли меня очень сердечно. Хочется думать, что в настоящее время ничто не может воспрепятствовать научному сотрудничеству Запада и Востока”, – замечал он 18 июля 1956 г. в письме, адресованном исследователю древнерусской литературы А.В. Соловьеву, тоже эмигранту [4. С. 66].

Наверное, Р.О. Якобсон был здесь излишне оптимистичен. Публикуемый документ, относящийся к весне 1956 г., – продукт конкретного времени. Столь благосклонное отношение на Старой площади к приезду в СССР “невозвращенца” Якобсона труднее представить себе несколькими месяцами позже – венгерские события привели к новому охлаждению между Востоком и Западом, ограничению культурных и научных связей. Известный филолог испытал это на себе – запланированный на осень 1957 г. новый визит в Москву (для прочтения серии лекций в МГУ) не состоялся, разрешение инстанций не было получено. Желание Якобсона продолжать и развивать недавно возобновленные дружеские и научные контакты с советскими учеными в это время находило еще меньшее, чем год назад, понимание большинства западных коллег. Наиболее отчетливо такую позицию выразил В. Набоков в присущей ему жесткой, циничной и отчасти снобистской манере. “Откровенно говоря, меня коробят Ваши заезды в тоталитарные страны, даже если они и вызваны чисто научными соображениями”, – писал он Якобсону в апреле 1957 г. [3. С. 71]. В это время в западных славистических кругах была популярна идея бойкота IV Международного съезда славистов, который должен был состояться в Москве в сентябре 1958 г. Исследователям известно, какого труда стоило Р.О. Якобсону собрать представительную американскую делегацию для участия в этом съезде. Ведь даже те ученые, которые были далеки от политики и руководствовались сугубо научными соображениями, со скептицизмом восприняли план проведения в СССР славистического конгресса, исходя из того, что в Москве невысказано обсуждение острых вопросов, связанных с развитием славянских культур на современном этапе. “Культурное сотрудничество” в том виде, в каком оно может осуществиться в Москве, скорее зажмет рот западным участникам, нежели придаст смелости восточным”, – писал Якобсону в этой связи один из его учеников, В. Эрлих [3. С. 70]. Но Якобсон сохранял прежнюю уверенность в необходимости контактов ученых, находившихся по разные стороны “железного занавеса”. Он видел в этих контактах важный стимул научного процесса на родине. Мне казались и кажутся “наиболее продуктивными встречи и совещания с учеными-коллегами, хотелось их продолжить”, – писал он 30 июля 1957 г. в Москву молодому коллеге Вяч.Вс. Иванову [3. С. 81].

Московский съезд славистов прошел на высоком уровне, хотя его атмосфера чуть не была омрачена теми, кто в любом проникновении свежего воздуха в

научную жизнь видел угрозой своему положению. В центре едва не произошедшего скандала невольно оказалась как раз фигура Р.О. Якобсона¹.

В последующие годы связи советских и американских филологов продолжали находиться в тесной зависимости от колебаний политической конъюнктуры. В сентябре 1959 г., во время поездки Н.С. Хрущева в США, о драматических событиях “будапештской осени” стороны почти не вспоминали. Но прошло еще полгода, и американский самолет-разведчик, сбитый 1 мая 1960 г. в небе над Свердловском, снова изменил политический климат в мире, и это сказалось, пусть на короткое время, на интенсивности научных контактов. Так продолжалось до начала горбачевской перестройки, когда тенденция к большей открытости советской системы не только приобрела необратимый характер, но привела к качественным изменениям в отношениях между Востоком и Западом.

Как бы там ни было, Р.О. Якобсон, не доживший трех лет до перестройки, все-таки смог еще несколько раз побывать в СССР (в последний раз незадолго до кончины, в 1979 г.). Он участвовал в заседаниях Международного Комитета славистов, выступал с докладами на конференциях, в том числе международном конгрессе антропологов и этнографов в 1964 г. Читал лекции в Московском университете, заезжал и в Ленинград.

При том, что недоверие к “невозвращенцу” Якобсону в компетентных органах сохранялось², сам он был склонен воспринимать свои поездки только с точки зрения плодотворности научного общения. “Я все еще под обаянием Москвы и московских встреч”; “радостно вспоминаю недавние, слишком быстро пролетевшие московские дни”, – читаем в письмах Богатыреву (Письма за октябрь 1962 г. и сентябрь 1967 г.: [2. С.80, 86]).

Р.О. Якобсон был не просто наблюдателем, но активным участником научной жизни в СССР. Особенно интенсивное научное общение он поддерживал на протяжении более двух десятилетий с сектором структурной типологии славянских и балканских языков Института славяноведения (затем Института славяноведения и балканистики) АН СССР, особенно с Вяч.Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым, оказал влияние на некоторые их работы, получившие мировое признание.

ЦК КПСС

Посол СССР в США т. Зарубин сообщает о том, что в Посольство обратился за визой на въезд в Советский Союз американский гражданин, профессор Гарвардского университета Р. Якобсон, эмигрировавший после Октябрьской революции из нашей страны.

¹ Директор Института мировой литературы АН СССР И.И. Анисимов, чтобы воспрепятствовать встрече Якобсона со своим другом по Москве 1910-х и Праге 1920–1930-х годов П.Г. Богатыревым, командировал последнего на дни проведения съезда в Ленинград. Между тем, иностранные участники съезда ожидали выступления П.Г. Богатырева, заявленного в программе. У них возникли подозрения, что известный филолог и этнограф незадолго до съезда был арестован, поэтому его и нет среди участников. Об этом было полуофициально заявлено организаторам съезда. Только вмешательство отдела науки ЦК, срочно вызвавшего Богатырева из Ленинграда, предотвратило назревавший скандал, грозивший нарушить в целом неплохо складывавшиеся контакты советских и зарубежных славистов [2. С. 70–71].

² Так, в документе 1964 г., связанном с пересмотром так называемого “дела славистов” начала 1930-х годов, Якобсон назывался “проводником активной троцкистской пропаганды” в довоенной Чехословакии и “экспертом американской контрразведки по Советскому Союзу” [2. С. 71].

Тов. Зарубин указывает, что Посольству стало известно от французского корреспондента о враждебных высказываниях Р. Якобсона по адресу Советского Союза. В связи с отмеченными обстоятельствами т. Зарубин просит указаний относительно возможности выдачи визы Р. Якобсону на въезд в СССР.

Отдел науки и вузов ЦК КПСС в апреле с.г. докладывал ЦК КПСС предложение президиума АН СССР о приглашении в СССР четырнадцати иностранных ученых на заседание Международного комитета славистов, которое состоится в мае с.г. в Москве. Это предложение было принято.

Международный комитет славистов избран в сентябре 1955 г. на совещании представителей 18 стран в Белграде для подготовки Международного съезда славяноведов, который по предложению делегации советских ученых решено провести в 1958 г. в Москве. Председателем указанного комитета избран академик Виноградов В.В.

В состав приглашенных на заседание комитета входят видные ученые-слависты, в том числе ученые из СССР, стран народной демократии, Югославии (7 ученых), а также 8 славистов капиталистических стран, среди которых имеется два ученых, эмигрировавших из нашей страны после Октябрьской революции. В настоящее время один из них (Р. Якобсон) проживает в США, другой (М. Фасмер) – в Западной Германии.

О Р. Якобсоне, по данным Управления кадров МИД СССР (Р. Якобсон некоторое время был на дипломатической работе), известно следующее. Он родился в Москве в 1896 г., по национальности еврей, получил образование в России. После Октябрьской революции работал в Наркомпросе, ВСНХ, затем с 1920 г. в советском посольстве в Ревеле и Праге (последняя должность – зав. бюро печати ЧСР), с 1928 г. – невозвращенец. До второй мировой войны жил преимущественно в Праге, после войны – в США.

Р. Якобсон в настоящее время работает профессором Гарвардского университета, является известным за границей ученым-славяноведом; он – один из организаторов Пражского лингвистического кружка, крупный представитель современной школы структуральной лингвистики (структурализм как направление в буржуазной лингвистике получил довольно широкое распространение в Западной Европе и США). Многие труды Р. Якобсона связаны с изучением фонологической системы русского языка. Занимался также литературоведением (изучением стихотворных размеров, в том числе и на материале русской литературы). Есть труды о Маяковском, относящиеся к 1921–1923 гг. (о ритмике и языке стихов поэта; по мнению советских маяковедов, эти труды, несмотря на их общую формалистическую направленность, содержат немало ценных, правильных наблюдений). В отличие от некоторых буржуазных ученых, пытающихся опровергнуть подлинность знаменитого памятника русской культуры “Слова о полку Игореве”, Р. Якобсон занимает в этом вопросе правильную позицию.

Академик Виноградов В.В., лично встречавшийся с Р. Якобсоном в прошлом году на совещании славяноведов в Белграде, отмечает, что он вел себя с советскими учеными доброжелательно, каких-либо враждебных высказываний не допускал.

Р. Якобсону как члену Международного комитета славистов послано из президиума АН СССР приглашение прибыть на заседание комитета в Москву сроком на шесть дней (с 16 по 22 мая с.г.).

Отказ ему в визе на въезд в Советский Союз вызвал бы нежелательную реакцию; это может стать поводом для враждебных выпадов за границей по адресу нашей страны.

Отдел науки и вузов ЦК КПСС считает возможным разрешить Р. Якобсону приезд в Москву на заседание Международного комитета славистов.

Зав. Отделом науки и вузов ЦК КПСС В. Кириллин

28 апреля 1956 г.³

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 22. Л. 86–87.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Toman J. The Magic of a Common Language. Jakobson, Mathesius, Trubetzkoy, and the Prague Linguistic Circle. Cambridge, Mass., 1995.*
2. *Робинсон М.А., Досталь М.Ю. Переписка Р.О. Якобсона и П.Г. Богатырева // Славяноведение. 1994. № 4.*
3. *Баран Х., Душечкина Е.В. Письма П.Г. Богатырева Р.О. Якобсону // Славяноведение. 1997. № 5.*
4. *Баран Х., Душечкина Е.В. Вокруг “Слова о полку Игореве”: из переписки Р.О. Якобсона и А.В. Соловьева // Славяноведение. 2000. № 4.*

³ На 1-й странице двухстраничного машинописного текста помета, сделанная от руки и датированная 29 апреля: “Тов. Суслову М.А. доложено. Замечаний нет” (подпись неразборчива).

Славянский вестник. Вып. 1 / Под ред. В.П. Гудкова и А.Г. Машковой. М., 2003. 263 С.

В октябре 2003 г. вышел из печати первый выпуск “Славянского вестника” под редакцией В.П. Гудкова и А.Г. Машковой, подготовленный к 60-летию кафедры славянской филологии МГУ. Во вступительной статье зав. кафедрой В.П. Гудкова “К основанию нового продолжающегося издания кафедры славянской филологии” дана краткая справка об истории кафедры, ее учебно-методической и научно-исследовательской деятельности и информация о новом издании, продолжающем серию публиковавшихся кафедрой в 1950–1980 гг. 11 сборников статей под общим названием “Славянская филология” и сборника “Исследования по славянскому языкознанию”. Новые научные сборники статей и обзоров по проблемам славянских языков, литератур, фольклора, межславянских культурных связей предполагается издавать под общим названием “Славянский вестник”, “поскольку словосочетание “Славянская филология” фигурирует на титульных листах многих книг, в частности в продолжающихся публикациях Санкт-Петербургского университета” (С. 7).

Рецензируемый первый выпуск “Славянского вестника” состоит из разделов “Материалы юбилейных чтений в ознаменование шестидесятилетия воссоздания в МГУ филологического факультета (1941–2001)”, “Языкознание”, “Литературоведение”, “История”, “Хроника” и “Библиография”.

В первом разделе освещаются и оцениваются достижения сотрудников кафедры славянской филологии в некоторых областях славянской филологии.

В статье К.В. Лифанова “Вклад лингвистов кафедры славянской филологии в изучение истории славянских литературных языков” дан обзор значительного числа разноаспектных исследований членов кафедры (Н.Е. Ананьевой, С.Б. Бернштейна, В.П. Гудкова, К.В. Лифанова, О.С. Плотниковой, О.А. Ржанниковой, С.С. Скорвида, Р.П. Усиковой, А.Г. Широковой). Для них “всегда было характерным осознание того, что перед историей конкретных славянских литературных языков стоят важнейшие задачи, которые еще предстоит решать исследователям”, и в этом, по мнению К.В. Лифанова, заключается “причина того, что их исследования оказывались на передовых позициях, т.е. работа по изучению истории литературных языков велась с опережением национальных лингвистик” (С. 11). Сотрудники кафедры обращались к изучению таких теоретических вопросов, как понятие литературного языка, социолингвистические предпосылки формирования литературных языков, их диалектная основа, место литературных языков в ряду других идиомов данного языка на разных этапах их функционирования, периодизация истории литературных языков, складывание литературных норм отдельных славянских языков и др.

В статье А.Г. Машковой “Популяризация славянских литератур в Советском Союзе и России членами кафедры славянской филологии” речь идет не о собственно научных трудах по истории славянских литератур, а “лишь о публикациях, носящих популярный характер, предназначенных для широкого круга читателей, а

также о переводах” (С. 22). Автор обоснованно подчеркивает значительный вклад литературоведов кафедры (Л.И. Васильевой, З.И. Карцевой, С.В. Клементьева, Р.Р. Кузнецовой, А.Г. Машковой, С.Н. Мещерякова, Т.П. Поповой, С.С. Скорвида, Н.Н. Стариковой, Р.П. Усиковой, Е.З. Цыбенко) в подготовке изданий широкого круга произведений классиков польской, чешской, словацкой, болгарской литератур XIX в. и “еще более весомый вклад” их в популяризацию славянских литератур XX в. (в том числе сербской, словенской и македонской), выразившуюся в многочисленных переводах, рецензиях, предисловиях к переведенным сочинениям, в “портретах писателей” и т.п. А.Г. Машкова вместе с тем справедливо констатирует, что в настоящее время, в отличие от второй половины XX в., ситуация с популяризацией литературы западных и южных славян “пока дает мало оснований для оптимизма”: в изменившихся в 1990-е годы общественно-политических условиях в России, к сожалению, резко сократилась информация о литературной ситуации в славянских странах и контакты литераторов, уменьшилось количество переводимой литературы. Одна из причин этого, по мнению А.Г. Машковой, лежит в рыночной экономике, в условиях которой издатели отвернулись от славянской классики, но основную причину автор видит в том, что “сами славянские литературы в последние годы находятся в состоянии поиска” (С. 27).

В статье “Вклад лингвистов кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ в славянское сопоставительное языкознание” Т.С. Тихомирова констатирует, что обращение членов кафедры к сопоставительному изучению славянских языков шло в русле возросшего во второй половине XX в. интереса к проблемам сопоставительного и confrontативного языкознания и что сопоставительное изучение славянских языков осуществлялось “в рамках структурно-системного анализа в сочетании с анализом функциональным, учитывающим взаимодействие разных языковых уровней” (С. 28). В поле зрения автора – широкий круг работ Н.Е. Ананьевой, В.Ф. Васильевой, И.М. Горшковой, В.П. Гудкова, А.И. Изотова, О.О. Лешковой, О.А. Остапчук, Е.В. Петрухиной, О.С. Плотнико-

вой, Р.П. Усиковой, А.Г. Широковой и других, в которых выявляются и описываются общие элементы и различия на разных уровнях структуры и в функционировании славянских языков. Среди сопоставительных работ особо выделяется фундаментальная новаторская по замыслу и подходу к описанию материала “Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком” Н.В. Котовой и М. Янакиева (2001), характеризующаяся как “своеобразный компендиум сопоставительного славянского языкознания” (С. 34).

Раздел “Языкознание” открывается статьей В.Ф. Васильевой и А.Г. Широковой (“Чешский язык в новом тысячелетии (общая характеристика языковой ситуации и динамических инноваций”), в которой рассматривается взаимодействие внешних (экстралингвистических) и внутренних факторов в чешском национальном языке и его отражение на состоянии современной языковой ситуации в Чехии. Анализируются главным образом те изменения на разных уровнях языковой системы (прежде всего лексики, но также и грамматики), которые вызваны влиянием общественно-политической ситуации в этой стране. Авторы приходят к заключению, что происходящие в современном чешском языке перемены имеют “массштабный характер”, “затрагивают все ярусы языковой системы и свидетельствуют о том, что язык, как и социум, переживает переходный период” (С. 67). Они полагают, что состояние чешского языка сейчас таково, что уже “требуются комплексные изменения в нормативных предписаниях литературного языка” (С. 68).

Н.Е. Ананьева в статье “Морфонологические типы субстантивных парадигм, функционирующих в подсистеме иноязычной лексики чешского языка и в его обиходно-разговорной разновидности” сопоставляет особенности данных подсистем с морфонологической системой субстантивов современного чешского литературного языка и приходит к выводу, что по отношению к морфонологической системе существительных в литературном языке две указанные подсистемы различаются диаметрально: подсистема иноязычных существительных имеет более сложную, чем в литературном языке, морфонологическую систему, в то время как в народно-обиходном языке пред-

ставлена более упрощенная в сравнении с литературным языком морфонологическая система субстантивов.

Неоднократно обсуждавшийся в литературе вопрос происхождения слова *водка* в русском языке вновь рассматривается в статье В.Е. Моисеенко “Еще раз об истории слова *водка* (этимологический этюд)”. Здесь высказаны соображения в поддержку мнения о “заимствованной природе” слова *водка* из польского и относительно его словообразовательной семантики в русском языке.

На примере номинаций лица и глаз Е.И. Якушкина в статье “Анатомия стыда (этическая семантика соматизмов в славянских языках)” анализирует одну из моделирующих семантических систем образования моральных оценок в праславянском и современных славянских говорах (например, модель ‘без глаз, безо лба’ – ‘бесстыжий, наглый’ и др.).

Ф.Б. Людоговский в статье “Современный церковнославянский язык: обоснование существования и определение понятия” доказывает, что определение церковнославянского языка как языка мертвого вряд ли корректно, поскольку на нем в XIX–XXI вв. созданы многочисленные новые тексты, в которых наблюдаются известные новации. Это дает основание говорить о существовании современного церковнославянского языка. Это “язык богослужебных текстов, используемых в настоящее время (в начале XXI в.) клириками и мирянами Русской Православной Церкви при общественном и частном богослужении и домашней (келевой) молитве” (С. 107). В статье обосновывается правомерность элемента “современный” в составе сложного термина “современный церковнославянский язык”, дается характеристика корпуса используемых в настоящее время богослужебных текстов при общественном и частном богослужении и в домашней молитве. Возрастающее внимание к этому языку требует, по мнению автора, активизации в изучении его внешней истории и внутренней системы.

А.А. Хрущева в статье «К изучению своеобразия церковнославянского языка русской редакции сербов (“Руководство къ славенскѣй грамматіце” Аврама Мразовича)» указывает, что названный в заглавии труд сербского писателя и переводчика А. Мразовича (1756–1829) – в

значительной степени его оригинальное произведение (2-е изд. – 1800 г.), “представляющее собой первый опыт создания грамматики церковнославянского языка русской редакции сербским автором для сербов” (С. 123). В результате выборочного анализа особенностей алфавита, звукового значения букв и правописания в “Руководстве” А. Мразовича в сопоставлении с “Грамматикой славенской” Мелетия Смотрицкого автор заключает, что русский церковнославянский язык сербов претерпевал изменения, и это позволяет говорить о постепенном возникновении у сербов “сербизированного русскоцерковнославянского языка или сербского варианта русскоцерковнославянского языка” (С. 164).

Раздел “Литературоведение” содержит шесть статей. В работе А.Г. Машковой «Соотношение реального и фантастического в новелле Ф. Швантнера “Пиарги” и повести Ш.-Ф. Рамю “Дерборанс”» анализируются особенности изображения фантастического и реального в сюжете, художественных приемах и других аспектах повести Ф. Швантнера, известнейшего представителя словацкого натурализма, в сопоставлении с художественными особенностями повести французского писателя Ш.-Ф. Рамю. А.Г. Машкова полагает, что, несмотря на очевидное влияние последнего, говорить о полном следовании Ф. Швантнера французскому писателю нет оснований, поскольку “в отличие от Рамю концепция натурализма вполне отвечала философским и эстетическим исканиям словацкого писателя” (С. 174).

С.Н. Мещеряков в статье “Сербский исторический роман первой половины XX века” останавливается на развитии жанра исторического романа у сербов, ставшего в XX в. высшим достижением национальной литературы (С. 175). Главное внимание он уделяет анализу исторических, художественных и философских принципов, заложенных в романе “Переселения” М. Црнянского (1929) – одном из первых сербских исторических романов и в романах “Травницкая хроника” и “Мост на Дрине” И. Андрича (1945). Если же роман М. Црнянского является начальной вехой в развитии сербского исторического романа и, по мнению автора, “лишь с серьезными оговорками” мог бы быть отнесен к исторической прозе,

то романы И. Андрича представляют собой “настоящее рождение собственно исторического романа как безусловной эстетической ценности” (С. 185).

С.В. Клементьев в статье “Творчество Михала Хороманьского 1930-х годов” анализирует главным образом романы “Белые братья” и “Ревность и медицина” и определяет место этого писателя в польской литературе того времени, когда создавалась новая поэтика и формировались новые подходы к изображению персонажей. Рассматривая М. Хороманьского как яркого творца психологического романа нового типа, С.В. Клементьев подчеркивает и его значение как зачинателя нового стиля в польской прозе, создавшего собственную оригинальную эстетическую систему. Так, в романе “Ревность и медицина” представлены элементы разного типа романов (реалистического и экспрессионистского, психологического и детективного) и мелодраматических произведений. М. Хороманьский, заключает автор статьи, в истории польской литературы останется как писатель, “создавший особую модель литературы, являющуюся конгломератом различных литературных приемов и поэтик, спаянных в единое целое, как создатель неповторимого динамичного стиля и языка” (С. 200).

В статье «Поэма “Вероника” Максима Богдановича в контексте русских и европейских литературных традиций» А.Г. Шешкен раскрывает значение освоения художественных методов русской и европейской литературы в творчестве рано скончавшегося белорусского поэта и его роль в обогащении белорусской литературы опытом европейского стихосложения. Особое внимание в статье обращается на отражение в поэме “Вероника” художественного опыта А.С. Пушкина (в частности в строфике и стихотворном размере). Отмечаются и мотивы древнегреческого поэта Анакреонта, прослеживаемые в творчестве М. Богдановича.

Е.Н. Ковтун в статье “Из опыта изучения и преподавания истории славянских литератур в России (В.И. Григорович – А.Н. Пыпин)” освещает два подхода к изучению и преподаванию истории славянских литератур в России в XIX в. Хронологически первый из них демонстрируется в трудах В.И. Григоровича и отражает представления о славянстве как о

некоем едином племени и задачах его изучения в первой половине XIX в. В основу этого подхода, как писал сам Григорович, “принимается в соображение общий ход развития литературы славянских народов, которая и изучается по эпохам и столетиям” (С. 216). Другой подход изложен в трудах А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича, согласно которому былое историческое родство славянских племен (главным образом язык, обычаи и пр.) в настоящее время не является достаточной базой для современного объединения славян, претерпевших разные исторические судьбы и оказавшихся в разных политических условиях. Из этого следовала принципиальная посылка, что литературу славян, так же как и их историю и культуру в целом, необходимо изучать отдельно для каждого из этих народов. В соответствии с этим в “Истории славянских литератур” А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича литературные произведения характеризуются с точки зрения отражения в них национальной специфики и их влияния на судьбу народа. Е.В. Ковтун полагает, что труды Пыпина и Спасовича, созданные в полемике с воззрениями славянофилов, “закрепили в отечественном литературоведении преобладающую тенденцию освещения истории славянских литератур по отдельным странам с учетом прежде всего национальной специфики” (С. 224).

Н.Н. Старикова в статье “Словенская литература как предмет научного изучения (из истории российской академической славистики)” после кратких замечаний об общем развитии славяноведения в России и СССР до середины XX в. дает обзор исследований по словенской литературе, выполненных в Институте славяноведения АН СССР. Особое место здесь отведено характеристике работ безвременно скончавшейся в 1976 г. Е.И. Рябовой, которую “фактически можно назвать пионером советской литературоведческой словенистики” (С. 232).

Раздел “История” представлен статьей В.П. Гудкова “К изучению русских связей Вука Караджича. Караджич и Александр Тургенев”, которой автор продолжает серию своих исследований по караджичиане. Освещаются обстоятельства и цели поездки Вука Караджича в конце 1818 г. в Россию, его контакты с

русскими учеными, писателями, некоторыми государственными деятелями. В.П. Гудков отмечает здесь ряд неточностей и ошибок в существующей литературе по этому важному эпизоду в биографии Вука Караджича. В статье обращается особое внимание на не получающую еще достойной оценки роль А.И. Тургенева, широко известного в интеллектуальных кругах обеих российских столиц, одного из секретарей Российского Библейского общества, в успехе поездки корифея сербской культуры в Россию.

В “Славянском вестнике” опубликованы также отчеты К.В. Лифанова о научной командировке в Питтсбургский университет и О.А. Остапчук в Гарвардский университет (США).

В конце выпуска опубликован составленный Д.А. Николаевой перечень всех статей в изданных кафедрой славянской филологии 11 сборниках “Славянская филология” (1951–1979) и 12-го сборника, вышедшего под самостоятельным названием “Исследования по славянскому языкознанию” (1984).

Таково содержание первого выпуска “Славянского вестника” – нового научного издания кафедры славянской филологии МГУ, которое несомненно привлечет к себе внимание филологов-славистов в разных странах.

В редакционном и техническом отношении выпуск за небольшими исключениями хорошо подготовлен. Нельзя не отметить, однако, единичные примеры невнимательности, небрежности в работе над текстом. Так, только досадным недоразумением можно объяснить утверждение в одной из статей, что “история научного славяноведения в России восходит к 1725 г., когда была создана Академия наук” (С. 227). В этой же статье без всяких на то оснований акад. С.П. Обнорский отнесен наряду с Н.И. Кравцовым, С.В. Никольским, В.И. Злыдневым и другими к ученым, стоявшим в образованном в конце 1940-х годов Институте славяноведения АН СССР “у истоков славянского литературоведения” (С. 230). В другой статье допущена неточность в цитировании: “Бодянский постоянно посвящал часть своих изложений объяснительному *изложению* образцов наречий сербского, чешского и польского” (С. 213). У И.И. Срезневского на месте выделенного здесь кур-

сивом слова стоит *чтению*. На с. 218 не исправлена опечатка: М.М. Погодин вместо М.П. Погодин. Вряд ли стоит менять утвердившееся написание фамилии белорусского писателя Я. Коласа на Колос (С. 201, 209), хотя такое написание в последнее время изредка и встречается.

Библиография цитируемых и использованных работ в разных статьях приводится по-разному. Очевидно, что в серийном издании предпочтение должно быть отдано какому-либо одному принципу – подстрочному или в конце статей.

Отдельно следует сказать об участившейся неправомерной практике склонения чешских личных имен и фамилий на *-ек*, типа *Франтишек*, *Гашек*: род. п. *Гашка*, тв. п. *Гашком*. Такая практика расширяется в письменных текстах и особенно в устной речи некоторых богемистов. Пример этого есть и на с. 19 рассматриваемого издания: “Вспомним пребывание в России чешского писателя К. *Гавличка-Боровского*” вместо правильного *Гавличека* (ср. русск. *Радек*, род. п. *Радека*; никто из русских никогда по-русски не напишет и не скажет в род. п. *Радка*). Род. п. от фамилии другого чешского писателя в статье написан правильно: “с романом А. *Сташека*” (С. 23).

В планах редакторов рецензируемого издания – сделать его более разнообразным по сравнению с предшествовавшими ему сборниками “Славянская филология”. Предполагается, в частности, публикация “не только научных статей, но и актуальной информации о работе кафедры, славянского учебного отделения, о новых изданиях, международном сотрудничестве, научных конференциях, защите диссертаций и т.п.” (С. 7). Пожелаем успехов возобновленному изданию кафедры славянской филологии и вместе с его редакторами будем надеяться, что внешние обстоятельства будут ему благоприятствовать.

© 2005 г. Г.К. Венедиктов

От редакции. Настоящая рецензия была уже подготовлена к печати, когда вышел второй выпуск “Славянского вестника” (2004), посвященный 70-летию зав. кафедрой славянской филологии Московского университета В.П. Гудкова.

К ЮБИЛЕЮ РИТТЫ ПЕТРОВНЫ ГРИШИНОЙ

25 марта 2005 г. – особый день в жизни Ритты Петровны Гришиной – доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН, крупного отечественного специалиста по истории Болгарии и других балканских государств в Новое и новейшее время. – Выпускница исторического факультета МГУ, Р.П. Гришина в 1961 г. пришла в Институт славяноведения, с которым на протяжении более чем 40 лет неразрывно связана ее плодотворная научная деятельность. Первые исследовательские работы Р.П. Гришиной (включая ее кандидатскую диссертацию, защищенную в 1963 г.) были посвящены истории рабочего движения в межвоенной Болгарии. В дальнейшем она сосредоточилась на изучении различных общественно-политических движений и идейных течений в Болгарии 20–30-х годов XX в. и, в частности, на исследовании генезиса болгарского авторитаризма. В 1976 г. в Софии вышла монография Р.П. Гришиной “Возникновение фашизма в Болгарии. 1919–1925”, которая вызвала серьезные дискуссии среди историков-славистов. В 1978 г. Ритта Петровна защитила докторскую диссертацию по этой теме.

С деятельностью Р.П. Гришиной было связано становление и развитие в Институте славяноведения и балканистики АН СССР важного научного направления – изучения внутривнутриполитических процессов, политической системы, межпартийной борьбы и социальной дифференциации общества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. Выполненные при ее самом активном участии сборники статей “Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период)” (1982), “Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период” (1984), “Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Межвоенный период” (1986), большой коллективный труд “Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1917–1929” (1988) и другие не были свободны от господствовавших тогда марксистских догм, и в частности трактовок общего кризиса капитализма, наступившего после Октябрьской революции в России. Вместе с тем авторы этих книг ввели в оборот отечественной исторической науки или заново осмыслили множество фактов, не всегда “удобных” с конъюнктурно-политической точки зрения, но подводящих мыслящего читателя к объективным выводам (например, о недостаточной укорененности коммунистических, леворадикальных идей в среднеевропейских обществах, что не могло не способствовать быстрому откату революционной волны в 20-е годы XX в., предопределяло внутреннюю неустойчивость восточноевропейских коммунистических режимов 1950–1980-х годов).

Со второй половины 1980-х годов на протяжении почти десяти лет Р.П. Гришина возглавляла сектор, затем отдел Института, занимавшийся изучением политической истории, международных и международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в первой половине XX в. Основными направлениями в работе отдела стали выяснение роли европейской социал-демократии в годы Первой мировой войны, изучение способов выхода из войны и концепций послевоенного устройства, предлагавшихся социалистическими лидерами разных стран. Выход в свет коллективной монографии “Европейское социалистическое движение. 1914–1917 гг. Разрубить или развязать узлы?” (отв. редакторы Р.П. Гришина и И.И. Костюшко. М., 1994) привлек большое внимание отечественных специалистов по истории Первой мировой войны, социалистического движения, а также революций 1917 г. в России.

Одновременно Р.П. Гришина продолжала заниматься и болгарской историей. Она – один из авторов “Краткой истории Болгарии (с древнейших времен до наших дней)” (1987). В сборнике монографических статей “Пленники национальной идеи. Политические портреты лиде-

ров Восточной Европы (первая треть XX века)” (1993) был опубликован ее яркий биографический очерк о царе Борисе, показывающий неоднозначную роль этого видного политика в болгарской истории новейшего времени, раскрывающий конкретные исторические обстоятельства, предопределившие в 1930-е годы сближение монархического режима в Болгарии со странами фашистского лагеря и ее участие во Второй мировой войне на стороне Германии.

В 1990-е годы, когда историки получили доступ к архивным документам, Р.П. Гришина приступила к разработке новой для себя темы – истории международного коммунистического движения и, в частности, изучению политики Коминтерна в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Особое внимание уделялось при этом анализу предлагавшихся идеологами движения проектов разрешения национального вопроса, приобретенного особую остроту на Балканах. Выполненная под ее руководством двухтомная публикация документов “Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции” (2000–2003) ввела в научный оборот большое количество ранее неизвестных исследователям материалов из фондов Коминтерна и Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б), вызвала заинтересованный отклик как отечественных, так и зарубежных специалистов. Накопленные за годы кропотливой работы в федеральных архивах знания документов, вдумчивое освоение отечественной и национальной историографии позволили Р.П. Гришиной подойти к изучению македонского вопроса – едва ли не самого запутанного узла национально-территориальных противоречий в современной Европе. В 1999 г. под ее редакцией вышел сборник “Македония. Проблемы истории и культуры” – первый в отечественной науке комплексный труд, посвященный этому молодому балканскому государству.

При несомненной многосторонности научных интересов Ритты Петровны Болгария всегда была и остается в центре ее профессионального и человеческого внимания. Р.П. Гришина активно работает в двусторонней комиссии историков России и Болгарии, являясь заместителем председателя российской части. Несмотря на сопровождающие работу Комиссии сложности объективного и субъективного характера, в значительной степени благодаря усилиям Р.П. Гришиной поддерживаются контакты с болгарскими историками, осуществляется работа над совместными проектами. Важную роль играют при этом личные отношения и дружба, связывающая Ритту Петровну со многими коллегами на протяжении долгих лет. Совместными усилиями был подготовлен коллективный труд “Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.” (2002), затрагивающий ряд концептуальных проблем истории Болгарии и региона в целом. Ритта Петровна участвовала в написании разделов недавно вышедшего фундаментального труда “Болгария в XX веке. Очерки политической истории” (2004), первого крупного достижения постсоветской болгаристики.

В год своего юбилея Р.П. Гришина полна новых научных замыслов и планов. По ее инициативе в отделе началась систематическая работа по проекту “Модернизация традиционных обществ у славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XIX – начало XX веков”. Первой “ласточкой” явился опубликованный в 2004 г. сборник статей “Человек на Балканах. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.)”. Ближится к завершению новая монография о политике Коминтерна в отношении Болгарии.

Р.П. Гришина на протяжении многих лет является членом редколлегии журнала “Славяноведение” и принимает активное участие в ее работе. На страницах журнала опубликован не один десяток ее статей и рецензий по проблемам болгарской и – шире – балканской истории XX в. Благодаря Р.П. Гришиной в журнале заметно ожилась раздел, посвященный научной жизни: были опубликованы материалы нескольких конференций по проблемам истории Балкан в Новое и новейшее время, появилась интересная рубрика “Коминтерн и Восточная Европа”, знакомящая читателя с новыми разработками и архивными документами.

Плодотворность научной деятельности, очевидная широта исследовательского диапазона сочетаются у Р.П. Гришиной с высокой требовательностью к себе, неравнодушием к окружающим, особенно к тем, кто делает первые шаги в науке. Ритте Петровне дороги традиции Института, его имя и издавна сложившаяся творческая атмосфера. Эти качества, а также отзывчивость, внимание к коллегам, их проблемам, стремление помочь, доброжелательность и открытость вызывают чувство уважения к Ритте Петровне, прекрасному и надежному человеку, с которым приятно общаться, заражаясь ее энтузиазмом и энергией. Время неумолимо, но мы убеждены, что активная жизненная позиция, исследовательский и человеческий азарт, преданность избранному делу станут залогом дальнейших успехов юбиляра.

© 2005 г. Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН
Редколлегия и редакция журнала “Славяноведение” также поздравляют Ритту Петровну
и желают ей здоровья, творческих сил и новых публикаций.

К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИЛЕНА НИКОЛАЕВИЧА ВИНОГРАДОВА

18 июня 2005 г. исполняется 80 лет выдающемуся российскому историку Владилену Николаевичу Виноградову, доктору исторических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, главному научному сотруднику Института славяноведения РАН. Крупнейший специалист по проблемам международных отношений в XVIII – первой трети XX вв., по истории Великобритании, Балкан, российско-британских и российско-балканских связей в Новое время, своим высоким профессионализмом и громадной эрудицией он снискал глубокое уважение коллег-историков как в России, так и далеко за ее пределами.

В.Н. Виноградов родился в Москве в 1925 г., в 1943 г. поступил на первый курс только что созданного факультета истории международных отношений МГУ (через год преобразованного в самостоятельный институт – МГИМО). К чтению лекций в МГИМО привлекаются лучшие научные силы, включая самого Е.В.Тарле. Общение с видными историками старших поколений, несомненно, повлияло на профессиональное становление В.Н. Виноградова в будущем, когда он плотно занялся исторической наукой, в том числе в аспирантуре Института истории АН СССР.

В. Виноградову в это время предлагают, выучив румынский язык, взять тему по истории Румынии. Он блестяще справляется с поставленной задачей, защитив в 1956 г. кандидатскую диссертацию о крестьянском восстании 1907 г. в этой стране (опубликованная в 1958 г., она стала первой монографией В.Н. Виноградова). За первой книгой последовали другие, не говоря уже о многочисленных журнальных статьях. Под руководством В.Н. Виноградова были выполнены коллективные труды “История Румынии нового и новейшего времени” (1964), “История Румынии, 1848–1917” (1971), “Краткая история Румынии с древнейших времен до наших дней” (1987) и др. В.Н. Виноградов – один из основателей и руководителей совместной комиссии историков России и Румынии, работающей весьма интенсивно.

История Румынии всегда была, однако, для него всего лишь одной из сфер приложения сил, пусть немаловажной. Англоведа по первой своей специальности, его продолжала глубоко интересовать британская история. Монография “У истоков лейбористской партии (1889–1900)” (1965) была им защищена в 1966 г. в качестве докторской диссертации. Проблемам британской истории XIX в. посвящены десятки статей, написанных в разные десятилетия.

Осенью 1968 г., после реорганизации Института истории АН СССР, вместе с рядом коллег, специалистов по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, В.Н. Виноградов переходит в Институт славяноведения и балканистики АН СССР (ныне Институт славяноведения РАН), где в 1973–1988 гг. он был заместителем директора, курировавшим историческую науку, долгие годы руководил отделом и плодотворно продолжает трудиться и поныне.

Начиная с 1970-х годов на первый план в сфере интересов В.Н. Виноградова выходят проблемы международных отношений на Балканах и вокруг Балкан в Новое время. Он становится одним из инициаторов многотомной серии “Балканские исследования”.

Во второй половине 1970-х годов под руководством В.Н. Виноградова было начато осуществление его собственного грандиозного замысла – в серии монографических трудов дать подробную картину развития международных отношений на Балканах со второй половины XVIII в. вплоть до окончания Первой мировой войны. При этом предполагалось значительно расширить источниковую базу исследований, введя в научный оборот обилие ранее неизвестных документов (в частности, из Архива внешней политики Российской Империи), и выйти на новые обобщения с учетом всего комплекса источников – без этого работы коллектива, возглавляемого В.Н. Виноградовым, не смогли бы достойно вписаться в контекст мировой балканистики, сказать в ней подлинно новое слово. Созданные под руководством В.Н. Виноградова три коллективные монографии “Международные отношения на Балканах” в период 1815–1878 гг. (1983, 1986, 1990) стали важными вехами в осуществлении задуманного плана. Позднее к ним добавилась работа “Александр I, Наполеон и Балканы” (1997). Завершили многотомную серию коллективные труды “В пороховом погребе Европы” (2003) и “За балканскими фронтами Первой мировой войны” (2002). К этому ряду работ примыкают индивидуальная монография В.Н. Виноградова “Великобритания и Балканы: от Венского Конгресса до Крымской войны” (1985) и другие работы. Лучшие из них отличают не только глубина анализа источников, способность

выйти на широкие обобщения, но и стилистическое мастерство, органически присущее автору остроумие, умение передать драматизм столкновения противоборствующих государственных интересов, персонифицированных выдающимися личностями, “делавшими” историю.

С начала 1990-х годов, когда было снято табу с изучения острых национально-территориальных конфликтов в советской сфере влияния, В.Н. Виноградов в числе первых обратился к выявлению исторических истоков некоторых из них, например бессарабского конфликта в отношениях СССР и Румынии в 1918–1940 гг.

В последнее десятилетие все большее внимание Владилена Николаевича привлекает XVIII столетие. Вслед за коллективными трудами в конце 2004 г. вышла фундаментальная (более 40 п.л.) работа “История Балкан. Век восемнадцатый”, увенчавшая многолетние усилия авторского коллектива во главе с В.Н. Виноградовым, причем более половины объема книги принадлежит самому инициатору этого проекта. В настоящее время продолжает готовиться труд, призванный стать логическим продолжением недавно опубликованного – речь идет об “Истории Балкан в XIX в.”

В.Н. Виноградов продолжает усиленно заниматься и Первой мировой войной, в том числе проблемами, связанными с ее генезисом, по которым до сих пор продолжают споры в профессиональной среде. Он один из основателей российской Ассоциации историков Первой мировой войны, участник многих конференций, член авторского коллектива ряда вышедших книг, в том числе обобщающей монографии “Первая мировая война” (из серии “Мировые войны XX века”). 2002). Работы В.Н. Виноградова многократно выходили за рубежом. В 2000 г. в Льюистоне (США) опубликована его обобщающая монография “Россия и Балканы. От Екатерины Великой до Первой мировой войны”.

Свою эрудицию и профессиональные навыки В.Н. Виноградов охотно передает начинающим историкам. Ученики Владилена Николаевича работают далеко за пределами Москвы, особенно велика его роль в становлении молдавской исторической школы. Уже несколько десятилетий В.Н. Виноградов принимает участие в подготовке учебников по Новой истории Европы и Америки для студентов университетов. Кроме того, много лет В.Н. Виноградов возглавляет в Институте славяноведения РАН специализированный научный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций по всеобщей истории, сочетая в своей нелегкой работе доброжелательность и такт с принципиальностью и научной требовательностью.

В.Н. Виноградов – член редколлегии журнала “Новая и новейшая история”, его многочисленные статьи публиковались в “Вопросах истории”, других журналах. Широкая эрудиция, способность охватить единым взором исторический процесс на протяжении по меньшей мере трех последних столетий позволяют В.Н. Виноградову участвовать в дискуссиях по самым принципиальным проблемам не только всеобщей, но и отечественной истории. В.Н. Виноградов – постоянный автор журнала “Славяноведение” с первых лет его существования. В своих статьях он, как правило, не замыкается на частных темах, выходит на широкие обобщения.

Историк счастливой судьбы, сумевший реализовать свой потенциал в многочисленных завершённых трудах, Владилена Николаевича и в свои 80 лет полон творческих сил и новых замыслов, продолжает трудиться над их воплощением. В 2004 г. он выступал на ряде конференций с яркими, запоминающимися докладами по проблемам международных отношений в Европе XIX в. и истории Первой мировой войны. Близится к завершению монография “Балканская эпопея князя А.М. Горчакова”. Для молодых коллег, работающих с ним рядом, Владилена Николаевич Виноградов остается не только примером рыцарского служения своему ремеслу, но и живым олицетворением той традиции, без сохранения которой российская историческая наука едва ли окажется способной решать на достойном уровне стоящие перед нею задачи.

© 2005 г. Дирекция и коллектив
Института славяноведения РАН

Редколлегия и редакция журнала “Славяноведение” присоединяются к поздравлению с юбилеем своего одного из самых любимых и уважаемых авторов. Желают ему дальнейших творческих успехов и с нетерпением ждут новых публикаций.

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВИЧА СЕДОВА (1924–2004)

5 октября 2004 г. скончался Валентин Васильевич Седов, крупнейший российский археолог-славист, действительный член Российской Академии наук.

Печально осознавать, что ушел из жизни этот человек, и не только потому, что без него трудно представить себе отечественную славистику. Коллегам, особенно среднего и младшего поколения, знавшим Валентина Васильевича последние тридцать лет, казалось, что время не имеет над ним власти. Всегда подтянутый и элегантный, сдержанный и скупой на слова, корректный руководитель ученых собраний, на которых часто кипели дискуссии, Валентин Васильевич оставался таким до конца своих дней. Когда в конце июля 2004 г. он руководил работой археологической секции Скандинавской конференции, никто из участников не мог заподозрить, что он смертельно болен.

В.В. Седов родился 21 ноября 1924 г., пришел в науку после Великой Отечественной войны, с боевыми наградами, в том числе орденом Красной Звезды. Он относился к поколению людей, которые сформировали современную отечественную науку и культуру. Известна история о “трех Валентинах” – студентах истфака МГУ, увлекавшихся тогда археологией и работавших в Новгородской экспедиции: один из них – Валентин Берестов – стал известным поэтом, два других – Валентин Янин и Валентин Седов – археологами-академиками.

Археологические исследования В.В. Седова в Новгороде (Перынь), Верхнем Поднепровье, Владимиро-Суздальском Поволжье, наконец, в Изборске, целиком раскопанном ныне древнерусском городе, сразу заставили ученого обратиться ко всему комплексу проблем, связанных с расселением славян в лесной полосе Восточной Европы. Он издал в серии “Свод археологических источников” выпуски, посвященные ключевым памятникам восточнославянского средневековья: сопкам, традиционно приписываемым новгородским словенам, и длинным курганам кривичей. Проблемы взаимодействия славян с их соседями – балтами и финно-уграми – требовали знания не только археологии, но и данных других дисциплин – антропологии, лингвистики, исторической ономастики. Фантастическая трудоспособность Седова (о которой ходили легенды до последнего дня) позволила ему владеть этими данными и создать фундаментальные труды по археологии и – шире – культуре народов Восточной Европы в раннем средневековье.

Способности к междисциплинарному подходу позволили В.В. Седову обратиться к одной из наиболее сложных проблем славистики – этногенезу и ранней этнической истории славян. Начиная с небольшой книжки 1979 г., он выпустил целую серию монографий о славянстве, прослеживающих его истоки от индоевропейской древности до эпохи средневековья (свою вторую Государственную премию за эти работы он получил в 1998 г.). Завершающим трудом стала книга “Славяне: историко-археологическое исследование” (2002), в которой Седов стремился обобщить археологические данные обо всех славянских народах.

Много сил В.В. Седов отдавал организации науки – от регулярных семинаров во Пскове до постоянного участия в работе Международной унии славянской археологии, Международных конгрессах славянской археологии, Международных съездах славистов. С 1988 г. он руководил отделом полевых исследований Института археологии, принимая участие в организации и контроле над археологическими работами на пространстве всей России. Своей задачей он считал не только качественное исследование, но и спасение исторического наследия, которое оказалось под угрозой разграбления в последние годы. Ясное осознание необходимости междисципли-

линарного развития славистики делало В.В. Седова открытым для сотрудничества с коллегами – историками и филологами. Им написаны разделы о происхождении славян и истории их материальной культуры для монографии “Очерки истории культуры славян”, выпущенной Институтом славяноведения и балканистики в 1996 г. Валентин Васильевич был тесно связан с Институтом славяноведения: его статьи неоднократно публиковались в сборниках Института, он принимал участие в обсуждении защищавшихся в Институте диссертаций. В.В. Седов являлся членом Комиссии историков России и Польши.

В серии “Археология СССР” В.В. Седовым были составлены тома “Восточные славяне VI–XIII вв.” (1982) (удостоенный Государственной премии в 1984 г.) и “Финно-угры и балты в эпоху средневековья” (1987). Эти книги стали необходимыми справочниками для всех, кто занимается древностям Восточной Европы. Естественно, что проблематика славянского этногенеза, равно как и процессов сложения славянских народов и государств, всегда была остро дискуссионной. Хронологическая широта охвата Седовым археологических проблем включает эпохи развития человечества от каменного века до средневековья. Географический диапазон, в котором он рассматривал миграции славянских общностей, простирается от Среднего Дуная до Средней Волги и Балтики. Особенностью его научного склада была восприимчивость к новым идеям. Представление о заселении Новгородской земли славянами не из Приднепровья, а южной Прибалтики, сформировавшееся в последние годы после изучения языка берестяных грамот, заставило В.В. Седова в последних докладах пересмотреть концепцию этногенеза славян, предположив исходное существование двух групп праславянства. Возрождение в современной историографии интереса к ругам на Среднем Дунае, которые еще в Средние века отождествлялись с начальной Русью, позволило Седову создать свою концепцию истоков Руси и Русского государства, отраженную в монографии “У истоков восточнославянской государственности” (1999). В.В. Седов считал необходимым для развития науки наличие разных взглядов на дискуссионные проблемы славистики. Он участвовал в недавней полемике об этапах сложения Древнерусского государства на страницах журнала “Славяноведение”. Редколлегия ждала его текст и к проходящей в журнале дискуссии по балто-славянской тематике, но обсуждение этой проблемы состоится уже без его непосредственного участия, хотя его имя и его научные концепции вновь должны стать в центре внимания.

Коллеги успели подготовить к печати сборник, посвященный 80-летию юбилею В.В. Седова “Восточная Европа в средневековье” (2004). Его дело и жизнь его научных достижений продолжают.

*Дирекция и коллектив Института
славяноведения РАН,
редколлегия журнала “Славяноведение”*

CONTENTS

ARTICLES

Towards Anniversary of Andrey A. Zalyznyak	3
<i>Nikolaev S.L.</i> (Moscow). Carpatho Ukrainian-Pannonian Isogloss (Reflection of Ancient-Slavic Combinations *tj and *dj)	4
<i>Gippius A.A.</i> (Moscow). Princely Statutes of Great Novgorod: "Prince Yaroslav's Statutes Concerning Bridges"	9
<i>Litvina A.F., Uspenskyi F.B.</i> (Moscow). Hagiography and the Choice of Name in Old Russia.....	25
<i>Turilov A.A.</i> (Moscow). When Michail Klopsky Died and Who Foretold a Church Career to Archbishop Jona of Novgorod?.....	43
<i>Itkin I.B.</i> (Moscow). A Limitation on the Compatibility of Suffix and Stem in Contemporary Russian	50

COMMUNICATIONS

<i>Kovalev V.N.</i> (Moscow). Western Slavonic Ruler's Ethnic Self-Identity in the Political Context: "Slavonic" Motives in the Propaganda by King of Czechia Premysl Ottakar II	58
<i>Lapteva L.P.</i> (Moscow). Sorbian National Leader Arnošt Muka (1854–1932) and His Contacts with the Russian Scholars	71
<i>Birman M.A.</i> (Ashdod). P.M. Bizilli During His Emigration to Yugoslavia (1920–1923).....	84
<i>Fici F.</i> (Florence). N.N. Durnovo's Archive in Prague (Materials to the History of Slavic Studies 1924–1927).....	96

PUBLICATIONS

<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). About Roman Yakobson's Invitation to Visit USSR in 1956.....	110
---	-----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Venediknov G.K.</i> Славянский вестник. Вып. 1	116
---	-----

ANNIVERSARIES

Toward the Anniversary of Ritta Petrovna Grishina	121
Toward the Anniversary of Vladilen Nikolaevich Vinogradov	123

OBITUARIES

In Memoriam of Valentin Vasiljevich Sedov (1924–2004)	125
---	-----

Сдано в набор 05.04.2005 Подписано в печать 30.05.2005 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 5,8 тыс. Уч.изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 542 экз. Зак. 368

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20

E-mail: juslav@rambler.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099, Москва, Шубинский пер., 6

